

2021

Том 12. № 2

2021. Vol. 12. No. 2

DOI: 10.19181/vis.2021.37.2

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Социология
исторической памяти**

/ Социология исторической памяти

/ Культурная адаптация мигрантов

/ Демографические тренды
геостратегических территорий

/ Цифровой след
гражданской активности

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 2'2021

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2021. Том 12. № 2

DOI: 10.19181/vis.2021.37.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2021

© Vestnik instituta sotziologii, 2021

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, Начальник управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Алтайский филиал РАНХиГС (Барнаул, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Йонъин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political processes of the Institute of Sociology of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International Affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAIENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Altai branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Head of the Center of Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Светлой памяти Леокадии Михайловны Дробижевой.....	14
Тема номера:	
Социология исторической памяти (к 80-летию начала Великой Отечественной войны).....	19
<i>Широкалова Г. С.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма.....	19
<i>Фадеев П. В.</i> Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы	36
<i>Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В.</i> Историческая память: школьники и студенты об истории России.....	55
Памяти Л. М. Дробижевой: этносоциальные процессы	83
<i>Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М.</i> Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха (Якутия)).....	83
Социальные процессы в регионах РФ	101
<i>Комарова Т. М., Калинина И. В., Соловченков С. А.</i> Субъективные и объективные оценки личной занятости населения Дальневосточного региона (на примере Еврейской автономной области).....	101
<i>Пацюрковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.</i> Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–2018 гг.	123
<i>Ишкинеева Ф. Ф., Озерова К. А., Ишкинеева Г. Ф.</i> Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность.....	143
Гражданская культура и гражданская активность: отражение в киберпространстве	158
<i>Домбровская А. Ю., Парма Р. В., Азаров А. А.</i> Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в Рунете	158
<i>Забокрицкая Л. Д., Орешкина Т. А.</i> Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона	175
Трибуна молодого учёного.....	194
<i>Родионов Г. Я.</i> Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания москвичей и таллинцев: роль воспринимаемой угрозы ...	194

Contents

About the Issue	8
In Loving Memory of Leocadia M. Drobijeva.....	14
Issue Topic:	
Historic Memory Sociology	
(To 80th Anniversary of Great Patriotic War Start).....	19
<i>Shirokalova G. S.</i> Historical Memory of the Great Patriotic War: Reasons for Pluralism	19
<i>Fadeev P. V.</i> The Historical Memory of Russians in Sociological Surveys: Foundations, Reality, Problems	36
<i>Podlesnaia M. A., Solovyova G. V., Ilina I. V.</i> Historical Memory: Schoolchildren and Students About the History of Russia	55
In Memory of L.M.Drobijeva: Ethno-Social Processes.....	83
<i>Arutyunova E. M., Kuznetsov I. M.</i> Integration Potential of Migrants and the Host Society: Similarities and Differences (on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia))	83
Social Processes in Russian Regions	101
<i>Komarova T. M., Kalinina I. V., Solovchenkov S. A.</i> Subjective and Objective Assessments of Personal Employment at the Russian Far East (Jewish Autonomous Region as a Case Study)	101
<i>Patsiorkovskiy V. V., Simagin Yu. A., Murtuzaliev D. D.</i> Population Dynamics of Priority Geostrategic Territories of Russia in 2010–2018.....	123
<i>Ishkineeva F. F., Ozerova K. A., Ishkineeva G. F.</i> The Image of the «Smart City» Innopolis: Concepts and Everyday Life	143
Civil Culture and Civil Activities Reflected in Cyberspace	158
<i>Dombrovskaya A. Yu., Parma R. V., Azarov A. A.</i> Social Media Infrastructure of the Russians Civic Participation: The Analysis of Audience Intersection Graphs for Socio-Political Communities on Runet	158
<i>Zabokritskaya L. D., Oreshkina T. A.</i> Analysis of Search Query Statistics as a Tool for Monitoring the Ecological Attitudes of the Region’s Population.....	175
Young Researcher’s Tribune.....	194
<i>Rodionov G.Y.</i> Civic Identity and Acculturation Expectations of Muscovites and Tallinn Residents: The Role of Perceived Threat....	194

О выпуске

Тема данного номера «Социология исторической памяти» посвящена 80-летию начала Великой Отечественной войны, дата которого – 22 июня, совпадает со сроками выхода журнала. Однако есть и другие причины обращения к исторической рефлексии и её роли в развитии современного российского общества. В последние годы поляризация публичного политического дискурса исторической памяти происходит почти по всему миру. Близкие и далёкие исторические события переоцениваются с позиций современных политических и этических установок, различные интерпретации истории превращаются в конфликтующие идеологические конструкты, сам концепт исторического факта становится весьма неустойчивой, зыбкой категорией под воздействием целого ряда сложных социально-политических процессов. По этой причине научный анализ отношения социума к событиям прошлого представляется более чем актуальным. Однако социологический дискурс в данной сфере также полемичен, что и отражено в статьях рубрики. Все они сфокусированы прежде всего на мировоззренческом и ценностном аспектах исторической памяти народа, на выявлении влияющих на восприятие истории факторов. Представленные в них данные эмпирических исследований в целом схожи, различаются скорее их интерпретации.

Мы надеемся, что сможем продолжить дискуссию об исторической памяти на страницах Вестника и по крайней мере попытаемся найти ответы на целый ряд связанных с этим явлением вопросов. Например, допустима ли оценка исторических событий и исторических деятелей с позиций современной этики? Почему она в принципе стала возможной? Каковы представления различных социальных групп о глубинных причинах наиболее значимых исторических событий?

Выпуск открывает статья Широкаловой Г. С. (Нижний Новгород) «Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма». Её автор приходит к выводу, что историческая память формируется в первую очередь информационным полем (школой, сетевыми ресурсами, СМИ), а не особенностями участия российских регионов в Великой Отечественной войне. Отношение молодёжи к прошлому без учёта причинно-следственных связей времени, в которое они проходили, объясняется не только угасанием коммуникативной памяти в связи с естественным уходом поколения участников и свидетелей войны. Под влиянием массового дискурса, формируемого медиа и интернетом, происходит десакрализация жизни и смерти, а следовательно, и подвига народа. По мнению автора, сегодня в студенческой среде формируется тенденция отчуждения от собственной страны. Автор утверждает, что патриотизм

как мировоззрение нельзя сформировать исключительно на событиях прошлого. Решающим фактором является уровень соответствия желаемого и действительного в повседневной жизни молодёжи, воспитанной в российской «рыночной матрице». В подтверждение такого вывода приведены данные о миграционных планах после окончания вуза.

В статье [Фадеева П. В.](#) (Москва) [«Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы»](#) показано, что исторические знания большей части россиян обрывочны, так как происходят из разных источников и не всегда соответствуют историческим фактам. Великая Отечественная война на современном этапе является главным историческим событием, заслоняющим все остальные, в чём немалая заслуга принадлежит действующей власти. По мнению автора, постоянное акцентирование темы войны, подчёркивание героических моментов, совмещённое с нивелированием трагических, вызывает искажённое восприятие данного события у части населения. Трактовка истории (особенно периода Великой Отечественной войны) становится ареной «войны политической». Поэтому нынешнему и будущим поколениям придётся выискивать крупицы истины в весьма политизированном и порой обманчивом информационном поле.

В статье [Подлесной М. А.](#) (Москва), [Соловьёвой Г. В.](#) и [Ильиной И. И.](#) (Тюмень) [«Историческая память: школьники и студенты об истории России»](#) поднимается проблема сохранения национального самосознания в условиях гибридизации/универсализации ценностей российской молодёжи. Авторы приходят к выводу о необходимости сохранения преемственности и общей оценки у школьников и студентов вузов относительно ряда исторических событий и личностей, в первую очередь Великой Отечественной войны 1941–45 гг., советского прошлого, Петра Великого. При этом наблюдаются разрывы исторической памяти в отношении событий, связанных с периодом Древней Руси и недавнего присоединения Крыма к России. Среди школьников доминирует группа учащихся, у которых история страны вызывает гордость (58%), при этом есть группа тех, кто безразличен к своей истории или высказывает негативные оценки (8%) и относится к истории России нейтрально (34%). Высок процент (76%) тех, кто считает, что необходимо помнить «мрачные» страницы своей истории. В итоге сформировалась определённая группа молодёжи, которая по каким-то причинам стала сомневаться в своей стране и стыдиться её прошлого, но вместе с тем она готова участвовать в её преобразовании.

Специальная рубрика посвящена памяти недавно ушедшей от нас Леокадии Михайловны Дробижевой – выдающегося исследователя, основателя отечественной школы этносоциологии, чей вклад в развитие российской науки был отмечен государственными наградами РФ. В рубрике представлена статья коллег и соратников Л. М. Дробижевой – [Арутюновой Е. М.](#) и [Кузнецова И. М.](#) (Москва) [«Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала \(на примере Республики Саха \(Якутия\)\)»](#). Эта статья посвящена анализу

и сопоставлению интеграционных потенциалов принимающего общества и мигрантов в Республике Саха (Якутия). Выявлено, что среди мигрантов доля людей с высоким интеграционным потенциалом существенно выше, чем в принимающем сообществе. По мнению авторов, это значит, что мигранты оценивают принимающую среду и собственные перспективы интеграции выше, чем местные жители. Высокий уровень интеграционного потенциала мигрантов в первую очередь связан с долгосрочными планами на жизнь в России и данном регионе, а также с наличием семьи (в регионе пребывания или в стране исхода). Для местных сообществ основным критерием оценки мигрантов является степень соответствия их поведения местным социально-культурным нормам, а для мигрантов ключевым критерием оценки принимающего общества является мера возможности безопасной и материально благополучной жизни в Республике Саха (Якутия) и в России в целом. Такое различие в критериях оценки может создавать для обеих сторон дополнительные препятствия к активному повседневному взаимодействию в разных сферах, что тормозит процессы взаимной интеграции.

Традиционная рубрика [«Социальные процессы в регионах РФ»](#) представлена тремя статьями. Две из них так или иначе связаны с проблемами занятости и миграции, ведущей к депопуляции регионов, их экономической и социокультурной деградации. Наиболее ощутим этот процесс на локальном уровне. В третьей статье показан процесс создания в одном из самых динамично развивающихся субъектов РФ – Республике Татарстан высокотехнологичной локальности, которая может стать центром притяжения высококвалифицированных кадров, а в итоге местным центром развития.

Открывает данную рубрику работа [Комаровой Т. М., Калининой И. В. и Соловченкова С. А. \(Биробиджан\) «Субъективные и объективные оценки личной занятости населения Дальневосточного региона \(на примере Еврейской автономной области\)»](#). В статье на основе объективных и субъективных оценок делаются выводы о личной занятости населения жителей Еврейской автономной области. Показано, что по сравнению с другими дальневосточными субъектами, ЕАО по отдельным показателям занимает позиции аутсайдера (например, по смертности), а по другим – лидера (например, по сокращению роста безработицы). Городское население в подавляющем большинстве предпочитает стандартные формы занятости, воспринимая неформальную занятость скорее как возможное дополнение к основному месту работы. В сельской местности наблюдается противоположная ситуация, поскольку неформальная занятость занимает ведущее место. Население достаточно пассивно использует возможности получения дополнительных доходов. Более 60% опрошенных частично обеспечивают свои семьи, используя архаичные экономические практики: сбор и переработку дикоросов, охоту, рыбалку, что может свидетельствовать как о некоем характерном культурном феномене региона, так и о недостатке финансовых средств у значительной части населения. Данное наблюдение авторов, с нашей точки зрения,

показывает, что в некоторых регионах присваивающее хозяйство является значимой составляющей экономики, достаточно весомой для того, чтобы быть зафиксированной инструментами эмпирической социологии.

Статья [Пациорковского В. В., Симагина Ю. А. и Муртузалиевой Д. Д. \(Москва\) «Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–18 гг.»](#)¹ одна из последних работ, подготовленных Валерием Валентиновичем Пациорковским – видным российским учёным, крупным специалистом в области экономической географии и демографии. К несчастью, Валерий Валентинович не дожидаясь выхода её в свет. Эту публикацию коллеги посвящают его памяти.

В статье представлен анализ изменений численности населения приоритетных геостратегических территорий РФ. Описаны все четыре группы приоритетных территорий России – эксклавы (обособленные от основной территории страны зоны), территории, расположенные на Северном Кавказе, Дальнем Востоке и в Арктической зоне. Авторами выявлена разнонаправленность основных демографических процессов на приоритетных геостратегических территориях страны – естественный прирост сочетается с миграционным оттоком населения, а миграционный приток – с естественной убылью. Показаны особенности как групп таких территорий по сравнению с Россией в целом, так и отдельных субъектов РФ и муниципальных образований внутри этих групп. Были определены направления, которые могут привести к улучшению демографической ситуации на исследуемых территориях, и, соответственно, будут способствовать социально-экономическому развитию не только этих территорий, но и всей страны.

Статья [Ишкинеевой Ф. Ф., Озеровой К. А. \(Казань\) и Ишкинеевой Г. Ф. \(Цукуба, Япония\) «Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность»](#) посвящена анализу жизнедеятельности одного из самых молодых городов России – Иннополиса (Республика Татарстан), который строится как высокотехнологичное пространство, спроектированное с учётом современных концепций городского развития. Это амбициозный проект по созданию особой среды, наполненной современной «умной» инфраструктурой и «умными» способами управления, а также пространства с инновационной экономикой, полностью ориентированной на работу крупных, средних и мелких компаний в области высоких технологий и образования в сфере IT. Иннополис – вновь формируемое городское сообщество, где практически каждый житель – новосёл. История города официально началась в 2015 г., социальная структура города находится в стадии формирования. Анализ результатов проведённого авторами статьи эмпирического исследования обнаружил значимые различия в оценке респондентами

¹ Данная статья является продолжением темы, уже представленной этими же авторами в нашем журнале. См.: Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 3. С. 59–77. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.589>

качественных и количественных компонентов жизнедеятельности города. В целом уровень удовлетворённости городского сообщества новой средой обитания достаточно высок.

В рубрике [«Гражданская культура и гражданская активность: отражение в киберпространстве»](#) представлены результаты исследований гражданского общества, проведённых с помощью цифровых технологий. В статье [Домбровской А. Ю., Пармы Р. В. и Азарова А. А. \(Москва\) «Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в Рунете»](#) демонстрируются результаты анализа цифровой инфраструктуры гражданского и политического участия россиян, показаны связи между аудиториями онлайн-сетевых сообществ, отражающих маркеры отношения российских пользователей социальных медиа к действующей власти и индикаторы вовлечённости граждан РФ в реализацию социальных инициатив. Выявлены показатели плотности коммуникаций между цифровыми группами политического и гражданского участия, установлены точки пересечения их аудиторий. Сегменты инфраструктуры связей показаны как для всех социально-медийных сообществ (кейсов исследования), так и для каждого блока сообществ, классифицированных по двум основаниям: направленность (лояльные или критически ориентированные по отношению к власти) и тип группы (политического или гражданского толка). Выявлено и показано пересечение аудиторий лоялистских и оппозиционных онлайн-сообществ. Показана также разобщённость и дистанцированность лоялистских, конвенциональных групп, осуществляющих политическую коммуникацию, от групп «гражданской направленности», также конструктивно настроенных по отношению к власти. Выявлены и графически интерпретированы приёмы захвата пользовательской аудитории в деятельности оппозиционных онлайн-лидеров. Обоснованы риски низкой плотности связей между аудиториями лояльно ориентированных социально-медийных сообществ.

Статья [Забокрицкой Л. Д. и Орешкиной Т. А. \(Екатеринбург\) «Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона»](#) анализирует возможности использования статистики поисковых запросов для мониторинга экологических ценностных установок населения. В работе также рассматриваются основные подходы к пониманию сущности экологической культуры, выделены её базисные компоненты: когнитивный, ценностный и деятельностный. Внимание акцентировано на трудностях эмпирического изучения реального состояния компонентов экологической культуры. Авторы формулируют определение термина «цифровой след», показывают перспективы изучения экологических установок населения как наиболее подвижного элемента экологической культуры с помощью анализа статистики поисковых запросов. Проведено исследование запросов жителей Свердловской области, зафиксированных поисковой системой Яндекс. В целом результаты исследования показали, что данные

поисковых запросов могут служить источником актуальной информации об экологических установках населения региона. Выявлены преимущества и недостатки данного метода эмпирического исследования.

Традиционной для Вестника стала и рубрика [«Трибуна молодого учёного»](#). В этом выпуске в ней представлена статья [Родионова Г. Я. \(Москва\) «Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания москвичей и таллинцев: роль воспринимаемой угрозы»](#). В статье содержатся результаты проведённого автором исследования, направленного на определение роли воспринимаемой угрозы во взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий принимающего населения. Является ли воспринимаемая угроза модератором, т. е. показателем, меняющим направление и характер взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий? Каковы различия роли воспринимаемой угрозы в разных контекстах: со стороны москвичей (этнических русских) к мигрантам и со стороны таллинцев (этнических эстонцев) к русским, являющимся этническим меньшинством? В каждой группе эффект модерации сработал по-разному. Для москвичей воспринимаемая угроза была связана с установками на интеграцию. У таллинцев воспринимаемая угроза показала связи с двумя стратегиями, которые предполагают полное отсутствие интеграции.

Светлой памяти Леокადии Михайловны Дробижевой

11 апреля 2021 года ушла из жизни Леокадия Михайловна Дробижева, известнейший советский и российский социолог, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации РФ, заместитель председателя Научного совета Российской Академии наук по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, лауреат премии Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации 2019 г., заслуженный деятель науки РФ, почётный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН, эксперт мирового уровня в области теории и методологии этносоциологии, социологии межэтнических и межнациональных отношений, проблем исследования этнической, гражданской и общероссийской идентичности, социальным аспектам межкультурного взаимодействия.

Леокадия Михайловна родилась 13 января 1933 г. в Москве. Профессиональное и личностное становление её пришлось на годы учёбы на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, на эпоху «хрущёвской оттепели». Характерный для этого времени дух свободы, обновления, гражданского энтузиазма стимулировал к поиску себя, своего места в обществе и профессиональной среде. По её воспоминаниям, профессура Московского университета и активная студенческая молодёжь ставили высочайшую планку не только в овладении профессией, но и в понимании тесной связи гуманитарной науки и гражданской позиции. Референтной группой для молодой Леокადии Михайловны были учёные, преподаватели и студенческая молодёжь новой демократической волны. В своих воспоминаниях она писала, что студенты старших курсов, такие как Э. В. Клопов и Л. А. Гордон были для неё эталонами. «Они собственным

примером показывали, что такое поступать честно и нравственно, как надо думать; что нужно не просто воспринимать события в том виде, в каком они “плывут”, а надо сравнивать, сопоставлять».

В эти годы сформировалась её жизненная и исследовательская позиция, на которой впоследствии она строила всё своё научное творчество. Эта позиция проявилась уже в нетривиальном подходе молодой аспирантки Института истории АН СССР Л. Дробижевой к разработке темы «экономических совещаний» как одной из форм регионализма в формировании институтов управления народным хозяйством. В своей кандидатской диссертации она показала значение региональной специфики и роль человеческого фактора – разных по возрасту, опыту, профессии и идеологиям людей в функционировании региональных структур управления.

Поворотным моментом, предопределившим весь дальнейший профессиональный путь Леокадии Михайловны, стал её переход в 1967 г. в Сектор социологии Института этнографии АН СССР, которым руководил Ю. В. Арутюнян. Данное научное подразделение было «колыбелью» отечественной этносоциологии, а Леокадия Михайловна, наряду с Ю. В. Арутюняном, по праву считаются основателями этой во многом уникальной отрасли социальных наук. Сотрудники сектора на протяжении почти 30 лет проводили масштабные исследования межнациональных отношений и этнокультурных особенностей повседневной жизни людей, национальной специфики работы систем местного управления практически во всех национальных республиках СССР. Непременным руководителем или участником почти всех этносоциологических экспедиций была Леокадия Михайловна. Возможно, именно в это время у неё сформировался исследовательский принцип, которому она следовала на протяжении всей жизни: полагаться на полученные количественные данные документальными источниками, наблюдениями из повседневной жизни изучаемых сообществ, беседами с людьми разного социального статуса. Сейчас это называется «методом триангуляции», но Леокадия Михайловна применяла его задолго до появления этого термина. Леокадию Михайловну никак нельзя назвать «кабинетным» учёным, она всегда была исследователем-полевиком, исходившим, изъездившим каждый регион, о котором она писала.

Этносоциологические данные, собранные в экспедициях в РСФСР, Грузии, Молдавии, Узбекистане, Эстонии, подкреплённые государственной и республиканской статистикой, официальными документами, материалами СМИ легли в основу очень резонансной по тем временам (1981 г.) монографии «Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений». Многие коллеги Леокадии Михайловны считали публикацию книги очень рискованным шагом. Выявленные в ходе исследований проблемы межнациональных отношений, особенно на межличностном уровне, не могли, по цензурным соображениям, получить адекватное отражение в публичном пространстве советского государства,

декларировавшего межнациональный мир и согласие. Много приходилось прятать между строк или недоговаривать. Тем не менее Леокадия Михайловна решилась представить в этой монографии не только «парадную» сторону межнационального согласия в СССР, но и обозначить выявленные проблемы. В том же 1981 г. на основе монографии Леокадия Михайловна подготовила и блестяще защитила докторскую диссертацию «Межнациональные отношения в СССР». Эти работы без преувеличения составляют фундамент отечественной школы исследования межнациональных отношений.

Следующий знаковый этап жизненного пути Леокадии Михайловны приходится на 1990-е гг., когда она возглавляла Сектор социально-политических проблем национальных отношений Института этнологии и антропологии РАН (бывшего Института этнографии АН СССР). Это было непростое время для Академии, когда и без того скромная зарплата не выплачивалась месяцами, полевые исследования вообще не финансировались из бюджета, многие исследовательские коллективы распадались: кто-то уходил в частное предпринимательство или политическую деятельность, кто-то покидал Россию навсегда. В это тяжёлое время Леокадия Михайловна, благодаря своей неистощимой жизненной энергии, работоспособности на грани человеческих возможностей, приобретённому международному научному авторитету и, не в последнюю очередь, благодаря свойственному ей обострённому чувству ответственности за людей, которые её окружали, изыскала средства, позволившие не только сохранить коллектив, но и провести масштабные многолетние (1993–99 гг.) исследования трансформации межнациональных отношений в регионах новой России в изменившихся политических и экономических реалиях. Книги и статьи, написанные по материалам этих исследований, электронные базы данных этносоциологических опросов имеют непреходящую ценность для исследователей межнациональных отношений и для историков, которые будут изучать девяностые годы XX столетия. Данные материалы уникальны, в них детально и очень точно отражены социальные и этнополитические процессы периода, который позже получил название «эпохи парада суверенитетов», периода, когда декларированная в СССР «нерушимая дружба народов» проходила проверку на прочность.

Исследования позволили в числе прочего сделать вывод о том, что дискурсы межнациональных претензий, межэтнической конфликтности скорее востребованы среди элит республик и совсем незначительно сказываются на межнациональных отношениях на межличностном уровне. И тогда Леокадия Михайловна «пошла в элиты». Она самостоятельно, практически без какой-либо технической поддержки, организовала и провела интервью с руководителями ряда республик, лидерами общественного мнения, крупными предпринимателями, лидерами национальных движений (от вполне умеренных до отчётливо экстремистских). Результатом стала резонансная и востребованная общественными деятелями, политиками и учёными книга «Говорит

элита республик Российской Федерации: 110 интервью Л. Дробижевой с политиками, бизнесменами, учёными, деятелями культуры, религии, лидерами оппозиционных движений» (1996 г.), показавшая роль элит в формировании регионального контекста межнациональных отношений в новой России.

В исследованиях 1990-х гг. принимали участие не только сотрудники её Центра, но и учёные из регионов. Для многих из них совместная работа с Леокадией Михайловной дала возможность увидеть незамеченные ранее проблемные поля, открыла новые перспективы плодотворной исследовательской деятельности. Значимым для Леокадии Михайловны итогом этого периода её жизни было становление неформального, но очень сплочённого сообщества её учеников и последователей в регионах России и за её пределами, формирование «этносоциологической школы Леокадии Дробижевой».

Последние двадцать лет жизни Леокадии Михайловны непосредственно связаны с Институтом социологии РАН, куда они пришла сразу на должность директора в 2000 г. О переживаниях, проблемах, достижениях и неудачах этого пятилетнего периода директорства никто не может рассказать лучше её самой¹. Без сомнения, все сотрудники Института, от вахтёров и технических работников до руководителей его подразделений, вспоминают этот период со светлым чувством и искренней благодарностью. Она ушла с поста директора с ощущением выполненного долга, полная желания посвятить себя делу всей своей жизни – исследованиям межнационального контекста российского общества.

С 2005 г. Леокадия Михайловна работала на посту руководителя Центра исследования межнациональных отношений и Отдела этносоциологии. Тогда она сосредоточилась на исследовании сложной многосоставной и многоуровневой структуры российской идентичности и, особенно, на определении условий, способствующих укреплению государственного и гражданского единства народов России. Данным вопросам были посвящены многочисленные эмпирические исследования, аналитические разработки, грантовые проекты. С этой же тематикой была связана её обширная общественная деятельность. Леокадия Михайловна была крайне востребована как эксперт, методист, советник и рецензент практически всеми государственными структурами, так или иначе ответственными за управление этносоциальными процессами. В их числе соответствующие подразделения администрации Президента РФ, администраций глав субъектов РФ, руководство и сотрудники недавно созданного Федерального агентства по делам национальностей РФ. Вряд ли кто-то может точно подсчитать количество разного рода аналитических записок, докладов, предложений по отдельным законопроектам, подготовленных Леокадией Михайловной для разных органов государственной власти. Каждый такой документ готовился чрезвычайно тщательно и ответственно.

¹ См.: Дробижева Леокадия Михайловна // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AMkZl7rwLZ8>

Научные достижения в области изучения основ и условий поддержания межнационального согласия и социально-политического единства народов России, рекомендации и практические предложения получили достойную оценку. 1 ноября 2019 г. Президент России В. Путин подписал указ о награждении Леокадии Михайловны Дробижевой премией Президента Российской Федерации за вклад в укрепление единства российской нации.

Ещё 7 апреля 2021 г. Леокадия Михайловна проводила заседание своего отдела. Обсуждала, что сделано, давала советы по уже написанным и находящимся в работе текстам, детально проговаривала планы на ближайшие два года, а 11 апреля её не стало...

Она ушла на взлёте – к новым достижениям, новым знаниям, новым планам. Но жизнь её продолжается – в её учениках и единомышленниках.

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709

Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма

Ссылка для цитирования: Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709

For citation: Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709

**Широкалова
Галина Сергеевна¹**

¹Приволжский филиал ФНИСЦ РАН,
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова,
Нижний Новгород, Россия

shirokalova@list.ru

AuthorID РИНЦ: 497528

Аннотация. В статье анализируются результаты социологического исследования исторической памяти студенчества в целом о Второй мировой войне (и Великой Отечественной в частности), проведённого Российским обществом социологов¹ в 2020 г., а также материалы опросов других научных коллективов. Автор приходит к выводу, что историческая память формируется в первую очередь информационным полем, задаваемым государственными институтами или поощряемыми им (школой, СМИ, сетевыми ресурсами). Противоречивая оценка событий XX в. привела к разрыву исторической памяти поколений и формированию значительной группы готовых принять пересмотр геополитических итогов войны с позиций фальсификаторов истории. Отношение молодёжи к прошлому без учёта причинно-след-

¹ Общероссийское исследование РОС «Что мы знаем о Великой Отечественной...» является четвёртым этапом проекта, начало которому было положено в 2005 г. Руководитель д. филос.н., проф. Ю. Р. Вишневский, члены организационного коллектива: д. филос. н., проф. В. А. Мансуров, д. соц. н., проф. Н. В. Дулина, к. соц. н., доц. Е. Н. Икингрин, с. н. с. ФНИСЦ РАН Е. Пронина, д. соц. н., проф. Г. С. Широкалова, к. соц. н., доц. Д. В. Шкурин. Десять тысяч шестьдесят пять студентов, граждан РФ, ответили на вопросы о Великой Отечественной войне. Полевой этап исследования по методике online-анкетирования проходил на CAWI-сервере с декабря 2019 по март 2020 г. В рабочую группу входили преподаватели более 80 вузов из 50 городов РФ. Обработка данных в программе Vortex 10. Обобщающие характеристики исследования см.: «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского: Мин-во науки и высшего образования РФ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

ственных связей событий того времени объясняется не только угасанием коммуникативной памяти в связи с уходом военных поколений, десакрализацией их жизни, подвига, смерти. Круг факторов значительно шире. Поскольку нет целостной картины истории СССР, нет ценностного стержня для оценок событий и Великой Отечественной войны. В условиях отсутствия в Российской Федерации исторической гигиены весь советский период становится для новых поколений историческим антиквариатом. К нему относятся по-разному: с почтением, снисхождением, агрессивностью, индифферентно, но он избыточен для повседневной жизни большинства. Тиражируемый 9 Мая слоган «Если надо – повторим/можем повторить» не более чем кратковременная эмоциональная реакция, в том числе на пиар-управление, но не готовность/установка/обещание действий в условиях реальной войны. Противопоставление государства стране, которое нашло отражение в популярной у молодёжи песне группы Люмен, фактически свидетельствует об отчуждении и от государства, и от страны поскольку нет одного без другого. Неизбежны вопросы: адекватны ли методологии и методики, на основе которых обществоведы выбирают круг факторов, формирующих портрет современной молодёжи и прогнозируют направление дальнейшей социализации её отдельных групп? Сколько должно быть смысловых коллаборационистов, чтобы проиграть/выиграть цивилизационную битву, в которой историческая память лишь одна из составляющих? По мнению автора, условия и возможности реализации желаемых мировоззренческих ценностей в современной России корректируют отношение к настоящему и жизненные стратегии молодёжи в большей степени, чем историческая память.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, историческая память, ценности, возможности, Россия

В 2020 г. по инициативе вице-спикера Госдумы И. Яровой ужесточено наказание по статье 354.1 «Реабилитация нацизма» УК РФ, введённой Федеральным законом 05.05.2014 N 128-ФЗ. Например, за отрицание приговора Нюрнбергского трибунала и распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны с использованием служебного положения или в интернете будет грозить штраф от 100 до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы, иного дохода осуждённого за период от одного года до трёх лет, либо принудительные работы на срок до пяти лет, либо лишение свободы на такой же срок с запретом занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до трёх лет¹.

Одной из причин принятия поправок стало распространение среди молодёжи «осквернения символов воинской славы России, совершённых публично». Сторонником России в деле сохранения исторической памяти является Израиль, который, по мнению д.и.н. А. И. Миллера, «никогда не согласится с тем, что делают институты национальной памяти в Польше и – особенно – на Украине, или с политикой памяти в Эстонии, Латвии, Литве»².

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/9017477> (дата обращения: 7.11.2020).

² «Историческая память – еще одно пространство, где решаются политические задачи». 12.2019 // URL: (дата обращения: 23.02.2021).

В этом же 2020 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла предложенную Россией резолюцию, которая провозглашает 8 и 9 Мая Днями памяти всех жертв Второй мировой войны¹.

Риски как неизбежный результат принятия данных документов

Нюрнбергский трибунал даёт систему координат в виде решений суда и доказательной базы процесса, но кого считать «всеми жертвами» Второй мировой войны? На первый взгляд, это понятное стремление на фоне «памятнικοпада», имеющего место во всех странах, не щадящего даже основателей современных государств, остановить варварство толпы и цинизм отдельных политиков. Но не повсеместность этого явления, по нашему мнению, стала причиной единодушного принятия резолюции.

В условиях идеологической войны она открывает возможность признать жертвами всех, а следовательно, и реабилитировать тех, чьи фамилии не прозвучали в Нюрнберге. С другой стороны, появление новых жертв влечёт появление новых преступников, и отнюдь не тех, кто сносит памятники сегодня, а тех, кто с определёнными целями будет «переименован» из героев в палачи, а из палачей в герои, как это произошло с генералами П. Н. Красновым, А. Г. Шкуро и др. Иначе говоря, открывается новый фронт борьбы с прошлым, и прежде всего в странах, ранее входивших в Варшавский договор, а сегодня стремящихся стать «своими» в западном мире.

В качестве примера приведём дискуссию, возникшую в 2020 г. в Белоруссии, которую всегда ставили в пример как государство, наиболее бережно относящееся к памяти о ВОВ. Речь идёт о позиции «белорусских «змага́ров»: что делать с Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны в Минске после того, как будет свергнут президент Александр Лукашенко», поскольку Великая Отечественная для Белоруссии была «чужой и навязанной». После победы белорусской «революции достоинства», считают «змага́ры», этот музей-мемориал, открытый в 1944 году, уже будет не нужен, поскольку является для «свободной Белоруссии» символом «тирании» Лукашенко. Лучшим вариантом было бы перепрофилировать его «в музей оккупации и террора. Пусть он показывает не планы грандиозных наступательных операций маршала Жукова и партбилеты политруков, а муки и пытки, которые терпели жители Белоруссии всех национальностей от нацистского, советского и лукашистского режимов»². Напомним,

¹ ООН по инициативе России провозгласила 8 и 9 Мая Днями памяти жертв Второй мировой войны // URL: https://tass.ru/obschestvo/9926223?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1604667960000. 05.11. 2020 (дата обращения: 10.11.2020).

² «Змага́ры»: Музей истории Великой Отечественной войны нам не нужен! // URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/08/19/zmagary-muzey-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-nam-ne-nuzhen>. 19.08.2020 (дата обращения: 29.10.2020).

что после осквернения обелиска «Минск – город-герой» 14 августа 2020 г.¹, организованного противниками Лукашенко, армия вынуждена была взять под свою охрану мемориал Победы и другие памятники².

Оценивая позицию националистов, президент «Центра системного анализа и прогнозирования» Р. Ищенко отмечает: «Если иметь в виду национальные движения – что на Украине, что в Белоруссии, – они потомки тех, кто сотрудничал с Гитлером. В конечном же итоге БНР выродилась в коллаборационистов, а УНР – в бандеровщину. А дальше логика простая: если ваши духовные предки – это люди, сотрудничавшие с Гитлером, то вам память о ВОВ стоит как кость в горле»³. Но дело не только в духовных предках: на бывших (и не бывших) оккупированных территориях достаточно и прямых потомков⁴.

На Украине Министерство образования и науки предлагает штрафовать и увольнять учителей за использование словосочетания «Великая Отечественная война». За нарушения – сообщения в полицию, осуждение в коллективе, увольнение. Великую Отечественную официально надо называть советско-немецкой фазой Второй мировой войны, историю Украины с 1919-го по 1991 гг. – советской оккупацией⁵.

Региональные характеристики исторической памяти

С 1 июля 2020 г. ст. 67.1 п. 3 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление подвига народа при защите Отечества не допускается». Сократится ли количество дезинформации в условиях, когда у каждого учителя, политика и СМИ «своя правда»? [10, с. 36].

В 2020 г. Российским обществом социологов проведено исследование исторической памяти студентов. Приведём некоторые результаты, которые свидетельствуют, что информация о войне откорректирована за последние десятилетия очень существенно. Причём наряду с традиционными вопросами по шкалам «кого помнят», не несущими ценностной составляющей (Гитлера знают все), нами были взяты результирующие оценки событий Второй мировой войны.

¹ Толочко В. Суд о повреждении обелиска «Минск – город-герой» начнётся 3 ноября // URL: <https://sputnik.by/incidents/20201103/1046043117/Sud-o-povrezhdenii-obeliska-Minsk--gorod-geroy-nachnetsya-3-noyabrya.html> (дата обращения: 05.11.2020).

² Ботороева Е. Минобороны Белоруссии на фоне протестов взяло под охрану памятники // URL: https://www.pnp.ru/in-world/minoborony-belorussii-na-fone-protestov-vzyalo-pod-okhranu-pamyatniki.html?utm_source=relap. 23.08.2020 (дата обращения: 09.10.2020).

³ Юрченко Н. Чёрные тени. Националисты хотят закрыть музей ВОВ в Белоруссии // URL: <https://life.ru/p/1341016/>. 21 августа 2020 (дата обращения: 29.10.2020).

⁴ Охота на палачей. Советские предатели, не избежавшие правосудия // URL: <https://ria.ru/20190811/1557216270.html>. 11.08.2019 (дата обращения: 29.10.2020).

⁵ Лихоманов П. Мандзий и дети // URL: <https://rg.ru/2020/10/21/ukrainskih-uchitelej-nakazhut-za-velikiuu-otechestvennuu-vojnu.html>. 21.10.2020. (дата обращения: 29.10.2020).

Предполагалось, что ответы респондентов будут значительно отличаться в зависимости от географического положения региона. Поэтому для данной статьи выбраны город-герой Волгоград (868 чел.) как символ мужественного сопротивления, Нижний Новгород (615 чел.), который подвергался бомбёжкам (бомбардировки города, в ту пору называвшегося Горьким, стали самыми крупными ударами авиации Люфтваффе по тыловым районам СССР в годы войны¹), и Оренбург (278 чел.), бывший в глубине тылу. Начнём анализ с общей оценки вклада СССР в победу над фашизмом (см. табл. 1).

Прежде всего отметим, что существенных отличий в оценках по регионам проживания респондентов нами не выявлено: чуть бо́льшая лояльность оренбуржцев к союзникам – в пределах погрешности.

Таблица 1 (Table 1)

Оценка вклада стран антигитлеровской коалиции в победу над фашизмом, %*
Assessment of the contribution of the countries of the anti-Hitler coalition to the victory over fascism, %

Страна	Вклад								
	Значительный			Не очень значительный			Незначительный		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
СССР	99,0	98,2	99,3	1,0	1,3	0,7	0,0	0,5	0,0
США	27,1	26,1	29,0	51,8	49,7	48,8	21,1	24,2	22,2
Англия	26,6	23,4	30,5	53,4	53,2	49,8	20,0	23,4	19,8
Франция	16,0	16,3	16,5	50,1	53,4	51,7	34,0	30,3	31,8

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Относительность знаний о Второй мировой войне хорошо видна на примере высокой оценки каждым шестым роли Франции в победе над Германией. Приведём лишь несколько фактов, показывающих ошибочность такой позиции. Франция вместе с Англией объявила войну Германии 3 сентября 1939 г., военные действия начала в апреле 1940 г., 22 июня 1940 г. Франция капитулировала перед Германией, оккупировавшей 2/3 её территории, а уже в ноябре 1942 г. Германия оккупировала всю территорию Франции, сохранив некоторые африканские колонии. Освобождена Франция была в декабре 1944 г. совместными силами французской, американской, британской и канадской армий².

Что касается США и Англии, то оценить в баллах или процентах их роли, как и роль СССР, в разгроме фашизма невозможно: слишком много показателей, которые не имеют количественного измерения. Нельзя измерить значение помощи союзников Советскому Союзу, в том числе и через ленд-лиз, измерявшийся в «тоннах и штуках». Мы солидарны

¹ Как бомбили город Горький // URL: <http://nevvod.ru/stati/gorod/istoriya/2684-kak-bombili-gorod-gorkiy/> (дата обращения: 28.10.2020).

² Франция во Второй мировой войне (1939–1945 гг.) // URL: <https://france.promotour.info/histoire/histoire-38.php#about4> (дата обращения: 28.10.2020).

с выводом доктора исторических наук, профессора М. Супруна, высказанном им в беседе с А. Мозжухиным: «Исходя из концепции ленд-лиза как пула, эта помощь нужна была нашим союзникам ровно настолько, насколько союзники нуждались в Восточном фронте»¹.

Размытость представлений не только о Второй мировой войне, но и о Великой Отечественной наглядно проявилась в ответах на вопросы, представленные в таблице 2. Согласие и колебания мнений по поводу «лесных братьев» и бандеровцев можно было бы объяснить тем, что глагол «оправдать» респонденты восприняли как «объяснить», если бы не совпадение ответов с мнением «Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944–45 гг. было оккупацией».

Таблица 2 (Table 2)

Отношение студентов к различным мнениям о Второй мировой войне, %*
Students' attitude to different opinions about World War II, %

Мнения	Отвергаю			Спорно, но обсуждаемо			Можно согласиться		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
В войне виновны и Германия, и СССР	42,5	39,7	45,1	44,5	46,4	42,5	13,0	13,9	12,5
Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. НЕ было неожиданным	28,4	31,9	32,2	35,0	35,5	30,4	36,6	32,6	37,3
Помощь фашистам («лесные братья», бандеровцы и пр.) можно оправдать борьбой против советского строя, сталинизма, за независимость Украины, стран Прибалтики и др.	42,9	38,2	44,4	43,3	47,0	44,4	13,8	14,8	11,2
Освобождение Прибалтики, Восточной Европы в 1944–1945 гг. было оккупацией	44,4	34,2	43,3	45,4	51,1	45,4	10,2	14,7	11,3
Осквернение могил и снесение памятников советским воинам и полководцам в ряде стран – это декоммунизация (борьба с наследием СССР)	41,5	36,8	43,8	25,0	29,7	27,9	33,5	33,5	28,3

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Объективные причины, по которым СССР не мог остановить свои войска на границах до 1939 г., т. к. надо было создавать пояс геополитической безопасности для предотвращения продолжения мировой войны, остаются за пределами интереса и понимания не только молодёжи. Абстрактный гуманизм, основывающийся на историческом невежестве, – вот критерий отношения к любому событию, свойственный некоторой части населения.

¹ Мозжухин А. Положение нашей страны было критическим // URL: https://lenta.ru/articles/2018/02/01/lend_lease/ (дата обращения: 28.10.2020).

В последние годы было немало публикаций и выступлений в российских СМИ о донесениях разведки И. В. Сталину о сроках нападения Германии на Советский Союз. Эта информация в основном подавалась с целью критики руководства СССР за подготовку страны к войне; что и было усвоено значительной частью россиян. Но самым настораживающим в полученных ответах является то, что у студентов нет знаний о причинах Второй мировой войны. Каждый седьмой согласен, что СССР развязал войну совместно с Германией, немногим менее половины допускают такой вариант при наличии аргументов «за». Такое мнение становится исходным посылом для ответов на другие вопросы: доля считающих СССР виновником войны близка долям оправдывающих «лесных братьев» и бандеровцев, считающих освобождение Прибалтики и Восточной Европы в 1944–45 гг. оккупацией. Соответственно, треть находят оправдание сношению памятников советским воинам за рубежом (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Отношение студентов к сносу памятников советским воинам в странах Запада, %*
*Students' attitude to the demolition of monuments to Soviet soldiers
 in Western countries, %*

	1	2	3
Эти страны суверенны и вольны поступать так, как считают правильным. Россия не должна вмешиваться	49,1	45,7	48,6
Нужно сокращать сотрудничество с этими странами	25,8	25,9	23,4
За последние годы открыты архивы, стали известны многие факты, которые заставили пересмотреть роль СССР во Второй мировой войне и послевоенное время	8,8	11,9	8,6
Мне лично всё равно	6,2	7,5	7,2
Это расплата за ошибки СССР в послевоенное время	4,8	3,7	5,0
Другое	5,0	4,7	6,5
Затрудняюсь ответить	0,2	0,3	0,7

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Оценивая распределение ответов в предыдущих двух таблицах, согласимся с профессором В. Н. Лексиним, что для русского народа характерен «этнонациональный мазохизм»: «Русские люди всегда любили расковыривать свои неприятности и беды, и этим они очень сильно отличаются от остальных. ... Это, можно сказать, историческая совесть...» [5]. Истоки «совестливости» в форме вечного покаяния по любому поводу закладывались (и закладываются) Русской православной церковью, но это тема другого исследования. Пока же зафиксируем, что историческое сознание молодёжи формируется в матрице «что слышу/вижу, то пою...». Согласимся с выводом, что «помня или рассказывая (себе или другим) о прошлом, личность пользуется принятыми в культуре данного общества интерпретационными схемами, моди-

фицируя их». Сетевой характер современного общества оказывает всё большее влияние на процесс создания нарратива как в автобиографической памяти, и в более широкой социальной памяти сообщества [13, с. 49].

Показательно распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, правительство России достаточно уделяет внимания сохранению памяти о подвигах солдат, офицеров, тружеников тыла времён ВОВ?» Речь идёт не только о памятных местах, а об отношении к истории Великой Отечественной войны в целом (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

**Оценка внимания правительства РФ к сохранению памяти
о подвигах солдат, офицеров, тружеников тыла времён ВОВ, %***

*Assessment of the attention of the RF government to preserving the memory of the
heroical deeds of soldiers, officers, home front workers during the Great Patriotic War, %*

	1	2	3
Достаточно внимания	37,1	40,0	35,6
Не достаточно внимания	31,3	28,5	28,8
Затрудняюсь ответить	30,0	28,5	33,1
Мне лично всё равно	1,6	3,1	2,5

*1. – Волгоград, 2. – Н. Новгород, 3. – Оренбург.

Колебания ответов по отдельным показателям находятся в рамках статистической погрешности, что свидетельствует о едином историческом поле для всей страны. Региональная история ВОВ практически не сказывается на оценках отношения к памяти о Великой Отечественной войне: отношение к местам памяти не входит в круг интересов практически трети респондентов.

И на нашем (10065 – студенты), и на общем массиве (14065 – студенты, учащиеся СПО, старшеклассники др.) наглядны «две ключевые тенденции в развитии общественного сознания и поведения молодых россиян – условно назовём их для обозначения сущностных характеристик тенденций – «патриотическая» («пророссийская») и «космополитическая» («прозападная»). Первая тенденция свидетельствует о сохранении (в той или иной степени) у значительной части молодого поколения (около 2/3) исторической памяти о Великой Отечественной войне, о её событиях, подвигах, героях, о её значении для нашей страны и всего мирового сообщества. ... Вторая тенденция связана с утратой частью молодёжи глубинной связи со старшими поколениями. Эта часть молодых людей практически не испытывает интереса к историческому прошлому страны, довольно критически настроена по отношению к символам и традициям общества, в большей степени ориентирована на принятие и трансляцию западных либеральных ценностей» [7, с. 144].

Распределение ответов во всех таблицах свидетельствует о формировании политического сознания, отличающегося от сознания военного и послевоенного поколений. Новые поколения «играют идентич-

ностями», противопоставляя себя «предкам», и выбирают те, которые находятся в тренде. Референтные группы молодёжи не в прошлом (в том числе семейном), а в настоящем, которое построено на принципиально иных ценностях, чем те, за которые воевало поколение дедов/прадедов.

Предложений, которые обеспечили бы «защиту исторической правды» в патриотическом спектре СМИ, немало. Так, Модест Колеров, главный редактор информационного агентства REGNUM, предлагает создать государственный институт исторической памяти, который будет координировать и облегчать работу с архивными данными, что позволит обеспечить преподавание истории на более высоком уровне, не даст так просто запутать и внушить ложные факты современному поколению, внести в список обязательного школьного чтения больше литературы о войне, так называемую «лейтенантскую прозу» [3]. Но в России уже немало других институтов, финансируемых государством, работающих «на сохранение исторической памяти», и позиции их сотрудников со времён перестройки хорошо известны. Можно ли гарантировать большую эффективность нового, когда назначения идут из одной и той же «тусовки»?

В РФ много раз поднимался вопрос о создании единых учебников по общественным наукам как информационной основы единства нации и средства от беспамятства. Но какими они будут? Вольное историческое общество провело исследование среди профессиональных историков. Приведём варианты двух ответов на вопрос, какой должна быть «оптимальная» историческая политика.

«Историческая политика должна быть направлена на сохранение и укрепление государства и государственности, основные компоненты которых – исторические уроки, историческая память, патриотическое воспитание общества, молодого поколения, формирование российской гражданской идентичности и т. д.».

«Избавиться от коммунистической топонимики, убрать памятники Ленину, захоронить труп Ленина, снести мавзолей, приравнять преступления сталинизма и фашизма, ввести штрафы за оправдание репрессий. Военный парад с 9 Мая перенести на 12 июня, 9 Мая проводить только Минуту молчания. Отменить праздники 23 Февраля, 8 Марта и 4 Ноября, ввести выходные 22 августа (победа над путчем 1991 г.) и 30 октября (день жертв политических репрессий)» [4, с. 37, 39.]. Не исключено, что именно вторая идеологическая позиция будет положена в основу учебников.

Приведём ещё одно рассуждение. В сентябре 2020 г. вышел Приказ Минпросвещения РФ «О Научно-методическом совете по учебникам»¹. «В состав Совета входят представители федеральных органов государственной власти, субъектов Российской Федерации, общероссийских, региональных, межрегиональных общественных организаций,

¹ Приказ Минпросвещения России от 03.09.2020 N 462 «О Научно-методическом совете по учебникам» (вместе с «Положением о Научно-методическом совете по учебникам») (Зарегистрировано в Минюсте России 05.10.2020 N 60232) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364100/ (дата обращения: 08.10.2020).

некоммерческих организаций, в том числе научных и образовательных организаций»¹. Обратим внимание на пассаж: научные и образовательные организации будут соревноваться за историческую правду с некоммерческими общественными организациями. Не будет ли Совет очередным мертворождённым ребёнком?

Содержание учебников несомненно зависит от позиции членов различных советов и стоящих за ними лоббирующих структур. Например, в связи с назначением М. В. Мишустина главой Правительства, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. Лихачёва В. В. Аристархов² заявил, что «проведение системной культурно-образовательной политики требует, чтобы руководящие должности в этой системе были заняты людьми одинакового мировоззрения»³. Среди таковых был назван, например, М. Е. Швыдкой, позиционирующий себя и западником, и патриотом⁴, выступающий за реституцию немецких ценностей и поддерживающий проект «Дом-2» К. Собчак. Признаем очевидное: идеология «Дома-2» не тождественна идеологии патриотизма и разрушает не только историческую, но и генетическую память народа.

На фоне заявлений президента о возрождении традиционных ценностей эти примеры прекрасно иллюстрируют невозможность единой государственной позиции по отношению к исторической памяти и формулировке национальной идеи, направленной в будущее. Противоречие это вечно, поскольку закреплено в 13 ст. Конституции РФ: «1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность». Напомним, что ст. 13 входит в ту часть Конституции РФ, которая может быть изменена только Конституционным собранием, закон о котором не принят и не будет принят, так как создаёт формальную, (подчеркнём – формальную!), но не реальную угрозу изменения основ конституционного строя.

¹ Положение о научно-методическом совете по учебникам // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364100/b9da5066fc970dc3448dedd1e601de78392ddd054/. (дата обращения: 08.10.2020).

² Член Высшего совета партии «Единая Россия», ответственный за реализацию нацпроекта «Культура», в 2013–18 гг. первый заместитель министра культуры РФ

³ Владимир Аристархов: Будет ли в новом правительстве Министерство культуры? // URL: <https://portal-kultura.ru/articles/country/310368-budet-li-v-novom-pravitelstve-ministerstvo-kultury/17.01.2020>. (дата обращения: 09.10.2020).

⁴ Михаил Швыдкой: Русский фашизм – объяснимое явление, потому что Россия – единственная страна, считающая себя уязвлённой 91-м годом. Интервью 2009 года. Части I–II. // URL: https://gordonua.com/interview/tv_full/mihail-shvydkoy-russkiy-fashizm-obyasnimoe-yavlenie-potomu-cto-rossiya-edinstvennaya-strana-schitayushchaya-sebya-uyazvlennoy-91-m-godom-189732.html. 24 мая, 2017. (дата обращения: 09.10.2020); Михаил Делягин: Швыдкой – хозяин русской культуры и германский крестоносец // URL: <https://publizist.ru/blogs/20/9417/> 27.04.2015. (дата обращения: 09.10.2020); Михаил Швыдкой: «Дом-2» является полезным явлением для России. 29.04.2009 // URL: <https://gazeta.spb.ru/149973-0/> (дата обращения: 09.10.2020).

К тому же дело не только в плюрализме учебников, позиций политиков и историков, в том числе тех, кто «в системе» и боится, став в ней «нерукопожатным», лишиться социального статуса, не имея элементарного тыла для выживания. Причины кроются прежде всего в общей атмосфере, в которой живет молодёжь. Поэтому благими будут пожелания/советы/мечты об изменении «надстройки», когда рушится «базис» в пользу преднамеренно разрушающих его, так как создают видимость «борьбы за светлое будущее» при её отсутствии.

Но историческая память (в широком смысле слова) жива, в частности, в форме ностальгии, присущей значительной части россиян, и фиксируемой социологическими исследованиями. Например, в опосредованной форме желательного идеала, который не терпит «тёмных пятен».

Желаемое и действительное: разрыв «диалектики»

Для рассмотрения этого тезиса обратимся к двум оригинальным работам. В 2019 г. Д. В. Руденкиным в Екатеринбурге проведено исследование социального самочувствия и актуальных настроений молодёжи, зафиксировавшее своеобразную ностальгию совсем по иному образу жизни, чем тот, что предлагается российскими условиями: «66,7% отметили, что те реалии, которые их окружают, не вписываются в их представление об идеале» (см. табл. 5) [6].

Таблица 5 (Table 5)

Мнение респондентов о ценностных основах идеального и российского общества, %
The opinion of respondents about the value foundations of an ideal and Russian society, %

Ценности	Основы идеального общества	Основы российского общества
Права человека	71,4	6,4
Справедливость	61,6	1,6
Свобода	60,0	10,4
Мораль	51,2	4,0
Закон	50,4	8,0
Семья, дом	41,6	20,8
Доверие	40,8	0,8
Равенство	34,4	4,0
Труд	21,6	12,8
Личный успех	8,8	62,4
Собственность	4,8	56,0
Традиция	4,8	31,2
Выгода	1,6	88,0
Сила	1,6	41,6

Налицо две «пирамиды», причём в первой высока ценность всех вербально провозглашаемых в России ценностей, во второй дана оценка их реализации в российском обществе. Диссонанс между обещанным политиками социальным государством и реальной жизнью порождает внутренний дискомфорт. Если нет доверия к обществу, в котором живёшь, не может быть и целостной мировоззренческой оценки прошлого. И нет уважения к традициям. «Расслоение» оценок возможностей и прав есть предположительно результат социально-экономического противостояния в обществе.

Набор показателей для «лучшего» и «плохого» общества, предложенный в исследовании С. Г. Ушкина и Е. А. Коваль, во многом совпадает с представленным в таблице 5, что свидетельствует о неслучайности их выбора [9, с. 8].

Итак, в сердце молодёжи «стучится» не только искажённая историческая память о прошлом, но и «пепел» несбывшихся идеализированных надежд на реализацию прав, справедливость, нравственность. Утрата большинством населения возможностей удовлетворения значительной части базовых потребностей на желаемом уровне актуализирует позитивную оценку советского периода 1970-х – начала 1980-х гг. Семейные истории доказывают, что ностальгия, характерная для сегодняшнего общества, – это ностальгия о реальном, а не мифическом [11]. Разочарования в «новой» России начались давно – в начале 1990-х гг. В октябре 1995 г. 53% респондентов считали, что было бы лучше, если бы всё в стране оставалось так, как было до «перестройки»; в сентябре 2020 г. – 47% [1].

Зададим вопрос: либо прошлые и нынешние славянофилы приписывали /приписывают российским народам (и прежде всего русскому народу) черты, которые не были для них органичны, и лишь принципиальное изменение социальных условий после 1917 г., обеспечивших вертикальную мобильность по многим социальным лестницам, сформировало повседневный патриотизм (проявившийся во время войны и восстановлении страны после неё) как *новую* цивилизационную ценность. Но стоило сделать первые шаги к рыночным отношениям, столкнувшим эти *новые* гуманистические ценности с реальной рыночной жизнью, как они начали разрушаться. И есть основания полагать, что существующая закономерность – «ни одна цивилизация в случае потери цивилизационных ценностей не выживала. Цивилизации погибали по одной причине – из-за собственной слабости» [5] – может проявиться и в современной России.

Насколько оправдан оптимизм В. Н. Лексина (возможно, рождённый осознанием трагизма ситуации), что эта утрата – временное явление? «Пока всё ещё существующая общность людей с невероятными возможностями консолидации в критических условиях, с совершенно гигантским, феноменальным потенциалом выживания, адаптации к чему угодно. Убеждён, что у нас в стране сейчас происходит политическое, эконо-

мическое и социальное чудо. Этого ничего не должно было быть, но всё это есть. И только потому, что это делает русский народ – терпеливый, способный к работе, когда надо» [5].

Заметим, сказано это в 2018 г., когда ещё не прошли эйфории от возвращения Крыма и от Чемпионата мира по футболу. Однако, хотя в молодёжной среде преобладает положительное отношение к имиджевым событиям, более значимы для неё уровень и качество жизни [12]. Вот почему с большим скепсисом мы относимся к вербально выраженной готовности «умереть за страну»: согласно данным опроса Левада-Центра в 2019 г., положительный ответ дали 65% мужчин и 41% женщин [8]. Гораздо более информативны данные о желании отъезда из России: собирающиеся на «выход» не задержатся на пороге потрясений: после получения образования планируют «жить и работать в России» 41,6%, «всё зависит от того, где предложат хорошую работу» – 33,9%, «за рубежом» – 11,4%. Остальные 12,9% не дали ответа. Колебания по городам, как и прежде, незначительны [9, с. 8].

Подведём итоги

1. Историческая память есть системная проблема, которую не решить с помощью «ручного управления» отдельными точечными программами в сфере законодательства, образования, социальных сетей, СМИ, семейного воспитания.

2. Нами не выявлено знаковых отличий исторической памяти молодёжи, проживающей в регионах России, отличающихся формой «включённости» в события Второй мировой войны, что свидетельствует о большем влиянии общероссийского информационного поля (включающего учебники, социальные сети и СМИ), чем местных инициатив. Мы солидарны с выводом Н. В. Дулиной, что студенты, обучающиеся в вузах городов-героев, по своим патриотическим ценностям/исторической памяти отличаются от студентов других городов страны незначительно [2, с. 129].

3. Большое количество колеблющихся в оценках событий, связанных со Второй мировой войной, свидетельствует, что в сердца студентов «стучит разный пепел». Это социальная база для коллаборационизма при локальных и региональных конфликтах, которые становятся всё более вероятны на границах России и постсоветском пространстве.

4. Принятие законодательных актов о наказании за искажение исторической правды о Второй мировой войне несёт в себе политические риски, поскольку сформированы социально активные сообщества, заинтересованные в «перелицовке истории» под стратегические цели и имеющие серьёзную финансовую и информационную поддержку, в том числе зарубежную. Звание «иностранный агент» редко кого останавливает, когда речь идёт о личной системе ценностей.

5. Патриотизм как мировоззрение нельзя сформировать исключительно на событиях прошлого. Решающим фактором является уровень соответствия желаемого и действительного в повседневной жизни молодёжи, воспитанной в российской «рыночной матрице», в основе которой лежат выгода (88%) и личный успех (62,4%) вместо желаемых респондентами прав человека и справедливости (см. табл. 5). В подтверждение такого вывода выше приведены данные о миграционных планах после окончания вуза. Естественно, жизнь внесёт свои коррективы. Но тенденция отчуждения от собственной страны, формируемая в студенческой среде, тревожна.

Библиографический список

1. Восприятие «перестройки» [электронный ресурс] // URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/> (дата обращения: 14.11.2020).

2. Дулина Н. В. Города-герои: отражение в зеркалах памяти современных российских студентов // «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

3. Ершова А. Исторический подлог: кто и как искажает факты о Второй мировой войне // Журнал «Международная жизнь» URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25304> (дата обращения: 28.02.2020).

4. Историки в современной России: структура и самоопределение сообщества. М., 2019. 48 с. // URL: <https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoy-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva.18.03.2019> (дата обращения: 30.10.2020).

5. Лексин В. Н. Русской культуре необходим протекционизм. 2018 // URL: <https://kulturomania.ru/column/item/russkoy-kulture-neobkhodim-gosudarstvennyy-protektionsionizm/> (дата обращения: 28.10.2020).

6. Руденкин Д. В. Импульсы роста протестной активности российской молодёжи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология/nota bene. 2020. № 1. С. 1–14. DOI: 10.7256/2454-0617.2020.1.32326.

7. Симонова Е. В. Историческая память современного студенчества Твери о Великой Отечественной войне // «Спасибо прадеду за Победу... Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне»: коллективная монография / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. 352 с.

8. Социологи подсчитали долю российских мужчин и женщин, готовых умереть за страну // URL: https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/23605212-sotsiologi-podschitali-dolyu-rossiyskikh-muzhchin-i-zhenshchin-gotovykh-umeret-za-stranu.html?utm_referer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 14.11.2020).

9. Ушкин С. Г., Коваль Е. А. Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 3. С. 28–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.661>.
10. Широкалова Г. С. Историческая правда молодёжи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28–37. DOI: [10.31857/S013216250010005-8](https://doi.org/10.31857/S013216250010005-8).
11. Широкалова Г. С. Прошлое в настоящем: с ностальгией о реальном или мифическом? // Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве: сборник научных статей / Отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. С. 204–225.
12. Широкалова Г. С. Студенты и футбол: точки соприкосновения // SocioTime (Социальное время). 2018. № 2 (14). С. 103–112.
13. Шпочиньски А. Значимость прошлого и отношения в социальных сетях // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 44–58. DOI: [10.19181/vis.2019.30.3.587](https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.587).

Статья поступила 14.12.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Широкалова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник Международной междисциплинарной научно-исследовательской лаборатории изучения мировых и региональных социальных процессов НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

DOI: [10.19181/vis.2021.12.2.709](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.709)

Historical Memory of the Great Patriotic War: Reasons for Pluralism

Galina S. Shirokalova

Volga Branch of FCTAS RAS, Dobrolyubov national research University, Nizhny Novgorod, Russia

E-mail: shirokalova@list.ru

ORCID ID: [0000-0003-4089-5446](https://orcid.org/0000-0003-4089-5446)

For citation: Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 19–35. DOI: [10.19181/vis.2021.12.2.709](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.709)

Abstract. The article analyzes the results of a sociological study of the historical memory of students about the World War II in general (and the Great Patriotic War in particular), conducted by the Russian Society of Sociologists in 2020, as well as materials from surveys of other research teams. The author comes to the conclusion that historical memory is formed, first of all, by the information field, set by state institutions or encouraged by them (school, mass media, network resources). Contradictory assessment of the events of the twentieth century led to the rupture of the historical memory of generations and the formation of a large group of people ready to accept the revision of the geopolitical results of the war from the standpoint of history falsifiers. The attitude of young people to the past, without taking into account the cause-and-effect liaison of the events of that time, is explained not only by the extinction of communicative memory for the departure of war generations, the desacralization of their life, deed, death. The range of factors is much wider. Since there is no integral picture of the history of the USSR, there

is no value core for assessing events of the Great Patriotic War either. In the absence of historical hygiene in the Russian Federation, the entire Soviet period turns into historical antiques for new generations. They treat this in different ways: with reverence, condescension, aggressiveness, indifference, but it is excessive for the daily life of the majority. The slogan “If required, we repeat / can repeat”, replicated on May 9, is nothing more than a short-term emotional reaction, including to PR management, but not the readiness / mindset / promise of action in a real war. The opposition of the state to the country, that is reflected in the popular among young people song of the group Lumen, actually testifies to alienation from both the state and the country, since there is no one without the other. Questions are inevitable: how adequate are the methodologies and techniques based on which social scientists choose the range of factors that form the portrait of modern youth and predict the direction of further socialization of its individual groups? How many meaningful collaborators should there be to lose / win a civilizational battle in which historical memory is only one of the components? According to the author, the conditions and opportunities for the realization of the desired worldview values in modern Russia adjust the attitude to the present and the life strategies of young people to a greater extent than historical memory.

Keywords: youth, students, World War II, Great Patriotic War, historical memory, values, opportunities, Russia

References

1. Perception of «perestroika». Accessed 14.11.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/11/03/vospriyatie-perestrojki/> (in Russ.).
2. Dulina N. V. Hero Cities: reflection in the mirrors of the memory of modern Russian students. «Spasibo pradedu za Pobedu... Materialy IV etapa monitoringa «Sovremennoye rossiyskoye studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne»: kollektivnaya monografiya [“Thank you great-grandfather for the Victory... Materials of the IV stage of monitoring “Modern Russian students about the great Patriotic war”: collective monograph]. Ed. by Yu. R. Vishnevsky: Ministry of science and higher education of the Russian Federation. Yekaterinburg, Ural publishing House, 2020. 352 p. (in Russ.).
3. Yershova A. Historical forgery: who and how distorts the facts about the Second world war. Accessed 28.02.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/25304> (in Russ.).
4. Historians in modern Russia: community structure and self-determination. Moscow, 2019. 48 p. Accessed 30.10.2020. URL: <https://volistob.ru/vio-news/istoriki-v-sovremennoy-rossii-struktura-i-samoopredelenie-soobshchestva> (in Russ.).
5. Leksin V. N. Russian culture needs protectionism. Accessed 28.10.2020. URL: <https://kulturomania.ru/column/item/russkoy-kulture-neobkhodim-gosudarstvennyy-protseksionizm/> (in Russ.).
6. Rudenkin D. V. Impulses of growth of protest activity of Russian youth: the case of Yekaterinburg. *Konfliktologiya/nota bene*, 2020: 1: 1–14. DOI: 10.7256/2454-0617.2020.1.32326 Accessed 08.11.2020. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32326 (in Russ.).
7. Simonova E. V. Historical memory of the modern students of Tver about the great Patriotic war. «Spasibo pradedu za Pobedu... Materialy IV etapa monitoringa «Sovremennoye rossiyskoye studenchestvo o Velikoy Otechestvennoy voyne»: kollektivnaya monografiya [“ Thank you great-grandfather for the Victory... Materials of the IV stage of monitoring “Modern Russian students about the great Patriotic war”: collective monograph]. Ed. by Yu. R. Vishnevsky: Ministry of science and higher education of the Russian Federation. Yekaterinburg: Ural publishing House, 2020. 352 p. (in Russ.).
8. Sotsiologi podschitali dolyu rossiyskikh muzhchin I zhenshchin gotovykh umeret za stranu. Accessed 14.11.2020. URL: https://www.newkalinograd.ru/news/briefs/community/23605212-sotsiologi-podschitali-dolyu-rossiyskikh-muzhchin-i-zhenshchin-gotovykh-umeret-za-stranu.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (in Russ.).
9. Ushkin S. G., Koval E. A. Social future in the views of future Russian lawyers. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2020: 11: 3: 28–42. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.3.661> (in Russ.).
10. Shirokalova G. S. Historical truth of youth: village vs city. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2020: 9: 28–37. DOI: 10.31857/S013216250010005-8 (in Russ.).

11. Shirokalova G. S. Past in the present: with nostalgia for the real or the mythical? *Ustnaya istoriya v sovremennoy issledovatel'skoy praktike na postsovetskom prostranstve: sbornik nauchnykh statey* [Oral history in modern research practice in the post-Soviet space: collection of scientific articles]. Ed. by T. K. Shcheglov. Barnaul: Altai state pedagogical University, 2017: P. 204–225 (in Russ.).

12. Shirokalova G. S. Students and football: the point of contact. *SocioTime (Sotsial'noe vremya)*, 2018: 2(14): 103–112 (in Russ.).

13. Spocinski A. The significance of the past and attitudes in social networks. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2019: 10: 3: 44–58. DOI: 10.19181/vis.2019.30.3.587 (in Russ.).

The article was submitted on: December 14.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina S. Shirokalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior researcher, Volga Branch of FCTAS RAS, Leading Researcher At the international interdisciplinary research laboratory for the study of world and regional social processes of the Dobrolyubov national research University, Nizhny Novgorod, Russia

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710

Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00241

Ссылка для цитирования: *Фадеев П. В.* Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы. // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710

For citation: *Fadeev P. V.* The historical memory of Russians in sociological surveys: foundations, reality, problems. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710

**Фадеев
Павел Васильевич¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

erving45@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: 799093

Аннотация. В публикации представлен анализ материалов опросов ФНИСЦ РАН, МИОН «Будущее России»¹, Левада-Центра и ФОМ за два последние десятилетия, посвящённых исторической тематике. Целью исследования было выявление основных характеристик исторического сознания и состояния исторической памяти россиян на современном этапе. Исследования социологических центров последних лет показывают, что исторические знания большей части россиян обрывочны, происходят из разных источников и не всегда корректны. Многие события и персоналии перемешаны в сознании, или вообще забыты. Причём данный феномен относится не только к далёким событиям истории, известным исключительно из учебников, но и к десятилетиям, лично пережитым человеком. Выбирая между различными историческими альтернативами видения будущего страны, россияне в большей степени нацелены на нейтральные идеи укрепления положения России на внешней и внутренней арене, в то время как идеи «православного государства», поворота в сторону Европы или евразийства не находят массовой поддержки у населения. Великая Отечественная война на современном этапе является главным историческим событием, заслоняющим все остальные, в чём немалая заслуга принадлежит власти. При этом постоянное акцентирование темы войны, подчёркивание героических моментов, совмещённое с нивелированием тра-

¹ Исследование МИОН (Межрегиональные исследования в общественных науках) было реализовано совместно Министерством образования и науки РФ, «ИНОЦЕНТРОм (Информация. Наука. Образование)» и Институтом имени Кеннана Центра Вудро Вильсона.

гических, вызывает искажённое восприятие данного события у части населения. Кроме того, трактовка истории (особенно периода Великой Отечественной войны) становится ареной «политической войны». Различные политические силы дают свою интерпретацию событий, что может как запутывать часть граждан, так и, с другой стороны, формировать непримиримых идеологических противников. Память о войне становится всё более мифологизированной как следствие того, что её реальные участники постепенно уходят из жизни. В связи со всем этим нынешним и будущим поколениям придётся выискивать крупинки истины в весьма политизированном и порой обманчивом информационном поле. Верный ракурс повышения осведомлённости населения России, «прояснения исторического сознания» видится в многоаспектном историческом дискурсе с участием профессиональных историков, открытости для любых дискуссий, более широком освещении в СМИ.

Ключевые слова: российская идентичность, история, историческая память, Великая Отечественная война, патриотизм

Существуют разные точки зрения на историю, как она должна преподаваться, в чьих интересах «работать». Многие официальные лица, находящиеся у власти, считают, что история должна воспитывать патриотизм, подчёркивать героические моменты и нивелировать (либо вовсе игнорировать) неудачи. Этот подход находит отражение в государственных документах. В «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года» в качестве одной из задач указано «формирование у детей и молодежи на всех этапах образовательного процесса ... чувства гордости за историю России...»¹. А государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» включала в себя помимо прочего «воспитание у граждан чувства гордости за исторические и современные достижения страны, активизацию интереса к изучению истории России и формирование чувства уважения к прошлому нашей страны, её героическим страницам, в том числе сохранение памяти о подвигах защитников Отечества; углубление знаний граждан о событиях, ставших основой государственных праздников и памятных дат России и её регионов; популяризацию подвигов героев и видных деятелей российской истории и культуры от древних времен до наших дней, ... формирующих позитивный образ нашей страны»². Как видим, патриотическое воспитание во многом предполагает героизацию прошлого. Право на критический взгляд никак не обговаривается. В СМИ обсуждалась идея единого учебника по истории России. В итоге было принято в расчёт мнение историков о том, что трактовка даже довольно однозначных исторических событий может быть разной, что невозможно при наличии только одного учебника.

¹ 1. Указ Президента Российской Федерации О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 02.12.2019).

² О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» // Сайт Правительства России URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkhH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 02.12.2019).

О роли истории для массового сознания писали многие авторы. А. Л. Андреев исследует наиболее распространённые мифы о советском периоде: о сильном государстве и о государстве всеобщего благосостояния и социальной солидарности, воплощённой в воспоминаниях о социальных гарантиях «брежневской эпохи» (бесплатная медицина, образование, жильё и т. д.) [6]. Р. Э. Бараш отмечала связь гражданской идентичности современной российской нации и советского наследия [1, с. 122–146]. Л. Д. Гудков в своих работах анализирует исследования Левада-Центра, вскрывает низкую историческую осведомлённость и практически отсутствующее историческое сознание у многих групп россиян, их подверженность мифологизации истории [2].

Сборник под редакцией В. А. Тишкова и Е. А. Пивневой посвящён формированию национальной идентичности в различных странах на разных этапах истории и изучению исторического опыта сосуществования носителей разных культур, традиций, исповеданий в формировании российской государственности [3].

Целью исследования, представленного в данной статье, было выявление основных характеристик исторического сознания и состояния исторической памяти россиян на современном этапе. Оно осуществлялось посредством вторичного анализа результатов социологических исследований различных исследовательских центров. Историческое сознание определяется как совокупность идей, взглядов, представлений, чувств, настроений, отражающих восприятие и оценку прошлого во всём его многообразии, присутствием и характером как для общества в целом, так и для различных социально-демографических, социально-профессиональных и этносоциальных групп, а также отдельных людей [8]. На формирование исторического сознания влияет множество факторов: система образования, СМИ, позиция референтных групп. Интерпретация исторических событий всегда обусловлена возрастом, опытом и кругозором человека. Различаются оценки самых разных исторических периодов отечественной истории и взгляд на исторические фигуры.

Историческая память понимается как определённым образом сфокусированное сознание, которое отражает особую значимость и актуальность информации о прошлом в тесной связи с настоящим и будущим. Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания [8].

Историческая миссия России в понимании россиян

На протяжении веков продолжаются споры между западниками и славянофилами, по какому пути двигаться России: перенимать европейский опыт или идти своим уникальным путём. Сторонники современного евразийства считают, что Россия – это уникальное образование, возникшее на стыке Европы и Азии, что сформировало особую идентичность.

Исторический взгляд на этносы на ранних этапах истории показывает, что практически все они этноцентричны. Название народа часто переводится с языка оригинала как «человек», «люди» (например, у сибирских народов: ненцев, хантов, манси, нганасанов, нанайцев и многих других). Это даёт понимание, что в первую очередь себя представители народа (или племени) в те времена называли людьми, а других – чужими, варварами и так далее. И если обращаться к результатам социологических исследований либо напрямую спрашивать у людей разных национальностей, «гордятся ли они тем, что являются представителями своей нации», то в большом числе случаев услышим положительный ответ. Тенденция сохраняется даже в случае, если у этнической общности нет значимых достижений на современном этапе или присутствует шлейф исторических ошибок. Каждый народ считает себя особенным, неповторимым и выдающимся. На своём историческом пути этническая общность проходит путь, как принято было считать в советской этнографии, от племени к народности и затем к нации. Начиная с периода формирования народности, этническая общность за счёт завоеваний может сформировать вокруг себя целую империю. Когда государство успешно решает свои геополитические задачи (присоединяет территории, становится империей), это накладывает отпечаток на мироощущение населения, предполагает соотнесение себя с чем-то большим, поднимает статус человека в собственных глазах. Падение статуса государства, превращение в регионального игрока (или того хуже – в поставщика сырья) можно сравнить с переходом человека из «высшего общества» в низший класс. Это не остаётся незамеченным гражданами. Наряду с экономическими сложностями добавляется неопределённость в оценке места своего государства в мировой иерархии и себя вместе с ним.

Каждый человек сам для себя решает, важен ли для него статус его страны-сверхдержавы, или же достаточно заботы государства о гражданах, связанной с повышением уровня жизни, экономического развития и инновационности. При другой формулировке вопроса многие респонденты сказали бы, что высокая экономическая развитость должна сочетаться со статусом сверхдержавы и уважением в мире, т. е. всё и сразу. Но социологи ФНИСЦ РАН выяснили, что при ответе на альтернативный вопрос «К каким целям, по Вашему мнению, должна стремиться Россия в XXI веке?», большая часть опрошенных (52%) ответили, что России важно не пытаться вернуть статус сверхдержавы, а стать «одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира» (см. рис. 1) [5, с. 269].

У многих россиян старшего возраста ещё свежи воспоминания о «холодной войне» и гонке вооружений как негативных чертах статуса сверхдержавы. Однако четверть опрошенных считают, что Россия должна вернуть свой прежний статус. При этом рассмотрение ответов через призму истории показывает, что россияне не хотят возврата назад в СССР, однако 87% опрошенных считают, что стране нужно ставить высокие цели, такие как экономическое, политическое лидерство в СНГ и в мире и достигать их.

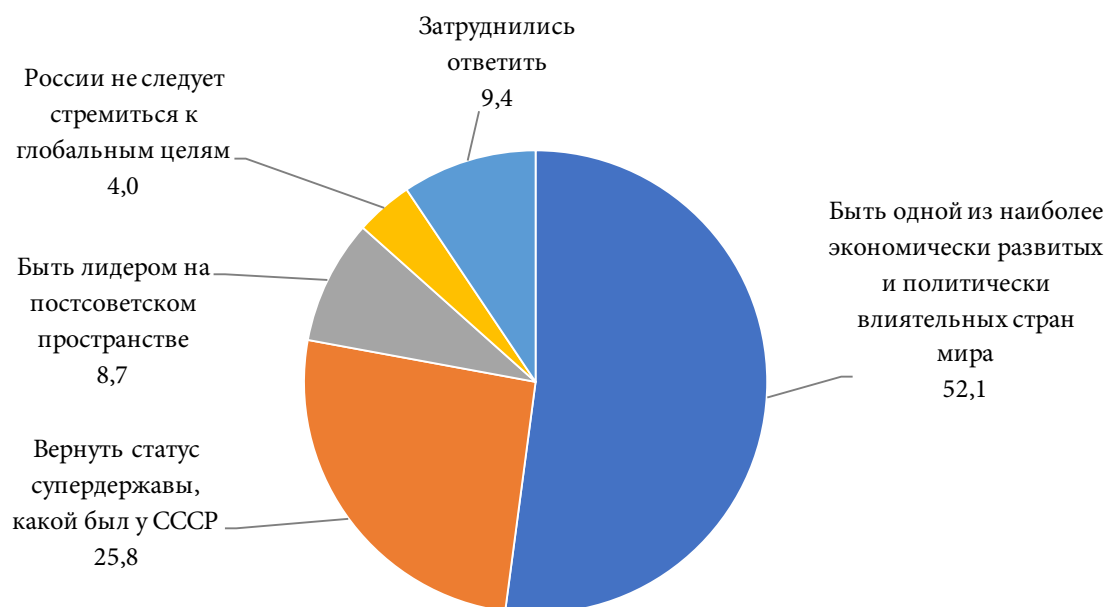

Рис. 1. Мнение респондентов о целях, к которым должна стремиться Россия в XXI в.¹

Figure 1. The opinion of the respondents about the goals Russia should set in the XXI century

Однако, что это за цели? В качестве индикатора использовался вопрос «Как Вы считаете, какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей?». Социологи привели в качестве примера целый набор идей. В рамках исторического контекста нас интересует в первую очередь противопоставление идей славянофильства и западничества, советских и европейских идеалов. Данный вопрос касается самых разных пластов истории страны: древней истории, идущей от Крещения Руси, относительно недавней истории Советского государства, а также характерные для новой постсоветской России идеи индивидуализма, приоритета личных интересов над коллективными. Самыми востребованными оказались достаточно нейтральные с исторической точки зрения идеи: – «единения народов России в целях её возрождения как великой державы» (42%) и «укрепления России как правового государства» (38%) (см. табл. 1), т. е. люди воспринимают величие как сохранение уже достигнутого и улучшения существующей ситуации (во многом на внутренней арене). Из остальных идей достаточно популярным оказалось «возвращение к социалистическим идеалам и ценностям», поддерживаемое пятой частью населения страны и обогнавшее православную (9%), евразийскую (9%) и европейскую (7%) идеи.

¹ По данным первой волны Всероссийского опроса ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2014 г. Руководитель – М. К. Горшков. N=4000.

Таблица 1 (Table 1)

Представления об идеях, способных объединить россиян, %¹*Perception of ideas that can unite Russians, %*

Как Вы считаете, какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их во имя общих целей? (выберите не более 3-х ответов)	
Идея единения народов России в целях её возрождения как великой державы	42,4
Идея укрепления России как правового государства	37,8
Идея объединения народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством	25,6
Возвращение к социалистическим идеалам и ценностям	20,8
Затруднились ответить	18,1
Идея объединения всех славянских народов	13,0
Идея противостояния Западу, опоры на собственные силы	11,5
Идея «очищения» общества через православную веру	9,3
Идея национальной уникальности, особой исторической миссии русского народа	9,1
Идея индивидуальной свободы, приоритета интересов личности над интересами государства	7,9
Идея сближения с Западом, вхождения России в общеевропейский дом	6,5
Другая идея (Социальной справедливости – 2 ответа; равенства всех перед законом – 2 ответа)	0,9

История как повод для гордости

Как людям воспринимать историю? Должна ли она являться поводом для гордости? Безусловно, история России разнообразна и многолика, изобилует героическими моментами, победами и достижениями. Неспроста Россия является самой большой по территории страной в мире. Однако, по мнению автора, восприятие истории страны как самого большого повода для гордости может означать, что россиянам приходится выискивать величие в прошлом, а не в настоящем. В понимании того, чем гордятся россияне, нам помог опрос МИОН «Будущее России». Если посмотреть на поводы для гордости, представленные в таблице², то в первую очередь видим «литературу и искусство» (90%), «природные богатства» и «историю» (по 86%), а «уровнем жизни людей» и «экономическими достижениями» гордятся в значительно меньшей степени – 27 и 14% соответственно (см. табл. 2).

В целом россиян вдохновляет история страны. На такое восприятие, судя по всему, влияет лидирующее положение страны, которое она часто занимала по ходу своей истории, будучи империей. Поэтому опрос «Будущее России» показал, что в той или иной степени 86% россиян гордятся своей историей. Это косвенно говорит о героизации нашей истории (в первую очередь системой образования) (см. рис. 2). Гордость за историю

¹ По данным первой волны Всероссийского опроса ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», 2014 г. Руководитель – М. К. Горшков. N=4000.

² Были объединены позиции «очень горжусь» и «в какой-то степени горжусь».

страны важна с точки зрения патриотического воспитания. Для формирования адекватного исторического сознания гораздо более важным является объём достоверных исторических знаний, способность оценивать вклад разных исторических деятелей в развитие страны или, наоборот, в её упадок.

Таблица 2 (Table 2)

Поводы для гордости россиян по данным опроса МИОН «Будущее России», %¹
Reasons for the pride of Russians according to the Interregional Institute for Social Sciences survey "The Future of Russia", %

Литература и искусство	89,7
История России	86,3
Природные богатства	85,9
Научные и технические достижения страны	78,9
Достижения в спорте	75,9
Черты характера людей	61,1
Уровень образования граждан	52,3
Вооружённые силы, армия	44,8
Международное влияние страны	43,1
Облик городов и сёл	31,2
Политический строй	30,5
Экономические достижения	26,5
Уровень жизни людей	13,5

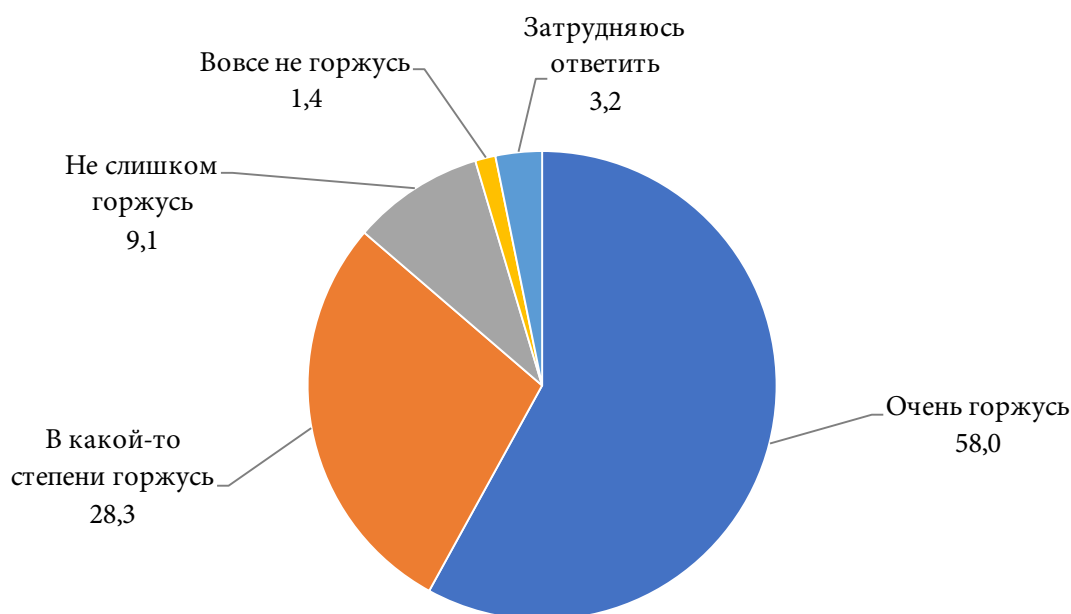

Рис. 2. Гордость россиян за историю страны
 (по данным опроса «Будущее России», МИОН, 2003 г.)
Figure 2. The pride of Russians in the history of the country
 (according to the survey "The Future of Russia", IISS, 2003)

¹ Опрос МИОН «Будущее России» проводился в 2003 г. в Калининграде, Воронеже, Саратове, Екатеринбурге, Томске и Приморье. Было опрошено 3584 человека. Подробнее см. книгу: Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. 327 с.

Понимание истории и исторические знания россиян

Левада-Центр провёл опрос, целью которого являлось выяснение особенностей исторического сознания россиян. Первым индикатором являлся вопрос «С какой даты, эпохи, события начинается, по вашему мнению, история нашей страны?» Ответ на этот, казалось бы, достаточно очевидный вопрос, показывает расхождение оценок. Каждый человек вправе сам определять важную именно для него «отсечку», до которой истории страны якобы не существовало. Ответ «с незапамятных времён, испокон веков» (36%) стал самым распространённым, однако такой оценки придерживается не большинство россиян (см. рис. 3).

Рис. 3. Мнение россиян о точке отсчёта истории России
(по данным опроса Левада-Центра, 2017)¹

Figure 3. The opinion of Russians on the starting point of the Russian history
(according to a survey by Levada Center, 2017)

Для части граждан дописьменная история является несущественной, поэтому история России начинается либо с Киевской Руси (26%), либо с Крещения Руси (12%). Эти оценки можно обосновать тем, что Киевская Русь была государственным образованием, в то время как для племён вятичей, кривичей, древлян и др., были важнее кровнородственные

¹ Опрос «История России» проведён Левада-Центром в период со 2 по 6 марта 2017 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населённых пунктах 48 регионов страны. Исследование проводилось на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приведено в процентах от общего числа опрошенных. См.: URL: <https://www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii/> (дата обращения: 08.05.2021).

узы. Крещение Руси скорее всего является важной датой для верующих, которые считают историю до этого события не такой значимой. Наиболее просоветские респонденты считают стартом истории страны Октябрьскую революцию 1917 г. (3%), а сторонники новой России – распад СССР и создание суверенной Российской Федерации (2%). Исследования показывают, что подход, вычёркивающий значительные исторические пласты, не пользуется поддержкой в обществе.

Опросы ФОМ и Левада-Центра проводились в 2014 и 2017-м гг., и скорее всего распределения на текущий год выглядели бы по-другому. Однако они сохраняют свою актуальность с точки зрения понимания ключевых дат российской истории. Так, наиболее важным событием отечественной истории, которым интересуется максимальная доля людей, по данным Левада-Центра, является Великая Отечественная война – 38% (см. табл. 3). Схожие данные показало исследование ФОМ, согласно которому дата начала ВОВ является главной датой, которую нужно знать для 86% опрошенных (см. рис. 4). Значительно отстают другие даты советского периода – первый полёт человека в космос (67%) и Октябрьская революция (62%). Значимым также стоит признать и Крещение Руси (66%).

Историческое сознание устроено таким образом, что люди считают значимыми либо относительно недавние события, либо краугольные события отечественной истории (как, например, Крещение Руси). При этом многие события истории оказываются незамеченными и недооценёнными, при их огромном влиянии на общество того времени. Так, например, отмена крепостного права является не менее важным событием (повлиявшим на жизнь в 1861 г.), чем полёт первого человека в космос через 100 лет от этого события. Однако свидетелями первого полёта являются наши современники, в то время как свидетелей отмены крепостного права в живых не осталось. Дату принятия Конституции Российской Федерации (1993 г.), по которой мы сейчас живём, считает важной четверть населения. Чем более углубляемся в историю, тем хуже осведомлённость и ниже потребность в знании: освобождение Москвы от интервентов ополчением Минина и Пожарского – 20%, начало крестьянской войны под предводительством Е. Пугачёва – 13%, взятие Казани Иваном IV, присоединение Казанского ханства – по 8%.

Обратимся к «краугольному камню» нашей недавней истории – Великой Отечественной войне. И. Н. Тимофеев, отвечая на вопрос о причинах высокой значимости ВОВ для граждан России, даёт следующую интерпретацию связи войны, исторического осознания влияния на российскую идентичность: «Во-первых, война и победа в ней — события относительно недавнего прошлого: ещё живы их непосредственные участники. Во-вторых, именно во время войны был дан мощный толчок формированию патриотической компоненты советской идентичности. В этом смысле войну достаточно просто вывести за пределы идеологических расколов постсоветского периода. В-третьих, уже в советский период

сформирован существенный пласт интерпретаций войны, значимых для общества и до, и после трансформации, не противоречащих в этом смысле задаче интеграции общества в настоящее время. Этот пласт включает в себя и встраивание войны в контекст всей истории страны, логически увязываясь с отражениями многочисленных агрессий в прошлом (Крымская война, Отечественная война 1812 г., борьба с польскими и шведскими интервентами в период Смутного времени 1598–1618 гг., борьба с татаро-монгольским игом и т. п.). Война, таким образом, становится событием, акцентирование которого в структуре идентичности уже укоренено в политических традициях; событием, подчёркивающим историческую преемственность (что особенно важно в условиях кризиса идентичности в 1990-е гг.); наконец, событием, через которое символически репрезентируется единство общества и государства, что служит значимым ресурсом легитимации последнего» [7].

Однако, несмотря на важность Великой Отечественной войны для государственной власти и общества, постоянное педалирование темы, наряду с милитаризацией системы образования (появление юнармии, кадетских классов, возрождение физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО))¹, вызывает усталость, снижает торжественность момента. Война становится центральной идеей не только в дни празднования Победы, но и в остальное время. При этом частью населения России чудовищная трагедия для миллионов советских граждан, которым пришлось заплатить жизнью за эту Победу, воспринимается как повод в День 9 Мая бравировать военной формой, демонстрацией оружия, желанием «повторить». Возможно различное понимание данного лозунга, но сама формулировка, с нашей точки зрения, несёт в себе наступательную риторику. Надписи на машинах «Повторим!», «На Берлин!», карикатурные костюмы, состоящие из георгиевских лент и «зашкаливающее» количество самих лент приводят к снижению сакральной ценности данного символа. Ж. Т. Тощенко отмечает: «Сейчас на первый план выходят трафаретные, плохо продуманные и даже злоупотребляющие этой памятью мероприятия, которые ничего не дают ни уму, ни сердцу, но усиленно эксплуатируют эту тему, порождая негативное восприятие этого возвышающего нас события. Чтобы увековечить и закрепить в общественном сознании историческую память о Великой Отечественной войне, нужно, на наш взгляд, исходить из того, что эта война была многоплановой, неоднозначной, героической и трагической, с большими человеческими потерями и издержками. Более того, нередко происходит преувеличение и даже искажение одной из сторон, в результате чего возникает неточное, некомпетентное, а иногда предвзятое мнение или суждение» [9, с. 18–20].

¹ Существуют разные мнения о милитаризации школьного образования. Так, глава Минпросвещения России Сергей Кравцов в 2020 г. выступал против этого нововведения. См.: Военные игры в школе: «за» и «против». Учительская газета // URL: <https://ug.ru/voennye-igry-v-shkole-za-i-protiv/> (дата обращения: 08.05.2021).

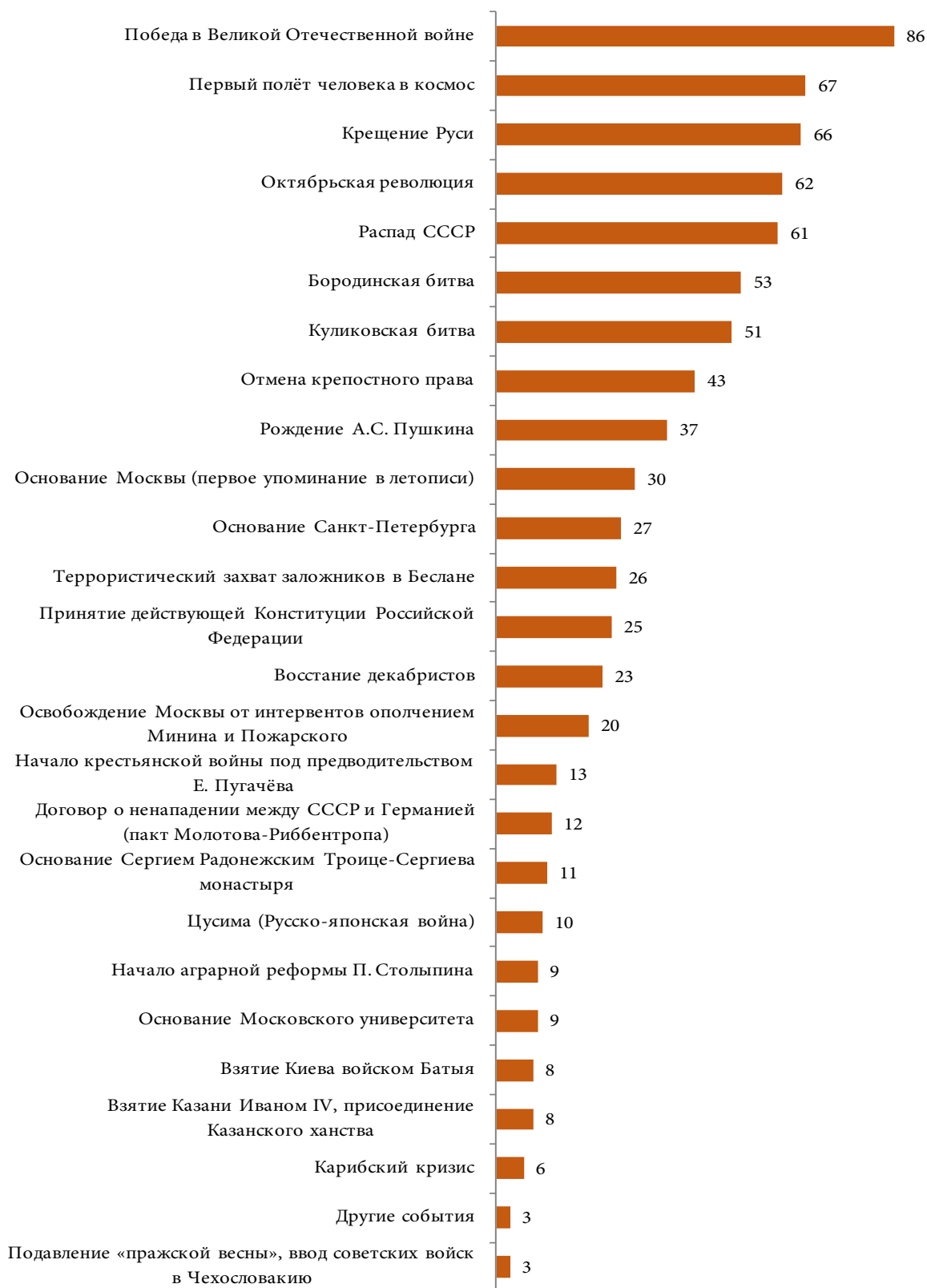

Рис. 4. Даты истории, которые особенно важно знать россиянам, по их мнению, % (по данным опроса ФОМ, 2014)¹

Figure 4. Dates of history that are especially important for Russians to know, in their opinion, % (according to the Public Opinion Fund survey, 2014)

¹ «Какие даты российской истории мы считаем важнейшими? И какие – знаем?» опрос ФОМ граждан РФ от 18 лет и старше. 21 сентября 2014. 43 субъекта РФ, 100 населённых пунктов, 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. См.: <https://fom.ru/posts/11896> (дата обращения: 26.02.2020).

Как видно из данных опроса Левада-Центра, доля интересующихся Великой Отечественной войной снизилась за почти 10 лет на 17% (см. табл. 3). Так же не ободряюще для историка звучат и другие данные опроса – респонденты в целом меньше стали уделять внимание различным историческим периодам. Объяснить это падение интереса можно снижением уровня преподавания отечественной истории в школе и вузах в результате внедрения ЕГЭ, Болонской системы, непрерывного реформирования системы образования. Большой спад характерен практически для всех исторических промежутков, кроме брежневской эпохи. Некоторый рост интереса к эпохе Брежнева связан, как можно полагать, с актуализацией споров вокруг позднего СССР и причин его распада, а также с тем, что многие респонденты старших возрастов жили именно в эпоху Брежнева. С 7 до 15% увеличилась доля людей, которым вообще ничего не интересно в российской истории.

Таблица 3 (Table 3)

**Динамика представлений россиян
о самых интересующих периодах российской истории, %
(по данным опросов Левада-Центра, 2008 и 2017 гг.)¹**

*Dynamics of perceptions by Russians of the most interesting periods of Russian history, %
(according to Levada Center polls, 2008 and 2017)*

Какие периоды нашей истории вызывают у вас особый, повышенный интерес? (респонденту предлагалась карточка; множественный выбор; ранжировано по последнему замеру)	Июль 2008	Март 2017
Великая Отечественная война	55	38
Петровская эпоха, XVIII в.	42	31
История Древней Руси (VIII–XVII вв.)	34	28
«Серебряный век» (конец XIX–начало XX вв.)	23	18
1970–80-е гг., Брежневская эпоха	11	17
XIX век	14	14
Революция 1917 г., становление Советского государства	15	13
1930-е и 1950-е гг. (коллективизация, индустриализация, сталинские репрессии, становление Советской сверхдержавы)	13	12
1960-е гг. (оттепель, правление и реформы Хрущёва)	9	10
Горбачёвская перестройка, реформы, Ельцинское правление	12	10
Конец 1920-х гг. НЭП	5	6
Другое	1	1
Ничего в российском прошлом не интересует	7	15
Затруднились ответить	10	5

Опрос ФОМ показал, как отвечают россияне на вопросы исторической направленности. Согласно его данным, историческое сознание россиян фрагментировано. Знания людей о более древних периодах

¹ Опрос «История России» проведён Левада-Центром в период со 2 по 6 марта 2017 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1600 человек в возрасте 18 лет и старше в 137 населённых пунктах 48 регионов страны. Исследование проводилось на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приведено в процентах от общего числа опрошенных. URL: <https://www.levada.ru/2017/03/22/istoriya-rossii/> (дата обращения: 08.05.2021).

отечественной истории обрывочны, происходят из разных источников и не всегда корректны. Подавляющая доля людей знает дату окончания Великой Отечественной войны (96%), с другими важными датами отечественной истории дела обстоят сложнее (см. табл. 4). Так, к примеру, среди событий, которые важно знать каждому, респонденты отмечали первый полёт человека в космос (67%) и отмену крепостного права (43%) – между тем доля правильно назвавших даты этих событий меньше – 64 и 25% соответственно. Дату распада СССР знают только 65% опрошенных, при том, что данное событие произошло совсем недавно в исторической перспективе. Даты Бородинской и Куликовской битв знают 51 и 16% населения России соответственно. Пример на знание данных исторических событий и важнейших битв показывает, что, возможно, со временем значимость Великой Отечественной войны будет снижаться по естественным причинам (уход из жизни ветеранов, давность времени). Таким образом, у части респондентов нет системного понимания не только давних событий отечественной истории, но и событий недавнего прошлого, произошедших в 90-е гг. XX века. Далее подробнее остановимся на событиях недавней истории (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Знания россиян о различных датах российской истории, %
(по данным опроса ФОМ, 2014)

*Knowledge of Russians about various dates in Russian history, %
(according to the Public Opinion Fund survey, 2014)*

Я Вам назову несколько исторических событий, а Вы припомните, пожалуйста, когда именно, в каком году произошло каждое из них	
Первый полёт человека в космос	
Правильный ответ (1961 г.)	64
Неправильный ответ	10
Затрудняюсь ответить, нет ответа	25
Октябрьская революция	
Правильный ответ (1917 г.)	77
Неправильный ответ	3
Затрудняюсь ответить, нет ответа	20
Бородинская битва	
Правильный ответ (1812 г.)	51
Неправильный ответ	4
Затрудняюсь ответить, нет ответа	45
Отмена крепостного права	
Правильный ответ (1861 г.)	25
Неправильный ответ	10
Затрудняюсь ответить, нет ответа	66
Основание Москвы (первое упоминание в летописи)	
Правильный ответ (1147 г.)	11
Неправильный ответ	7
Затрудняюсь ответить, нет ответа	82

Парадоксы восприятия современной истории

Роль 1990-х для развития страны – тема, до сих пор вызывающая раскол в обществе. Расхождения во мнениях основаны на оценке вклада в построение новой России, полученного от этого события. Перестройка была временем надежд на либерализацию, свободу слова и передвижения, частную собственность. Доступ ко всем этим благам ознаменовало падение железного занавеса. Однако реализация плана либерально-демократических реформ неоднозначно оценивается историками, экономистами и простыми людьми. Опрос ФНИСЦ РАН показал, что меньше 10% опрошенных считают распад Советского Союза положительным событием, создавшим предпосылки для возрождения России и республик бывшего СССР. Около трети населения видят в этом как положительные, так и отрицательные стороны. А половина населения считает катастрофой, которая значительно ухудшила жизнь и самоощущение людей.

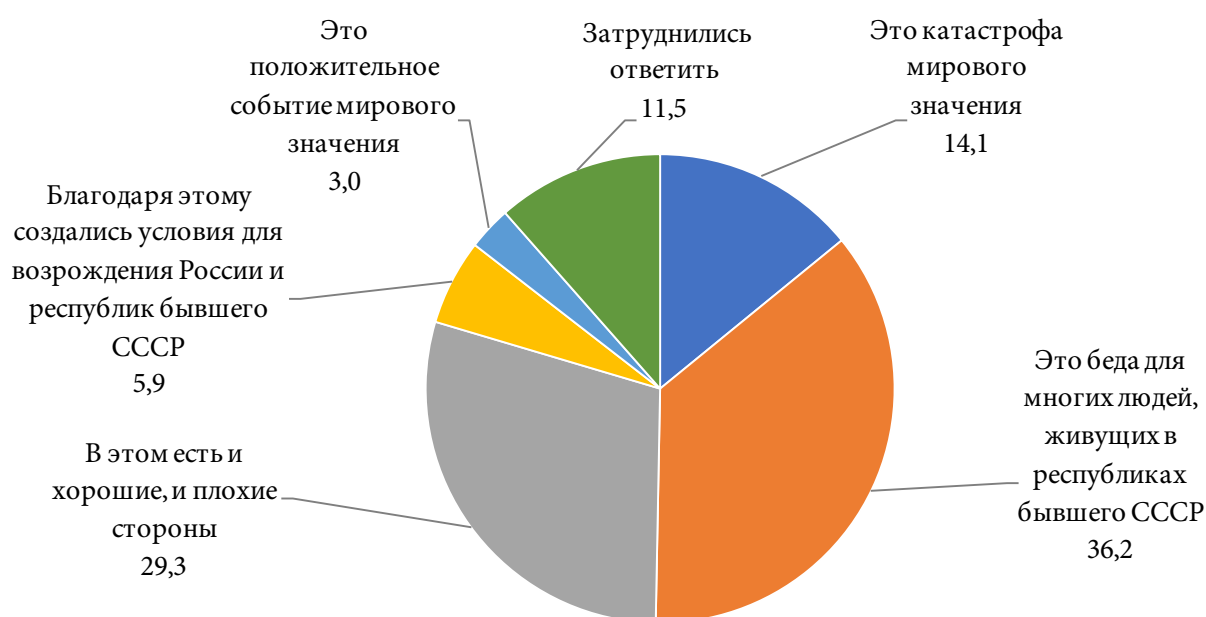

Рис. 5. Отношение россиян к распаду СССР, %
(по данным опроса ФНИСЦ РАН, 2011)¹

Figure 5. The attitude of Russians to the collapse of the USSR, %
(according to a survey by FCTAS RAS, 2011)

¹ В апреле 2011 г. Институт социологии РАН провёл общероссийское социологическое исследование: «Двадцать лет реформ глазами россиян». По репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге, было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 11 социальных групп населения: рабочие предприятий, шахт истроек; инженерно-техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция (учёные, преподаватели вузов, учителя школ, училищ); работники торговли, сферы бытовых услуг, транспорта и связи; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; военнослужащие и сотрудники МВД; жители сёл и деревень; городские пенсионеры; студенты вузов; безработные.

«Демаркационная линия» прошла в отношении реформ 1991–92 гг., которые позволили самым предприимчивым значительно повысить свой уровень жизни, но также привели тех, кто не смог приспособиться, на уровень выживания. Вторых оказалось значительно больше, в результате чего 43% населения (объединённые ответы «резко против» и «скорее не поддерживаю») на современном этапе негативно оценивают проведённые реформы. 34% (ответы «горячо поддерживаю» и «скорее поддерживаю») поддержали реформу, находя в ней свои плюсы. Если резюмировать результаты исследования, то россияне по большей части против распада СССР, но не хотели бы возврата в советские времена. Больше людей на современном этапе являются противниками реформ 1990-х годов в той форме, в которой они были выполнены, однако пользуются их плодами и не хотели бы жить при любом другом, ранее существовавшем строе.

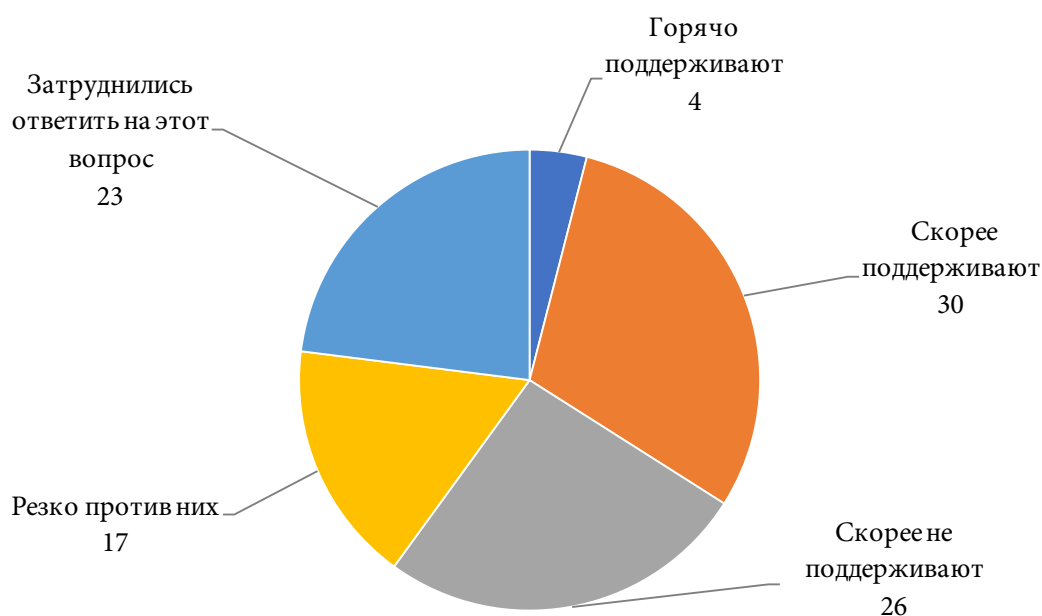

Рис. 6. Отношение россиян к реформам 1990-х гг. XX в., %
(по данным опроса ФНИСЦ РАН, 2011)

Figure 6. The attitude of Russians to the reforms of the 1990s. XX c, %
(according to a survey by FCTAS RAS, 2011)

Исследование ФОМ 2015 г. «Образ 90-х в массовом сознании» зафиксировало ещё одну реальную особенность нашей общей памяти о недавнем прошлом, отличающуюся у разных людей. 1990-е гг. в этой памяти легко «склеиваются» с советской эпохой (а иногда, напротив, с современностью) и не воспринимаются как «проклятое вчера», как однозначно негативный фон, контрастно оттеняющий достоинства «позавчерашнего» и «сегодняшнего» дней. Если рассмотреть образ 1990-х гг., складывающийся из аргументации тех, кто полагают, что общество было устроено более справедливо, легко обнаружить «посторонние примеси»: признаки и реалии советской эпохи. Многие респонденты говорили, что жилось в 1990-е легче, что у людей были достойные зарплаты, проще

было устроиться на работу и т. д. Вероятно, зачастую такие высказывания действительно отражают опыт конкретных респондентов и их окружения, но среди прочих реплик звучали и такие: *«зарплата была одинаковая почти у всех, все жили примерно одинаково», «вовремя выплачивали зарплату, люди были защищены государством», «работа и зарплата были стабильными, никто никого не обманывал», «бесплатное образование, медицина; знала, что проработаю столько времени – получу квартиру», «раньше были колхозы, жильё давали».* Представляется очевидным, что люди, ностальгически вспоминающие о социальных гарантиях, исключительно бесплатной социальной инфраструктуре, колхозах и т. п., описывают не 1990-е, а иное, советское прошлое, – как, видимо, и некоторые из тех, чьё отношение к СССР не столь однозначно. Кое-где прорываются и совсем недвусмысленные свидетельства временных смещений: *«все были объединены, все республики», «сейчас что бы ни сделали – это сделал чеченец! А раньше этого не было, дружно вместе жили!»* Тут-то уж точно речь идёт не о 1990-х: что-что, а «дружба народов» явно не относится к числу атрибутов этого десятилетия. Оглядываясь назад, респондент видит не столько два соразмерных по значимости рубежа, обрамляющих 90-е гг. XX столетия и отделяющих это мрачное «вчера» от «позавчера» и «сегодня», сколько один высочайший барьер между советским прошлым и постсоветским настоящим. Водораздел же между 90-ми и «нулевыми» располагается в оптике респондента уже внутри последнего исторического этапа и, соответственно, не столь заметен, значителен. Конечно, если специально акцентировать его внимание на данном водоразделе (например, упомянув имена Б. Ельцина и В. Путина), он без труда найдёт и назовёт множество примет, отличающих эти периоды друг от друга. Но всё же «вчера» в картине мира респондента – это прежде всего советское время, а «сегодня» – постсоветское. Именно поэтому, сколь бы настойчиво и отчётливо не воспроизводилась в ходе опроса просьба сравнивать «Россию 1990-х гг. и Россию сегодняшнюю» (такая преамбула была предпослана конкретным вопросам), многие игнорируют это хронологическое указание и, обращаясь к излюбленным антитезам, сопоставляют времена СССР с временами нынешними [4].

Заключение

Историческое сознание россиян фрагментировано и в некотором смысле парадоксально. Уходящие вглубь веков знания людей обрывочны, происходят из разных источников и не всегда корректны. Так, респонденты могут назвать ключевые исторические события, но не помнят их дат.

Парадоксально проявляется отношение россиян к советским временам. Они по большей части были против распада СССР, но не хотели бы возврата в советские времена. Больше людей теперь настроены против реформ 1990-х гг., однако пользуются их плодами и не хотели бы жить

при любом другом, ранее существовавшем строе. Выбирая между различными историческими альтернативами построения будущего страны, россияне в большей степени нацелены на нейтральные идеи укрепления положения России как на внешней, так и на внутренней арене, при этом стране не обязательно становиться сверхдержавой. Идеи православного государства, поворота в сторону Европы или евразийства не находят массовой поддержки у населения.

Великая Отечественная война на современном этапе является главным историческим событием, заслоняющим все остальные, в чём немалая заслуга принадлежит власти. Но и даже без усилий власти общество всё равно бы самоорганизовалось и отмечало Победу в ВОВ, хотя и не в таких масштабах. При этом постоянное доминирование темы войны, смещение акцента на героизацию, совмещённую с нивелированием трагических моментов, снижает значимость самого героизма.

В рамках курса истории ученик проходит все периоды истории России, но понимание и память об этих периодах могут отличаться. Общероссийские опросы показывают, что многие события и персоналии перемешаны в сознании или вообще забыты. Причём данный феномен относится не только к далёким событиям истории, известным исключительно из учебников, но и к десятилетиям, лично пережитым человеком. Так образ 1990-х некоторые респонденты наделяли чертами советского времени.

Возможные причины выявленных парадоксов можно объяснить комплексом факторов. Низкий уровень знаний истории страны связан с недостаточным уровнем преподавания отечественной истории в школе и вузах в результате внедрения ЕГЭ, а также недостаточным интересом (реальным, а не декларируемым) к истории страны. История на страницах печатных СМИ и в телепередачах на федеральных каналах очевидно героизирована, выставляется на показ её торжественная часть, а обратная сторона медали, неприглядные стороны войны порой забываются. Это накладывает свой отпечаток на общественное восприятие. Кроме того, не секрет, что трактовка истории (особенно периода Великой Отечественной войны) становится ареной войны идеологий. Различные политические силы дают свою трактовку событий, что может как запутывать часть граждан, так и, с другой стороны, формировать непримиримых идеологических противников. Память о войне становится и будет становиться всё более мифологизированной как следствие того, что реальные участники событий будут уходить из жизни. В связи со всем этим нынешним и будущим поколениям придётся выискивать крупицы истины в весьма политизированном и порой обманчивом информационном поле. Верный ракурс повышения осведомлённости населения России, «прояснения исторического сознания» видится в многоаспектном историческом дискурсе с участием профессиональных историков, открытости для любых дискуссий, большем освещении в СМИ.

Библиографический список

1. Бараш Р. Э. Поиски оснований российского национального самосознания после 2014 г.: контекст фронтальных исследований // Журнал фронтальных исследований. 2018. № 4. С. 122–146. DOI 10.24411/2500-0225-2018-10027
2. Гудков Л. Д. Общество и история: кто кого создает // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2020/03/23/obshhestvo-i-istoriya-kto-kogo-sozdaet/> (дата обращения: 21.01.2020).
3. Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
4. Кертман Г. Образ 90-х в массовом сознании // Сайт ФОМ. URL: <https://fom.ru/blogs/12407> (дата обращения: 21.01.2020).
5. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М. К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М. К., Петухова В. В.; Институт социологии РАН. М.: Весь Мир, 2015. 336 с.
6. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / [М. К. Горшков и др.]; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
7. Тимофеев И. Н. Российская политическая идентичность сквозь призму интерпретации истории // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 3. С. 51–59.
8. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/NIMEM.HTM> (дата обращения: 08.05.2021).
9. Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной Войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–21. DOI: 10.31857/S013216250009419-3

Статья поступила 17.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеев Павел Васильевич, кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710

Historical Memory of Russians in Sociological Surveys: Foundations, Reality, Problems

The article was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 20-011-00241

Pavel V. Fadeev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: erving45@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-5767-0329

For citation: Fadeev P. V. The historical memory of Russians in sociological surveys: foundations, reality, problems. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710

Abstract. The publication presents an analysis of the materials of the surveys of the FCTAS RAS, the Interregional Social Science Study “The Future of Russia”, the Levada Center and the Public Opinion Foundation for the last two decades, covering historical topics. The aim of the study was to identify the main characteristics of the historical consciousness and the state of the historical memory of Russians at present. Studies by sociological centres in recent years show that the historical knowledge of a large part of Russians is fragmentary, comes from different sources, and is not always correct. Many events and personalities are mixed up in consciousness, or even forgotten altogether. Moreover, this phenomenon refers not only to distant events in history, known exclusively from textbooks, but also to decades directly related to the person’s life. Choosing between various historical alternatives of the country’s future vision, Russians to a greater extent are focused on neutral ideas of strengthening Russia’s position in the external and internal arena, whilst the ideas of an “Orthodox state”, a turn towards Europe or Eurasianism do not find major support among the population. With major contribution by the authorities the Great Patriotic War at present is the main historical event, overshadowing all the others. At the same time, the constant emphasis on the war theme and on heroic moments, combined with the levelling of tragic ones, causes a distorted perception of the event among a part of the population. In addition, the interpretation of history (especially during the Great Patriotic War) becomes the arena of a “political war.” Various political forces give their own interpretation of events, that can both confuse some citizens and, on the other hand, form irreconcilable ideological opponents. The memory of the war is becoming more and more mythologised as a consequence of the fact that its real participants are gradually passing away. In connection with all above, current and future generations will have to look for grains of truth in a highly politicised and sometimes deceptive information field. The correct perspective of raising the awareness of the Russian population, “clarifying historical consciousness” is seen in a multifaceted historical discourse with the participation of professional historians, openness to any discussion, and broader media coverage.

Keywords: Russian identity, history, historical memory, the Great Patriotic War, patriotism

References

1. Barash R. E. The process of search of the foundations of the russian national identity after the 2014'th: the context of the frontier studies. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy*, 2018: 4: 122–146 (in Russ.).
2. Gudkov L. D. Obshhestvo i istoriya: kto kogo sozdaet [Society and history: who creates whom]. Website of Levada Center. Accessed 11.02.2021 URL: <https://www.levada.ru/2020/03/23/obshhestvo-i-istoriya-kto-kogo-sozdaet/>
3. Istoricheskaja pamjat' irossijskaja identichnost' [Historical memory and Russian identity]. Ed. by V. A. Tishkov, E. A. Pivnevoy. Moscow, RAS, 2018: 508 (in Russ.).
4. Kertman G. Obraz 90-h v massovom soznanii [Image of the 90s in the mass consciousness]. FOM Website. Accessed 12.02.2019. URL: <https://fom.ru/blogs/12407> (in Russ.).
5. Rossijskoe obshhestvo ii vyzovy vremeni. Kniga pervaja [Russian society and the challenges of the time. Book One] / [M. K. Gorshkov et al.]; Ed. by Gorshkov M. K., Petukhov V. V.; Institute of Sociology RAS. Moscow, Publishing house “All World”, 2015: 336 (in Russ.).
6. Rossijskoe obshhestvo ii vyzovyvremeni. Kniga pjataja [Russian society and the challenges of the time. Book Five] / [M. K. Gorshkov et al.]; Ed. by M. K. Gorshkov, V. V. Petuhov. Moscow, Ves' Mir, 2017: 427 (in Russ.).
7. Timofeev I. N. Rossijskaja politicheskaja identichnost' skvoz' prizmu interpretacii istorii [Russian political identity through the prism of interpretation of history] / *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2010: 3: 51–59 (in Russ.).
8. Toshhenko Zh. T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaja pamjat': analiz sovremennogo sostojanija [Historical consciousness and historical memory: analysis of the modern state]. *Novaja i novejschaja istorija*, 2000: 4. Accessed 08.05.2021. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (in Russ.).
9. Toshhenko Zh.T. What happens to the historical memory of the Great Patriotic War. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 18–21. DOI: 10.31857/S013216250009419-3 (in Russ.).

The article was submitted on: June 17.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel V. Fadeev, Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Interethnic Relations of the of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

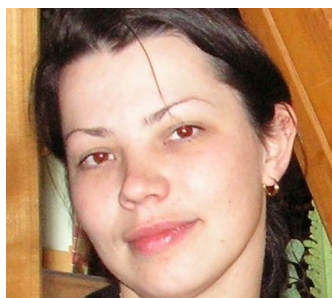
СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ (К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

Историческая память: школьники и студенты об истории России

Ссылка для цитирования: Подлесная М. А., Соловьёва Г. В., Ильина И. В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

For citation: Podlesnaia M. A., Solovyova G. V., Ilina I. V. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia // *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

**Подлесная
Мария Александровна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

yamap@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 661786

**Соловьёва
Галина Викторовна¹**

¹МАОУ гимназия 1,
Тюмень, Россия

znaniania005@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 85627596

**Ильина
Илона Валерьевна¹**

¹Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

i.v.ilina@utmn.ru

AuthorID РИНЦ: 47336740

Аннотация. В статье поднимается проблема сохранения национального самосознания в условиях гибридизации/универсализации ценностей российской молодёжи. В связи с этим рассматривается концепт «историческая память» применительно к данным двух исследований, проведённых в школе и пяти университетах (как столичного, так и регионального уровней). Цель статьи – оценить содержание и вектор исторического знания о своей стране, отношение к этому знанию у молодёжи и подростков на разных образовательных уровнях. Рассматривается процесс сохранения преемственности школьного и вузовского образования в отношении отечественной истории выявляются точки разрывов. Дается общая оценка того, с какими периодами отечественной истории сохраняется связь молодых поколений россиян, какие уходят в прошлое, выявляя основные нарративы исторической памяти. В качестве основных результатов можно выделить следующее: 1. сохраняется преемственность и общая оценка у школьников и у студентов вузов в отношении по крайней мере двух событий отечественной истории – Великой Отечественной Войны 1941–45 гг. и исторической фигуры Петра I как первого императора России, сориентировавшего страну на Запад и сделавшего прорыв в её модернизации; 2. наблюдается разрыв исторической памяти в отношении событий, связанных с периодом Древней Руси, обнаруживается связь с советским прошлым; школьники и вовсе выделяют этот период как наиболее интересный и запоминающийся; 3. наблюдаются разрывы в преемственности исторического знания на уровне школьного и вузовского образования, это касается, например, такого события, как «присоединение Крыма к России в 2014 г.»; 4. среди школьников доминирует группа учащихся, у которых история страны вызывает гордость (58%), при этом есть группа тех, кто безразличен к своей истории или высказывает негативные оценки (8%) и относится к истории России нейтрально (34%), высок процент (76%) тех, кто считает что в истории России существуют разные события и необходимым помнить «мрачные» страницы своей истории; 5. в итоге мы наблюдаем молодёжь (в зависимости от возраста проявляющую себя не одинаково), которая по каким-то причинам стала сомневаться в своей стране и стыдиться за её прошлое, но вместе с тем готова участвовать в преобразованиях страны.

Ключевые слова: историческая память, memory studies, идентичность, национальное самосознание, отечественная история, патриотизм, школа, университет, подростки, студенческая молодёжь

Казалось бы, ещё вчера интеллектуальная и теоретическая повестка дня сохраняла приверженность идеям глобализма, поддерживая глобальное лобби не только медийно, но и политически. Но уже сегодня заговорили о «новом национализме» и задались вопросом, «есть ли будущее у национальных государств и наций» [8, с. 735]. Что же это на самом деле – очередной информационный повод или реально новая повестка дня?

Отметим, что тенденции подобных изменений связывают, как правило, с двумя основными факторами – с массовым засилием мигрантов на территории Европы, а также с бунтующей под лозунгом «Black lives matter» Америкой, из которой так и не получилось «плавильного котла» [11, с. 7], и с противостоянием простого населения транснациональному (а теперь и платформенному) капитализму, который давно в угоду

исключительно своим интересам стремится преодолеть связь народов как со своими территориями и этносами, так и лишить их законного суверенитета.

Несмотря на имеющийся разворот западной повестки дня в сторону нации и сопутствующему этому понятию национальной идентичности, в российской повестке появляются не менее интересные сюжеты. Представлены они чаще всего в исследованиях не теоретического, а эмпирического характера, посвящённых прежде всего изучению современной российской молодёжи.

Анализируя их, мы пришли к мысли, что в своей совокупности они говорят о противоречивом и, похоже, весьма неустойчивом характере ценностей российской молодёжи, о существовании в обществе групп молодёжи с различными ценностями и разными уровнями целостности, преобладания идентичности.

Например, одни исследования свидетельствуют о межпоколенческих изменениях и сдвигах в ценностях российской молодёжи, об ориентации (особенно в поколениях последних десятилетий – миллениалов и центиниалов) на сближение с ценностями молодых американцев [30, с. 332]. Или с Западом, как в исследовании В. Радаева, который также пишет о заметно возросшем интересе к переменам нового поколения молодёжи – центиниалов (поколение Z), рождённых в 2000-х гг., об их запросе на социальную справедливость, но и о том, что именно в самой младшей возрастной группе (18–24 года) образ желаемого будущего заметнее, чем в более «старшей» молодёжной группе, связывается с демократией, с идеей сближения с Западом и вхождения России в «общеевропейский дом» (рост за четыре года с 14 до 29%) [26, с. 129]. Невостребованной идеей на сегодняшний день среди молодёжи оказалась «идея возвращения России к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем» [26, с. 130]. Подобный факт автор объясняет главным образом отсутствием понимания молодёжью того, что такое «традиционные» ценности и как они могут реализоваться в условиях современности.

В другом исследовании находим утверждение иного плана, где заявляется, что «современное молодёжное пространство отличается значительной маргинализацией и периферизацией субкультурных групп, однако его производные чаще всего не противоречат доминирующим нормам морали» [46, с. 69–70], которые авторами статьи рассматриваются (со ссылкой на ряд исследований ФНИСЦ РАН) как неизменная приверженность молодых россиян пяти основным жизненным ценностям – семья, качественное образование; пусть не всегда высокооплачиваемая, но интересная работа; дружба, товарищество и стремление увидеть и познать окружающий мир [7, с. 22]. В конце авторы статьи и вовсе приходят к весьма смелому предположению, что «поддержка государством традиционных ценностей и провозглашение стратегических целей с опорой на традиции (как, например, в ст. 67. 1, которой предлагается дополнить Конституцию Российской Федерации), найдёт поло-

жительный отклик в молодёжной среде...» [46, с. 88]. Стоит отметить, что в данном исследовании принимали участие студенты четырёх вузов Республики Мордовия, т. е. молодёжь в возрасте от 18 до 24 лет, что сопоставимо с исследованием предыдущего автора.

Список подобных исследований с расхожими выводами можно было бы продолжить. Но остановимся на этом и попробуем разобраться, в чём же тут дело? Помимо сугубо методологических нюансов и отсутствия единообразия исследовательского инструментария, здесь присутствуют, на наш взгляд, и другие возможности объяснения. В частности, можно говорить о наличии в обществе двух имеющихся трендов – ориентации российской молодёжи на запад и, напротив, ориентации молодёжи на российскую специфику, её традиционализм. Можно было бы также подумать о региональной и столичной, шире – городской специфике подобных тенденций [20].

Не стоит забывать и о различиях в мировоззренческих основаниях, закладываемых системой образования, в частности – университетской средой. Как показывают отдельные исследования, «столичная» университетская молодёжь в большей степени выражает свою приверженность постмодернистским западноевропейским ценностям, учащиеся регионов – традиционалистским [27].

Наиболее релевантным сегодня признаётся объяснение, предложенное исследователем молодёжи Ю. А. Зубок, которая пишет о процессе гибридизации ценностей, или об их универсализме, как отмечается в ещё одном исследовании [40], указывая на сочетание глобального и локального, традиционного и современного, консервативного и либерального в смысловом пространстве российской молодёжи [12, с. 9]. В общем, это вполне согласуется с современностью в целом, отличающейся сочетанием и воспроизводством гибридных процессов и отношений [15].

Итак, проблемная область статьи заключается в том, что на сегодняшний день в ситуации появляющегося запроса на «новый национализм» в странах США и Европы и той неопределённости, которая возникла в отношении глобалистского проекта, целесообразно с особой тщательностью и вниманием отнестись к тому, что происходит в пространстве смыслов и идентичностей российских граждан, особенно молодёжи, чьи ценности неоднократно форматировались/форматируются и носят в связи с этим неустойчивый, гибридный характер. Данная проблема, на наш взгляд, может быть адекватно решена с помощью концепта и теории исторической памяти, а также внимательного изучения того, что составляет корпус российской исторической науки, концентрированно представленной в школьной программе, в вузах и того, что в итоге усвоения программы воспроизводится молодёжью, как согласуется/не согласуется с общей исторической памятью. Авторы статьи предпринимают подобную исследовательскую попытку (именно попытку, т. к. более серьёзные исследовательские результаты предполагают иной масштаб замеров) на основании двух проведённых опросов – в региональных школах и вузах (подробнее о методологии исследования в соответствующем

разделе), преследуя цель оценить содержание и вектор исторического знания о своей стране, отношение к этому знанию у молодёжи и подростков на разных образовательных уровнях.

Историческая память как категория социологической теории

На ниве изучения исторической, социальной, культурной, локальной, кибер- и прочей памяти работали и работают многие отечественные историки [34; 35; 36; 32; 33; 14; 44], социологи [45; 50; 51; 17; 1; 6; 21; 25; 5; 13; 19; 16; 4; 3; 52], философы, психологи [39; 10].

За последние несколько лет в свет вышло несколько новых изданий, посвящённых анализу исторической памяти, в частности, политики памяти [29], учебник по курсу «Историческая память», имеющий не только уже 2-е издание (2019, 2020) [43], но и положительные рецензии [22; 9].

Всё это многообразие безусловно свидетельствует о том, что концепт исторической памяти сегодня весьма востребован и популярен.

Начнём с основного определения памяти. «Память – это способ конструирования людьми своего прошлого», которая может изучаться как «память-свидетельство людей, переживших некий опыт», и напротив, как «репрезентации прошлого и его конструирования через медиа памяти – книги, фильмы, монументы, церемонии и т. д.» [43, с. 15]. В связи с чем основоположник данного направления исследований Морис Хальбвакс выделял два вида памяти – автобиографическую и историческую [47]; память, принадлежащую непосредственно индивиду, участнику событий, и память коллектива, группы.

Последняя, коллективная память, способна сохранять только те представления о прошлом, которые для чего-то нужны группе, она «по определению не выходит за пределы этой группы» [43, с. 52]. Таким образом, *изучая память последующих поколений на события прошлого, мы имеем дело не только с репрезентациями и конструктами этой памяти, но и с образцами памяти, отобранными коллективом, группой, обществом как наиболее значимые.* По этой причине у каждой нации есть своя историческая память, определяющая идентичность данного народа.

Определяющую роль в формировании и сохранении коллективной памяти и её образцов играет традиция, позволяющая индивидуальные воспоминания интегрировать в структуры коллективной памяти. Историческая память включает в себя не только сами факты, события прошлого, но и их понимание, осмысление последующими поколениями, ставя им положительные, нейтральные, отрицательные оценки, выделяя одни и предавая забвению другие. Таким образом, *отбор в каком-то смысле есть естественный процесс памяти, а хронотопное (пространственно-временное) переживание событий прошлого, их осмысление являются областью исторического сознания* [2].

Ещё один важный для нас тезис связан с утверждением Хальбвакса о том, что история и историческая память во многих отношениях противоположны; память, в отличие от истории, где есть строгие деления (периоды или схемы), – непрерывный поток мысли, сохраняющийся в сознании той группы, которая её поддерживает.

И хотя некоторые видные отечественные и зарубежные авторы (Й. Рюзен, П. Берк, Л. П. Репина и др.) считают, что историю как продукт профессионального историописания можно считать частью или видом исторической памяти, поскольку и сами историки причастны к «новому мифостроительству», будучи вовлечёнными в современную им культуру, стоит всё же согласиться с мыслью Хальбвакса, что «история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается социальная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-то фиксировать» [47, с. 22.]. История продолжается, а память конечна, и в итоге, имея дело зачастую с репрезентациями и конструктами памяти, с отобранными в качестве наиболее значимых образцами памяти, исследователь не может не обращаться к истории как к корпусу знаний, как к устоявшейся форме уже переработанных нарративов. И это довольно сложно, так как по причине множественности дискурсов в настоящее время довольно трудно отличить одну репрезентацию от другой [55].

Основное значение в формировании как коллективной памяти, так и исторического сознания играют мнемонические места и их поддержание с помощью актов коммеморации. Коммеморативные мнемонические места укрепляют стереотипы нашего сознания, пробуждая специфические воспоминания о прошлом» [49, с. 203–204]. Посещение мнемонических мест, которыми могут быть люди, события, предметы, здания, традиции, легенды, географические точки, окружённые особой символической аурой [24], и связанные с этим ритуалы – один из самых действенных способов развития исторической памяти. Таким образом, мнемонические места, как и устная история, история семьи, – часть процесса социализации, педагогики и педагогической системы.

При это педагогическая система понимается сегодня шире, чем просто школьное образование, которое хотя и стало одной из важных форм исторического образования, но не единственной на сегодняшний день, куда большее значение приобретает внешкольная дидактика истории, представленная на телевидении, в музеях, художественной литературе, прессе, туризме, системе свободного образования, в партиях и объединениях, в парламенте [37, с. 31]. Не говоря уже о кинематографе [56] и социальных сетях, являющихся на сегодняшний день также пространством формирования смыслов [53], выступающих как альтернатива институциональным архивам и связанных с ними системам знаний и власти [57], как большие и доступные онлайн-энциклопедии [54].

Материалы, методология и методы исследования

Оба исследования, которые мы хотели бы здесь представить, проводились в 2018 г., одно было сосредоточено на изучении исторической памяти среди школьников провинциальной школы (руководитель проекта к.с.н. Соловьёва Галина Викторовна). Другое, более масштабное, было направлено на изучение ценностных ориентаций студенческой молодёжи университетов светской и религиозной направленности, столичных и региональных вузов, где среди прочих в анкете были вопросы на выявление маркеров исторической памяти российских учащихся (руководитель проекта д.э.н., профессор И. П. Рязанцев).

Исследования подобного рода уже были в практике российских социологов, более того, со своей методологической спецификой, как в случае исследования исторической памяти среди студентов РУДН, интересным прежде всего предложенными авторами исследования типами памяти [31, с. 297]; или как в случае опросов учащихся вузов Липецка и Ростова-на-Дону, выявляющих региональный уровень исторической памяти российской молодёжи и его сопоставление с общероссийскими и европейскими данными [18]. Значимо также и исследование динамики исторической памяти в российском обществе в целом, которое даёт не только полномасштабную картину изменений в России, начиная с 1989 г., но и основные тенденции, которые наблюдаются сегодня [28]. Относительно школьного образования исследований исторической памяти заметно меньше, но они также есть и прежде всего связаны с изучением патриотизма школьников [38].

В данной работе мы рассматриваем историческую память на двух образовательных уровнях – школьном и вузовском, пытаюсь обнаружить преемственность или, напротив, имеющиеся пустоты и разрывы.

Основным методом в двух проводимых нами исследованиях был массовый опрос. В одном случае школьников 7–11 классов МБОУ СОШ №3 г. Темрюка (n=176 учащихся в возрасте от 13 до 17 лет). В другом случае студентов пяти вузов – столичных: Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (далее МГУ), Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) и региональных: Тюменского государственного университета (ТюмГУ), Самарского технического государственного университета (СамГТУ), Севастопольского государственного университета (СевГУ). Выборка второго исследования составила 2505 человек. Массовый опрос учащихся проводился по котируемой выборке, где в качестве квот выступали не только пол, возраст и курс обучения, но и направление получаемой специальности: естественные науки, точные (технические), гуманитарные, социальные. Опрос проводился как с помощью онлайн-анкеты, так и у зданий вузов с помощью распечатанной анкеты и интервьюеров; особенно это касалось МГУ и СПбГУ, где опрос проводился в 2012 г. по тому же сценарию [41; 42].

Историческая память школьников (от 13 до 17 лет)

Отечественная история и интерес к ней

Одним из первых вопросов анкеты был вопрос на оценку имеющегося интереса к истории у школьников. Опрос показал, что чуть более трети опрошенных ребят интересуются историей своей страны (33%), 61% учеников изредка (от случая к случаю) проявляют свой интерес к истории России и только 6% совсем не интересуются отечественной историей. Таким образом, **интерес школьников к отечественной истории и её событиям присутствует, но носит преимущественно несистемный, поверхностный характер.** Для сравнения отметим, что общероссийское исследование показало интерес к отечественной истории у 80,3% россиян, т. е. можно также свидетельствовать, что интерес есть, но при этом лишь 14,8% опрошенных по-настоящему увлечены историей [28, с. 99]. Можно предположить, что школьники демонстрируют в этом отношении образцы поведения своих родителей, среди которых лишь немногие углублённо интересуются историей своей страны. У детей этот интерес даже заметно выше; скорее, по причине прохождения обучения в школе.

При этом основными источниками информации об истории России у школьников являются учебники и уроки истории (80,6%), ресурсы интернета, в том числе социальные сети (52%) и кинематограф (33%) (вопрос с множественными вариантами ответа). Очевидно, что в этом смысле школа до сих пор остаётся наиболее востребованным источником информации, и по этой причине вопрос о качестве преподавания истории (не только с точки зрения подачи информации, но и её научности, объективности) в школе по-прежнему актуален. Не меньшие требования должны предъявляться в настоящее время и к интернету, где черпают информацию об истории своей страны половина школьников.

Идентичность

как оценка прошлого и настоящего страны

Относительно выявления идентичности учащихся в анкете было предложено несколько вопросов. Один из первых касался того, существует ли причинно-следственная связь между историческими событиями в прошлом и настоящем. Примечательно, что для 66% школьников эта связь очевидна, лишь 4% такую связь отрицают, и 30% ребят затруднились с ответом. Таким образом, мы можем косвенно говорить о том, что для большинства опрошенных сегодняшний день страны немыслим без её прошлого, к которому можно относиться по-разному, но не без признания его заслуг в настоящем.

На вопрос о том, гордятся ли ученики историей своей страны, 58% школьников ответили утвердительно, при этом чуть больше трети опрошенных (34%) оценили своё отношение к истории страны как нейтральное, 6% учеников стыдятся за многие страницы в истории России,

а для 2% ребят история Родины совсем безразлична. Если суммировать данные последних трёх ответов, условно их обозначив «безразличное или отрицательное отношение», то получим внушительную группу школьников (42%), у кого история собственной страны либо не вызывает каких-либо чувств, либо вызывает отрицательные чувства, в частности стыд. Интересно, что это согласуется с выводом исследования, проведённого в среде студенческой молодёжи (со ссылкой в том числе на данные ВЦИОМ), в котором отмечается, что «представители молодого поколения легче, по сравнению со старшими, признаются в незнании истории и чаще считают правильным не испытывать особых эмоций по поводу событий прошлого [6]». И далее авторы исследования заключают: «Это может быть результатом как идеологических влияний, так и политики в сфере образования» [31, с. 295]. Мы бы добавили, что это также может быть следствием доступности информации разного качества и последствиями «информационного шума», когда определённого отношения не складывается и не может сложиться по причине нецелостности и мозаичности информации.

Кроме того, 76% ребят ответили, что в истории России существуют разные события, но и «мрачные» страницы в отечественной истории забывать не стоит. Только 7% учеников считают, что эти события нет смысла вспоминать, а 17% затруднились ответить. Большой процент считающих необходимым помнить «мрачные» события истории выявляет, на наш взгляд, одну из главных характеристик нашего времени, доставшуюся нам ещё от периода 1990-х, когда хорошим тоном считалось смотреть на собственную историю критично. Особенно ценным было осуждение советского прошлого и советской системы на фоне активно начавшего развиваться капитализма. Очевидно, что подобная болезнь могла пройти, но фантомные боли остались, а вместе с ними выросло и поколение подростков, которые (хотя на треть) относятся к истории своей страны безразлично, но в 76% случаев готовы помнить и признавать её бесславные моменты. Данный факт кажется нам весьма интересным, так как указывает на шаткость позиции, на её неопределённость, а учитывая возраст опрошенных (13–17 лет) говорит о её несамостоятельности, незрелости. Обратим внимание на этот момент, так как в анализе данных студенческого исследования он повторится, но уже в ином ракурсе и контексте.

Отечественная история в событиях и лицах

Один из блоков анкеты был посвящён открытым вопросам и ответам. Школьников просили назвать и оценить наиболее значимые, с их точки зрения, события в отечественной истории. Отметим, что несмотря на то, что история в школе у всех опрошенных учеников преподаётся два раза в неделю, все открытые вопросы, предполагавшие самостоятельное формирование ответа по историческим периодам и событиям, вызывали максимальные затруднения.

Согласно данным, из всех периодов в истории России (Древняя Русь, Московская Русь, Российская империя, СССР, РФ) наиболее «знакомым» для учеников стал период СССР. Далее по частоте упоминания (в сторону уменьшения) можно выделить период современной России, Московский период Руси, период Российской империи, причём именно здесь чаще всего упоминались события и деятели, связанные с культурой России, реформами, а также с армией и флотом – «постройка Санкт-Петербурга», творчество Пушкина, «создание флота», «выход к Балтийскому морю», «Северная война», «создание Московского университета в 18 в.», «победа над Наполеоном», и наконец, в самую последнюю очередь назывался период существования древнерусского государства. Главными событиями этого периода для школьников стали «крещение Руси» и «утверждение христианства», Куликовская битва и Ледовое побоище. Примечательно, что самый древний период истории России реже всего упоминался как запоминающийся, и в этом смысле память действительно конечна, как писали об этом Хальбвакс [48] и Нора [23]. Важно при этом, что период Московской Руси, связывавшийся школьниками в первую очередь с такими одиозными фигурами, как Иван Грозный, первые Романовы, Ермак Тимофеевич и завоевание им Сибири, более активны в памяти, чем период Российской империи, что также свидетельствует об избирательности исторической памяти и её предпочтениях в определённые исторические периоды. По какой-то причине период имперской России в сознании ребят оказался менее запоминающимся (не исключено, что это связано с такой подачей этого материала самими учителями), чем период Московской Руси, и уж тем более чем период Российской Федерации и СССР. Последний и вовсе оказался наиболее привлекательным для школьников, что само по себе является достижением исследования, так как, возможно, указывает на «развилку» исторической памяти, где сосредоточены в максимальной степени внимание, пытливость, усилия, чувства как самих учителей, так и их учеников. То есть **интерес исторической памяти школьников сосредоточен не на имперских амбициях, а на обществе справедливости и социальном государстве.**

В качестве ещё одной гипотезы предположим, что советский период связан с Великой Отечественной войной 1941–45 гг., которая за последние годы стала своеобразным символом страны, объединяющим началом всех граждан России, и именно по этой причине советский период оказался столь значимым для опрошенных нами школьников. Отметим, что ВОВ назвали в качестве наиболее важного события в истории России 41% учеников, все остальные называемые события не набрали и 10%, что безусловно говорит о значимости данного события среди школьников.

Итогом всех собранных ответов на открытые вопросы стала созданная нами таблица 1, в которой удалось выделить не только упоминаемые школьниками периоды, но и наиболее важные их события и личности, с ними связанные.

Таблица 1 (Table 1)

Представления школьников об отечественной истории с разбивкой на периоды, события, значимые личности

Perceptions by schoolchildren's of Russian history, broken down into periods, events, significant personalities

Период	События	Личность
СССР	Революция 1917 г., ВОВ, полёт Гагарина в космос, распад СССР	В. Ленин, И. Сталин, Б. Ельцин (его связывали с распадом СССР)
РФ	Воссоединение Крыма с Россией, «война в Сирии», «борьба с террористами», «победы в Олимпийских играх 2014 г.»	В. Путин
Московская Русь	Ливонская война, поход Ермака в Сибирь	Иван Грозный, Ермак Тимофеевич
Российская империя	Основание Санкт-Петербурга, создание флота и выход к Балтийскому морю в результате победы в Северной войне, открытие Московского университета, победы в русско-турецких войнах, победа в Отечественной войне 1812 г.	Петр I, Екатерина II
Древняя Русь	Крещение Руси, Ледовое побоище, Куликовская битва	Владимир I, Александр Невский и Дмитрий Донской

Проанализировав указанные школьниками исторические события (и частоту их упоминания), можно сделать вывод, что знакомыми и значимыми событиями для учащихся стали в первую очередь события современной истории (воссоединение Крыма с Россией), военные победы: «*Войны, благодаря которым устанавливалась справедливость*» (ученица 8 класса, 15 лет), социальные потрясения, которые привели к распаду государства, а также первый полёт человека в космос. Менее знакомыми являются события из истории отечественной культуры и науки, и это несмотря на увеличение количества тем по этим разделам в школьных программах по истории России.

Далее школьникам предлагалось оценить по 5-балльной шкале те области исторических событий, которые, на их взгляд, составляют корпус исторического знания о России (можно было выделить несколько вариантов ответа и/или предложить собственный).

Исходя из полученных данных, мы получили список тех областей исторических событий, которые по оценке школьников составляют историю России:

- 1 место – герои войн и сопротивления;
- 2 место – военная история России;
- 3 место – освоение и развитие космоса;

- 4 место – русские (российские) путешественники и первооткрыватели;
- 5 место – достижения в спорте;
- 6 место – достижения в науке;
- 7 место – достижения отечественной культуры;
- 8 место – вожди и лидеры народных волнений, революций;
- 9 место – деятельность руководителей государства;
- 10 место – успехи в политике и политическая справедливость в стране;
- 11 место – успехи в экономике страны и благосостояние населения.

Итак, лидирующими стали такие разделы истории России, получившие наивысший балл, как «герои войн и сопротивления», «военная история России», «освоение и развитие космоса». Серединное место занимают: «русские (российские) путешественники и первооткрыватели», «достижения в спорте», «достижения в науке и культуре». Предпоследние позиции заняли темы: «вожди и лидеры народных волнений, революций», «деятельность руководителей государства». Реже всего наивысший балл ученики ставили темам: «успехи во внутренней политике и политическая справедливость в стране», «успехи в экономике страны и благосостояние населения», что можно объяснить, скорее всего, недостаточной осведомлённостью и критическим отношением учеников к этим вопросам истории страны. Это необходимо учитывать при анализе современных протестных настроений в молодёжной среде.

Наиболее значимыми историческими деятелями для учащихся стали государственные и военные деятели (Владимир I, Александр Невский и Дмитрий Донской, Иван Грозный, Пётр I, Екатерина II, В. Ленин, И. Сталин, Б. Ельцин, В. Путин). Наиболее популярными среди школьников являются военачальники: маршал Г. Жуков и генерал-фельдмаршал М. Кутузов, а также руководители второго ополчения 1611–12 гг. князь Д. Пожарский и К. Минин.

К сожалению, никто из учеников не назвал фамилии «простых» героев войн, деятелей культуры и науки, путешественников и др. Среди не относящихся к государственным деятелям и полководцам названы лишь Юрий Гагарин и Ермак Тимофеевич.

Подводя первые итоги можно отметить, что историческая память школьников содержит как новые, так и старые нарративы. Условно «новые» связаны прежде всего с появлением заметной группы школьников, безразличных или отрицательно относящихся к своей истории, с возникшим у них пониманием, что не все события отечественной истории могут вызывать одобрение, более того, за отдельные страницы истории может быть стыдно. При этом у большинства опрошенных есть интерес к советскому прошлому страны, где была возможна идея справедливости и социального государства, где была одержана победа

народа в одной из самых страшных мировых войн. К «старым» нарративам можно отнести по-прежнему устойчивое отношение школьников к ВОВ как к главному историческому событию отечественной истории, хотя может быть и с новым звучанием, т. к. очевидцев этого события остаётся всё меньше, и дети воспринимают репрезентации и реконструкции памяти о войне.

Историческая память учащихся вузов (от 18 до 24 лет)

Историческая память студентов замерялась нами тремя основными вопросами (в самой анкете было около 50 вопросов). Оценивалось отношение к своей стране (чувство патриотизма), наиболее значимые/дорогие события отечественной истории и деятельность исторических личностей, чья политика вызывает наибольшее/наименьшее уважение. В списке ответов были предложены политические деятели различных взглядов – консерваторы, либералы (ультралибералы), социал-демократы, анархисты, монархисты, националисты (ультранационалисты, фашисты) и пр. Это было сделано с целью понять, каким политическим взглядам современные студенты симпатизируют, насколько эти симпатии национально ориентированы. По этой же причине в список были включены не только политические деятели российской истории, но и мировой, были исключены имена наиболее популярных политиков современности, например, президента РФ Путина В. В., дабы избежать ангажированности анкеты. Для желающих указать свой вариант ответа была предложена графа «Другое». Анализ делался на сравнении ответов студентов столичных и региональных вузов, с акцентом на специфике последних.

Патриотизм

Согласно полученным данным (см. табл. 2), можно выделить наиболее популярные группы ответов: 1. Россия – дом, в котором я живу, и от меня зависит, каким он будет; 2. Россия – страна с кучей нерешаемых проблем. Максимально эмоциональное утверждение «Россия – моя любимая Родина!» заняло лишь третью строчку, из чего, на наш взгляд, следует, что ни сами утверждения подобного рода (в которых нет идейной позиции или посылка к действию), ни безусловный патриотизм в студентах от 18 до 24 лет не вызывают отклика. А то, что действительно волнует, содержит в себе критический взгляд на страну и желание быть участником её преобразований, изменений. Это не позиция сторонних наблюдателей, это позиция активных членов общества. И подобный патриотизм можно было бы обозначить как умеренно критический, деятельный.

Таблица 2 (Table 2)

Распределение ответов учащихся вузов на вопрос «Россия для меня – это...», %
Distribution of university students' answers to the question "Russia for me is ...", %

«Россия для меня – это...»	Столичные вузы		Региональные вузы		
	МГУ	СПбГУ	ТюмГУ	СамГУ	СевГУ
Дом, в котором я живу, и от меня зависит, каким он будет	30,5	22,9	31,2	35,4	34,6
Страна с кучей нерешаемых проблем	20,3	11,6	20,7	22,3	16,1
Моя любимая родина	17,1	7,1	15,1	14,6	14,7
Страна, в которой нет условий для нормальной жизни меня и моих детей	8,3	9,6	8,9	13,5	11,6
Страна с возможностями для достойной жизни каждого человека	6,3	4,2	10,0	5,5	11,1
Затрудняюсь ответить	6,1	4,2	6,7	3,6	5,8
Другое	8,7	38,4	4,6	3,6	3,9
Страна, которую я не сумел (не сумела) полюбить	2,7	2,0	2,8	1,5	2,2

Подобное отношение к стране характерно для учащихся как региональных, так и столичных вузов, с той лишь разницей, что в ответах студентов Санкт-Петербургского государственного университета присутствует особая позиция по этому поводу, что нашло своё отражение в процентах графы «Другое» (38,4%) и письменных ответах респондентов. Надо заметить, что записи учащихся заслуживают отдельного внимания и отдельной статьи.

Отечественная история в событиях и лицах

Вопрос с несколькими вариантами ответов о значимых событиях отечественной истории дал весьма интересные результаты, обозначив в том числе разницу в оценках российской истории учащихся региональных и столичных университетов.

Например, распад СССР в 1991 г. как значимое историческое событие, отмеченное учащимися трёх региональных вузов, для студентов МГУ и СПбГУ не является таковым (26,5 и 27% соответственно), как и восстановление патриаршества в 1917 г. Тогда как в качестве значимых событий учащимися МГУ и СПбГУ были отмечены первый полёт человека в космос в 1961 г. (47,3% в МГУ, 35,8% в СПбГУ) и Великая Отечественная война 1941–45 гг. (35,5 и 30% соответственно). Обращает внимание и то, что крестьянская реформа 1861 г., отменившая крепостное право в России, также оказалась значимой для опрошенных в МГУ и СПбГУ (28,8 и 24,5%), а для студентов региональных вузов не представила заметного интереса, впрочем, как и русская революция 1917 г., которую в качестве значимого события отметили опять же респонденты столичных университетов (22,5% в МГУ, 15,7 – в СПбГУ).

При этом для учащихся региональных вузов дороги события отечественной истории, в частности Куликовская битва (в Севастопольском госуниверситете это события отметили 41,4% опрошенных) и «Стояние» на реке Угре (27,9% в СевГУ; 27,3 – в СамГТУ, 16,7 – в ТюмГУ). О чем же говорят эти данные?

Решающая победа русских войск в Куликовской битве стала важным шагом на пути к восстановлению единства Руси и будущему свержению золотоордынского ига, которое в эпоху, следовавшую за Куликовской битвой, существенно изменило свой характер в сторону большей самостоятельности великих московских князей. А «Стояние» на реке Угре в 1480 г., по мнению большинства советских и российских историков, положило конец монголо-татарскому игу на севере и северо-востоке Руси, где оно держалось дольше всего и где шёл процесс становления единого Русского государства, которое стало полностью независимым. Следовательно, выбранные события не только тесно связаны друг с другом, но и имеют значение национального укрепления и объединения России. То, что учащиеся региональных вузов в большей степени, чем студенты МГУ и СПбГУ, склонны указывать эти события отечественной истории в качестве значимых, может говорить о том, что для молодёжи из регионов важны именно те события, которые позволяют говорить о России как о независимом и самостоятельном государстве, с национальным самосознанием.

Выбор учащихся МГУ и СПбГУ свидетельствует о чем-то ином: и первый полёт человека в космос, и победа в Великой Отечественной войне – события, указывающие на существенные победы русских, на их способность влиять на процессы не только своей, но и мировой истории. А предпочтение студентами данных вузов таких событий, как крестьянская реформа 1861 г. и революция 1917 г., скорее всего подчёркивает преемственность поколений студентов этих же университетов. Как видим, студенты МГУ и СПбГУ воспринимают свою страну и события её истории несколько иначе, чем учащиеся региональных вузов, для которых Россия не столько страна мировой, и главным образом европейской истории, сколько самобытное и самостоятельное государство. В связи с этим возникает закономерный вопрос, имеем ли мы дело в таком случае с памятью различных групп или с различным восприятием фактов истории, может быть, контристорией? И если это всё же различие в восприятии отечественной истории, то на каком этапе школьной или вузовской программы это происходит? Подобные вопросы, как нам кажется, тесно связаны с тем, что было обнаружено нами на этапе исследования в школе, когда было зафиксировано, что уже сегодня есть часть подростков, безразлично относящихся к прошлому своей страны.

С точки зрения заявленной темы исследования, в вопрос о наиболее значимых событиях отечественной истории нами были включено несколько «контрольных» вариантов ответа, в частности: «крещение Руси в 988 г.» и «таких событий нет». Данные показали, что по важности событие «крещение Руси в 988 г.» уступает многим другим и не занимает первых строчек.

Для большинства учащихся формирование России как национального государства связывается в первую очередь с военными победами, научными достижениями и т. д., но не с принятием православия. При значимости событий отечественной истории в целом, принятие Русью православия для учащихся вузов остаётся за рамками их исторической памяти (либо постепенно вытесняется из неё). Вместе с тем мы наблюдаем, что проценты тех, для кого значимых событий в отечественной истории «совсем нет», минимальны. В ТюмГУ и СамГУ таковых вообще не нашлось.

Примечательно также, что с точки зрения последних достижений России присоединение Крыма в 2014 г. как событие не вызвало особой поддержки студентов ни региональных, ни столичных вузов. Даже учащиеся Севастопольского госуниверситета, для которых это должно было быть актуально, не выразили особого энтузиазма по этому поводу. В качестве дорогого сердцу события его указали лишь 21,4% опрошенных. О чём это могло бы говорить? Во-первых, о том, что значимые события отечественной истории большинством опрошенных связываются с прошлым страны (как далёким, так и не очень). Новейшая история и её события ещё недостаточно осмыслены, чтобы делать о них выводы. Во-вторых, «присоединение Крыма к России» уже сегодня имеет самые разные оценки, что находит отражение и в ответах студентов.

Не совсем понятными с точки зрения анализа и интерпретации данных стали наименьшие проценты в региональных вузах среди отметивших Великую Отечественную войну 1941–45 гг. в качестве дорогого сердцу события отечественной истории, и, напротив, большие проценты опрошенных, выбравших «восстановление патриаршества в 1917 г.» в качестве значимого события. Последнее особенно странно, если учитывать минимальные проценты опрошенных, действительно участвующих в церковной жизни, и тот факт, что для многих опрошенных «крещение Руси в 988 г.» остаётся малозначимым событием в истории России.

Попробуем предположить, что данный ответ выбирали наобум (устав от заполнения анкеты) или иронизируя, либо оценку значимости данного события делали исходя из иной логики: восстановление патриаршества в 1917 г. – событие, породившее современные институции РПЦ и придавшее Церкви тот облик и те возможности, которые она имеет сегодня. Дорогим сердцу событием признаётся учащимися региональных вузов и «распад СССР в 1991 г.», но и здесь возникает вопрос о том, в каком смысле «дорогим» – с позиции действительно значимого, близкого сердцу, или, наоборот, внутренне отвергаемого? Возможно, что проблема в формулировке вопроса, и отвечая так, учащиеся региональных вузов имели в виду что-то совсем другое, посчитав и распад СССР, и восстановление патриаршества в России событиями, существенно изменившими страну и привнесшими в её развитие больше негативного, чем позитивного опыта. В контексте этой же логики могут быть объяснены и минимальные проценты среди учащихся региональных вузов тех, кто назвал в качестве дорогого события Великую Отечественную войну

1941–45 гг. Война, тем более такая, которая унесла миллионы жизней, не может быть дорогой сердцу, это беда, трагедия, боль, о которой трудно говорить, тем более в анкетной форме. Это не просто галочка в качестве варианта ответа, это действительно значимо. Таким образом, стоит признать, что мы столкнулись с определёнными сложностями относительно сформулированного нами вопроса и тех ответов, которые он получил. В этом смысле ответы студентов МГУ и СПбГУ, привыкших к соцопросам, возможно, были менее обдуманными и более шаблонными.

Несмотря на это, стоит признать, что в восприятии отечественной истории студентами столичных и региональных вузов есть как общие, разделяемые большинством нарративы, так и отличные друг от друга.

Перейдём к анализу третьего вопроса (см. рис. 1). Согласно полученным данным, первую строчку в списке занимает император Пётр I, лидируя в качестве политического деятеля, вызывающего наибольшее уважение во всех пяти вузах. Причём больше всего голосов этому историческому деятелю отдали студенты региональных вузов, особенно ТюмГУ (64,4%).

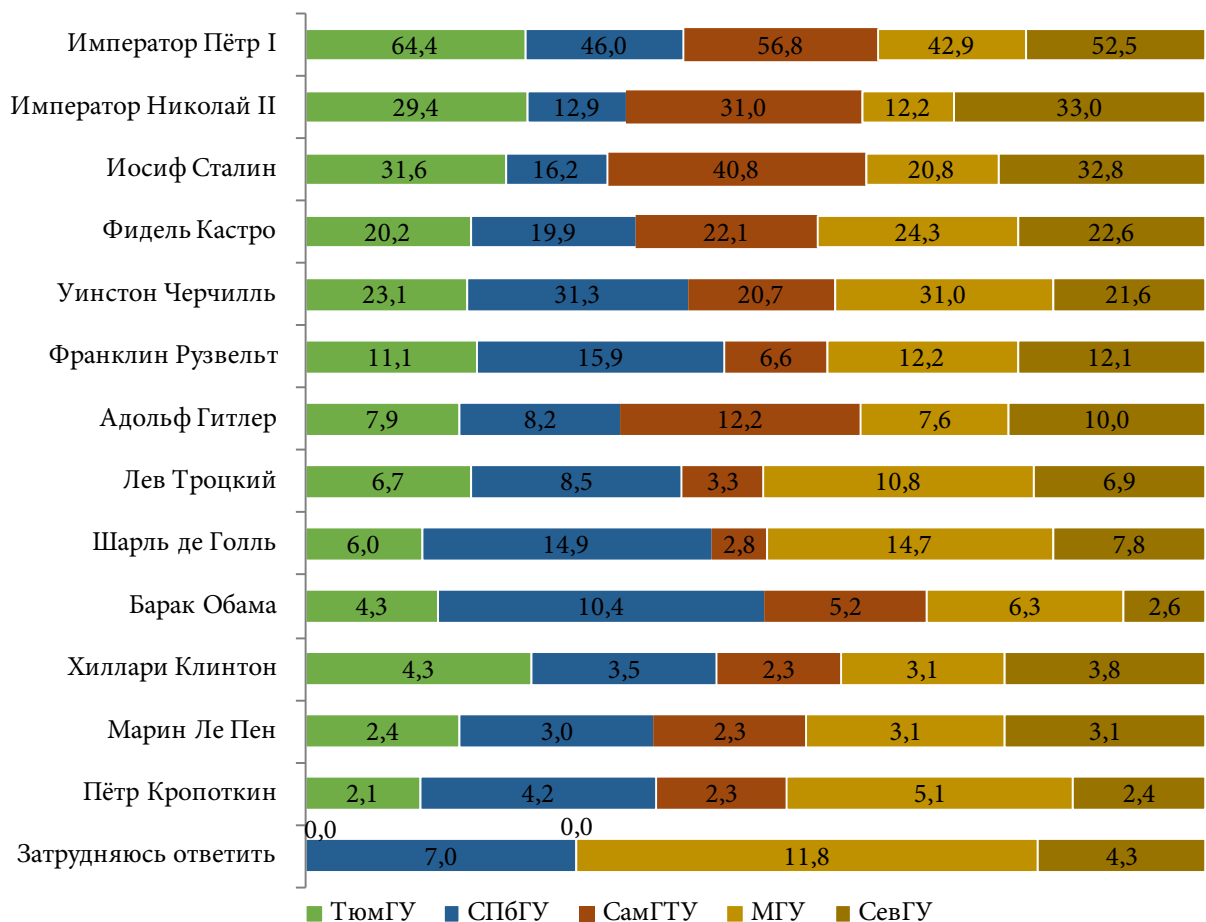

Рис. 1. Распределение ответов учащихся вузов на вопрос: «Кто из представленных ниже политических деятелей вызывает ваше наибольшее уважение?», %
(вопрос с несколькими вариантами ответа)

Figure 1. Distribution of university students' answers to the question: "Which of the political figures presented below commands your greatest respect?", % (multiple choice question)

Среди ответов студентов столичных вузов мы наблюдаем весьма интересную картину: количество выбравших Петра I в качестве политического деятеля значительно меньше, чем в региональных вузах (в МГУ 42,9% и в СПбГУ почти 46%). Особенно это странно для СПбГУ как части города Петра.

Вместе с тем и в отношении Иосифа Сталина наблюдается почти та же картина: если региональные вузы отдают именно ему вторую позицию в списке, причём в Самарском техническом госуниверситете таковых значительно больше (40,8%), чем в СевГУ (32,8%) и ТюмГУ (31,6%), то в МГУ и СПбГУ этот политический деятель получает 20,8 и 16,2% соответственно.

Император Николай II, занимающий, по мнению учащихся региональных вузов, несомненно третью строчку в списке наиболее уважаемых политических деятелей, в оценке студентов МГУ и СПбГУ проигрывает эту позицию: ему отдают предпочтение всего лишь 12% опрошенных в МГУ и 12,9% – в СПбГУ. В столичных вузах вторую строчку в рейтинге наиболее уважаемых политических деятелей получает премьер-министр Великобритании времён Второй Мировой войны Уинстон Черчилль, которого выбрали более трети учащихся как МГУ, так и СПбГУ. Таким образом, по оценке учащихся этих вузов, первые позиции в списке наиболее уважаемых политических лидеров могут возглавлять не только отечественные, но и европейские политики. При этом отношение самого Черчилля к России в разные годы было неодинаковым и довольно противоречивым.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что учащиеся региональных вузов ориентированы прежде всего на «героев» своей страны, студентов МГУ и СПбГУ привлекают в том числе и европейские политики.

Основной вывод данной части работы состоит в том, что историческая память учащихся региональных и столичных вузов неодинакова. При общем содержании нарративов, отношение к событиям, историческим деятелям и трактовка исторических событий у студентов региональных и столичных вузов всё-таки различна. На наш взгляд, это связано главным образом с особенностями историографии, которую отдельно можно рассматривать как особый род социальной памяти; с акцентами, которые расставляются преподавателями; в направленности дидактических материалов и всего того, что представлено за рамками школьной и вузовской дидактики (кинематограф, интернет, платформы открытого образования и т. д.). В этом смысле история преподаётся и передаётся таким образом, что формирует критическое отношение к отечественной истории и умеренно критический патриотизм.

Заключение

Подведём итоги и попробуем ответить на вопрос, сохраняется ли преемственность в школьном и вузовском образовании, какие события отечественной истории согласуются, где обнаруживаются разрывы памяти и как это сказывается на национальном самосознании. Сделаем это по основным нашим критериям.

Значимые события и периоды отечественной истории

Первое, что обращает на себя внимание, преемственность у школьников и студентов вузов в отношении периода Древней Руси и его событий (в частности, крещение Руси). Этот период не актуализирован ни для подростков, ни для студенческой молодёжи, по каким-то причинам он далёк и неинтересен им. Куда более их интересует история XX в., и в этом есть определённый маркер – сознание нации в каждую конкретную историческую эпоху решает задачу той эпохи, которая оказывается наиболее труднодоступной для понимания, в которой есть оставленные, нерешённые задачи. С определёнными эпохами хочется сохранять преемственность, с другими, напротив, обнаружить разрыв; у школьников и студентов этот разрыв связан с периодом Древней Руси. А связь обнаруживается с советским периодом, школьники и вовсе выделяют этот период как наиболее интересный и запоминающийся.

Великая Отечественная война 1941–45 гг. является тем событием российской истории, которое значимо и для школьников, и для студентов (правда, в отношении студентов обнаруживается узел противоречий, обозначенный в их требовании к формулировке вопроса о ВОВ, а также в том, что это событие даже среди студентов столичных вузов не получило первых строчек. Возможно это вызвано тем, что о Великой Отечественной войне довольно много стали говорить в последние годы в связи с набирающим силу движением «Бессмертный полк». Возможно и потому, что победа в этой войне для русского человека является тем событием, из которого государство и нация черпают силу, вдохновение для настоящих и будущих поколений. Происходит мифологизация события, закрепление за ним статуса события национального масштаба и особой национальной гордости. Главное достижение русских в ВОВ – это победа вопреки, победа в условиях смерти и жизни на износ, в этом проявилась может быть главная национальная черта русского человека – выносливость и терпеливость. Как показали опросы, для школьников и студентов это событие ценно.

Есть также преемственность в том, что школьники называют в качестве значимой исторической фигуры Петра I, точно так же, как и студенты, которые видят в нём первого и наиболее уважаемого политического деятеля российской истории. Симптоматично, что в этом единодушны студенты и региональных, и столичных вузов, не всегда выражающие солидарное мнение. Царь и первый император России, сориентировавший её на Запад, сделавший прорыв в модернизации страны, рассматривается на уровне школьного и вузовского образования как безусловно уважаемый политик.

Военная составляющая отечественной истории признавалась школьниками в качестве основной, достижения в других областях представлялись менее заметными. На уровне вузов, прежде всего региональных, это проявилось в высоких оценках тех военных кампаний, которые обеспечили независимость России как самостоятельного государства.

Таким образом, военная тематика и военные события отечественной истории остаются основными в учебниках истории, по крайней мере на уровне региональных школ и вузов. В столичных университетах военная тематика отечественной истории представляется менее популярной.

Есть и разрывы в преемственности исторического знания на уровне школьного и вузовского образования. Прежде всего это касается такого события, как «присоединение Крыма к России в 2014 г.». Если на уровне школьного опроса ученики не без гордости на открытый вопрос писали «Крым наш!», то на уровне вузов это событие едва отмечалось в качестве значимого.

Идентичность и патриотизм

Из всего вышеизложенного особенно интересен вывод о патриотических чувствах опрошенных и их идентичности. Почти 42% опрошенных школьников безразличны к своей истории или высказывают негативные оценки, в том числе говоря о стыде; высок процент (76%) тех, кто считают необходимым помнить «мрачные» страницы своей истории. Вместе с тем есть и потенциал, определяющийся тем, что заметная часть студенческой молодёжи выражает свой умеренно критический патриотизм и желание деятельного участия в судьбе своей страны, что свидетельствует о том, что в разные возрастные периоды отношение к стране, её истории, а также патриотические чувства проявляются по-разному. Стоит обратить внимание на часть школьников, которые безразличны к своей истории, готовы помнить «мрачные» её моменты. Настораживает, что среди самых юных россиян есть по каким-то причинам сомневающиеся или стыдящиеся прошлого своей страны. Это может быть связано как со школьной, так и с внешкольной дидактикой, с позицией самих учителей или родителей, и безусловно требует отдельного самостоятельного исследования.

Библиографический список

1. Аргунова Е. В., Тимофеева М. А. Революционные события и вожди Октября 1917 г. в восприятии населения Санкт-Петербурга // Социологические исследования. 2018. № 4. С. 145–152. DOI: 10.7868/S0132162518040165
2. Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 1 (13). С. 78–84.
3. Бритвина И. Б. Проблема сохранения и актуализации памяти о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 18–21.
4. Головашина О. В. Ассоциативный эксперимент для измерения гражданской идентичности // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 64–71.

5. Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123–133.
6. Горшков М. К., Петухов В. В. Октябрьская революция 1917 г. и её последствия в восприятии современных россиян // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 6–18. DOI: 10.7868/S0132162518010026
7. Горшков М. К. Российская молодёжь: К истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 4. С. 16–25. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>.
8. Горшков М. К., Баграмов Э. А. «Новый национализм» и проблема нации в трактовке американских социальных теоретиков // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 733–751. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751
9. Дементьев И. О. Что такое историческая память? Рец.: Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (сер. «Учебники Европейского университета») // Историческая экспертиза. 2019. № 2 (19). С. 206–218.
10. Емельянова Т. П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. № 4. С. 49–59.
11. Заостровцев А. П. Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути? / Андрей Заостровцев. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 310 с.
12. Зубок Ю. А. Молодёжь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12. DOI [10.14515/monitoring.2020.3.1688](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688).
13. Коротецкая Л. В. Холокост как социальная и культурная конструкции памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 107–117.
14. Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2011. 336 с.
15. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. 296 с.
16. Макарова Л. В. Великая Отечественная: что остаётся в личной памяти? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 107–114.
17. Малинкин А. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне: эпистемологические и генеалогические аспекты // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 23–34. DOI: 10.31857/S013216250009409-2
18. Мерзлякова И. Л., Линченко А. А., Овчинникова Э. В. Об историческом сознании современной студенческой молодёжи // Социологические исследования. 2014. № 12. С. 89–96.

19. Мильорати Л., Мори Л., Коломиец В. К. Тень классического наследия и её преодоление. Память о движении сопротивления и «конфликтность» памятных мероприятий // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 108–115.
20. Молодёжь в городе: культуры, сцены и солидарности. [Текст]: коллект. моногр. / Сост. и науч. ред. Е. Л. Омельченко; Нац. исслед. ун-т Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 502 с.
21. Мысливец Н. Л., Романов О. А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 9–19. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19
22. Николай Ф. Рец. на кн.: Ю. А. Сафронова. Историческая память: введение: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (Учебники Европейского университета) // Антропологический форум. 2019. № 43. С. 180–188. doi: 10.31250/1815-8870-2019-15
23. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202–208.
24. Нора П. и др. Франция-память. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 325с.
25. Омельченко Е. Л., Андреева Ю. В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–156. DOI: 10.7868/S0132162517110162
26. Петухов В. В. Российская молодёжь и её роль в трансформации общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 119–138. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.
27. Подлесная М. А. Развитие российского общества с точки зрения ценностей студенческой молодёжи // Социология религии в обществе Позднего Модерна. 2020. Т. 9. С. 145–154.
28. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98–107.
29. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы. Коллективная монография под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 632 с.
30. Попов Н. П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15>

31. Пузанова Ж. В., Нарбут Н. П., Ларина Т. И., Тертышникова А. Г. Типология исторической памяти о Второй Мировой войне: методологические аспекты изучения (на примере студенчества РУДН) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 292–306. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306
32. Репина Л. П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39–52.
33. Репина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
34. Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20. № 1. С. 34–40.
35. Репина Л. П. События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое и прошлое. 2016. № 1. С. 82–99.
36. Репина Л. П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9–15.
37. Рольфес Й. Дидактика истории: история, понятие, предмет // Преподавание истории в школе. 1999. № 7. С. 29–33.
38. Ростовцева Л. И., Гельфонд М. Л., Мирошина Е. Ю. Патриотическое воспитание глазами экспертов и школьников // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 75–83. DOI: 10.31857/S013216250006163-2
39. Рягузова Е. В. Коллективная память и инстанции темпоральности // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8. № 2 (30). С. 138–145. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145>
40. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Богдан И. В. Универсализм ценностей студенческой молодежи и развитие российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 1. С. 97–109. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109
41. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Козлов И. И. Университет: его ценности и традиции в воспоминаниях его преподавателей (на основании изучения образовательных биографий) // Вестник СПбГУ. 2014. Сер. 12. Вып. 4. С. 221–228.
42. Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Петрова А. А., Козлов И. И., Пахарь А. М. Ценностные ориентации студенческой молодежи в вузах светской и религиозной направленности // Вестник РУДН. 2016. Серия: Социология. Т. 16. № 3. С. 559–575.
43. Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие / Ю. А. Сафронова. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 224 с.

44. Сафронова Ю. А. Третья волна memory studies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01
45. Тощенко Ж. Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 18–22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3
46. Ушкин С. Г., Коваль Е. А., Жадунова Н. В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодёжи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 66–93. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.
47. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
48. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступительная статья С Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
49. Хаттон П. История как искусство памяти / Пер. с англ. В. Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль: Фонд Ун-т, 2003. 422 с.
50. Широкалова Г. С. Историческая память молодёжи: село vs город // Социологические исследования. 2020. № 9. С. 28–37. DOI: 10.31857/S013216250010005-8
51. Широкалова Г. С. Коммуникативная память: опыт изучения семейных историй (по материалам социологического практикума в вузе) // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 145–153. DOI: 10.7868/S0132162518050136
52. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или О чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 130–139.
53. Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Memory studies. 2018. Vol. 13. Issue 4. P. 367–383.
54. Gustafsson K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias // Memory studies. 2017. Vol. 12. Issue 2. P. 184–197.
55. Kidman J., O'Malley V. Questioning the canon: Colonial history, counter-memory and youth activism // Memory studies. 2020. Vol. 13, Issue. 4, P. 537–550.
56. Kuhn A., Biltereyst D., Meers Ph. Memories of cinemagoing and film experience: An introduction // Memory studies. 2017. Vol. 10. Issue 1. P. 3–16.
57. Liebermann Y. Born digital: The Black lives matter movement and memory after the digital turn // Memory studies. 2020. Vol. 14. Issue 5. P. 1–18.

Статья поступила 17.05.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Подлесная Мария Александровна, старший научный сотрудник, кандидат социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Соловьёва Галина Викторовна, кандидат социологических наук, учитель истории и обществознания МАОУ гимназия 1, г. Тюмень, Тюмень, Россия

Ильина Илона Валерьевна, старший преподаватель, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

Historical Memory: Schoolchildren and Students About the History of Russia

Maria A. Podlesnaia

Institute of sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: yamap@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2159-4958

Web of Science Researcher ID: R-8140-2019

Galina V. Solovyova

Municipal utonomous educational institution gymnasium No. 1 of the city of Tyumen, Tyumen, Russia

E-mail: znania005@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-7765-2515

Ilna V. Ilyina

Tyumen State University, Tyumen, Russia

E-mail: i.v.ilina@utmn.ru

ORCID ID: 0000-0003-3118-2372

For citation: Podlesnaia M. A., Solovyova G. V., Ilna I. V. Historical memory: schoolchildren and students about the history of Russia // *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711

Abstract. The article raises the problem of preserving national identity in the context of hybridisation / universalisation of the values of the Russian youth. In this regard, the concept of “historical memory” is applied to the data of two studies carried out in schools and five universities (both at the capital and regional level). The purpose of the article is to assess the content and vector of historical knowledge of students about their country, the attitude to this knowledge among young people and adolescents at different educational levels. The process of continuity of school and university education in the national history is considered, the points of breaks are revealed. A general assessment is given on which periods of Russian history retain the connection with the young generations of Russians, and on which ones go into the past, revealing the main narratives of historical memory. The main conclusions are as follows: 1. the continuity and general assessment among schoolchildren and university students is maintained in relation to at least two events in the Russian history – the Great Patriotic War of 1941–45 and the historical figure of Peter I as the first emperor of Russia, who turned the country to the West and made a breakthrough in its modernization; 2. there is a gap in historical memory in relation to events associated with the period of Ancient Rus, a connection with the Soviet past is revealed; schoolchildren even single out the Soviet period as the most interesting and memorable; 3. there are gaps in the continuity of historical knowledge at the level of school and university education, this concerns, for example, such an event as “the annexation of Crimea to Russia in 2014”; 4. among schoolchildren dominates (58%) a group of students who are proud of the country history, whilst there is a group of those who are indifferent to their history or express negative assessments (8%) and have a neutral attitude to the history of Russia (34%), there is a high percentage (76%) of those who believe that there are different events in the history of Russia and it is important to remember the “dark” pages of one’s own history; 5. as a result, we see young people behaving differently depending on the age, who, for some reason, began to doubt their country and are ashamed of its past, but at the same time are ready to participate in the country’s transformations.

Keywords: historical memory, memory studies, identity, national self-awareness, national history, patriotism, school, university, adolescents, student youth

References

1. Argunova E. V., Timofeeva M. A. The 1917 revolutionary events and October leaders in St.-Petersburg population view. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 4: 145–152. DOI: 10.7868/S0132162518040165 (in Russ.).
2. Badmaev V. N. Mentality and historical memory. *Vestnik Kalmyczkogo universiteta*, 2012: 1(13): 78–84 (in Russ.).
3. Britvina I. B. The problem of preserving and updating the memory of the Great Patriotic War. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 5: 18–21 (in Russ.).
4. Golovashina O. V. An associative experiment to measure civic identity. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 7: 64–71 (in Russ.).
5. Golovashina O. V., Linchenko A. A., Anikin D. A. Memory of the great patriotic War: Victory Day in the historical consciousness of Russian. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 3: 123–133 (in Russ.).
6. Gorshkov M. K., Petuxov V. V. The October revolution of 1917 and its aftermath in the public perception of modern Russians (experience in sociological measuring). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 1: 6–18. DOI: 10.7868/S0132162518010026 (in Russ.).
7. Gorshkov M. K. Russian youth: to the history and role in modern society. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 2019: 8: 4: 16–25. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1> (in Russ.).
8. Gorshkov M. K., Bagramov E. A. “New nationalism” and the issue of nations in the interpretation of American social theorists. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2020: 20: 4: 733–751. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-4-733-751 (in Russ.).
9. Dement`ev I. O. What is historical memory? Rec.: Safronova Yu.A. Historical Memory: An Introduction: A Study Guide. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. 220 p. (ser. «Uchebniki Evropejskogo universiteta»). *Istoricheskaya e`kspertiza*, 2019: 2 (19): 206–218 (in Russ.).
10. Emel`yanova T. P. Social`ny`e predstavleniya kak instrument kollektivnoj pamyati (na primere vospominanij o Velikoj Otechestvennoj vojne) [Social representations as a tool for collective memory (on the example of memories of the Great Patriotic War)]. *Psixologicheskij zhurnal*, 2002: 4: 49–59 (in Russ.).
11. Zaostrovcev A. P. Polemika o modernizacii: obshhaya doroga ili osoby`e puti? [The Modernization Controversy: A Common Road or Special Paths?] / St. Petersburg, Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020: 310 (in Russ.).
12. Zubok J. A. Youth: Life Strategies in a New Reality. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial`nyye peremeny*, 2020: 3: 4–12. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688> (in Russ.).
13. Koroteczkaya L. V. The Holocaust as a Social and Cultural Construct of Memory: The Trauma Factor and the Position of the Victim. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 3: 107–117 (in Russ.).
14. Krizisy` perelomny`x e`pox v istoricheskoy pamyati [Crises of critical epochs in historical memory]. Pod red. L. P. Repinoj. Moscow, IVI RAN, 2011: 336 (in Russ.).
15. Latur B. Novogo vremeni ne by`lo. E`sse po simmetrichnoj antropologii [There was no new time. Essays on Symmetrical Anthropology]. Transl. from Fr. by D. Ya. Kalugina. St. Petersburg, Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006: 296 (in Russ.).
16. Makarova L. V. The Great Patriotic War: What Remains in Personal Memory? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 11: 107–114 (in Russ.).
17. Malinkin A. N. Historical memory of the Great Patriotic War: epistemologic and genealogic aspects. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 23–34. DOI: 10.31857/S013216250009409-2 (in Russ.).
18. Merzlyakova I. L., Linchenko A. A., Ovchinnikova E. V. Ob istoricheskom soznanii sovremennoj studencheskoj molodyozhi [On the historical consciousness of modern student youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 12: 89–96 (in Russ.).
19. Mil`orati L., Mori L., Kolomiecz V. K. Ten` klassicheskogo naslediya i eyo preodolenie. Pamyat` o dvizhenii soprotivleniya i «konfliktnost`» pamyatny`x meropriyatij [The shadow of the classical heritage and its overcoming. Memory of the resistance movement and the “conflict” of commemorative events]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 1: 108–115 (in Russ.).

20. Molodyozh` v gorode: kul`tury`, sceny` i solidarnosti [Youth in the City: Cultures, Scenes and Solidarity]. [Tekst]: kollekt. monogr. / Ed. By E. L. Omel`chenko; Nacz. issled. un-t «Vy`sshaya shkola e`konomiki». Moscow, Izd. dom Vy`ssej shkoly` e`konomiki, 2020: 502 (in Russ.).
21. My`slivecz N. L., Romanov O. A. Historical memory as a socialcultural phenomenon: an attempt of sociological reconstruction. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2018: 18: 1: 9–19. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-9-19 (in Russ.).
22. Nikolai F. A review of Ju. A. Safronova, *Istoricheskaya pamyat: vvedenie* [Historical memory: an introduction]: a textbook. St. Petersburg, European University at St. Petersburg press, 2019, 220 pp. *Antropologicheskij forum*, 2019: 43: 180–188. DOI: 10.31250/1815-8870-2019-15 (in Russ.).
23. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamyati [World commemoration]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2005: 2–3(40–41): 202–208 (in Russ.).
24. Nora P. Franciya-pamyat` [France-memory]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 1999: 325 (in Russ.).
25. Omel`chenko E. L., Andreeva Yu. V. What remains in the family history: the memory of “the soviet” in the conversation of three generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 11: 147–156. DOI: 10.7868/S0132162517110162 (in Russ.).
26. Petukhov V. V. Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial`nyye peremeny*, 2020: 3: 119–138. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621> (in Russ.).
27. Podlesnaya M. A. The development of Russian society from the point of view of values of student’s youth. *Sotsiologiya religii v obshchestve Pozdnego Moderna*, 2020: 9: 145–154 (in Russ.).
28. Pokida A. N., Zy`bunovskaya N. V. The dynamics of historical memory in Russian society (based on the results of sociological monitoring). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 3: 98–107 (in Russ.).
29. Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranax Vostochnoj Evropy`. Aktory`, instituty`, narrativy` [The politics of memory in modern Russia and the countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Kollektivnaya monografiya. Ed. By A. I. Millera, D. V. Efremenko. St. Petersburg, Izdatel`stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020: 632 (in Russ.).
30. Popov N. P. Russian and American generations of the 20th century: where have Millennials come from? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial`nyye peremeny*, 2018: 4: 309–323. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.15> (in Russ.).
31. Puzanova Z. V., Narbut N. P., Larina T. I., Tertyshnikova A. G. Typology of historical memory about the World War II: Methodological aspects of the study (on the example of the RUDN students). *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*, 2020: 20: 2: 292–306. DOI: doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-292-306 (in Russ.).
32. Repina L. P. Istoricheskaya pamyat` i sovremennaya istoriografiya [Historical memory and modern historiography]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2004: 5: 39–52 (in Russ.).
33. Repina L. P. Kul`turnaya pamyat` i problemy` istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki) [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)]. Preprint WP6/2003/07. Moscow, GU VShE`, 2003. 44 p. (in Russ.).
34. Repina L. P. Memory of Events in Measurements of Space and Time. *Izv. Saratov Univ. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020: 20: 1: 34–40. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40> (in Russ.).
35. Repina L. P. Events and Images of the Past in Historical and Cultural Memory. *Novoe i proshloe*, 2016a: 1: 82–99 (in Russ.).
36. Repina L. P. Historical Memory and National Identity: Approaches and Research Methods. *Dialog so vremenem*, 2016b: 54: 9–15 (in Russ.).
37. Rol`fes J. Didaktika istorii: istoriya, ponyatie, predmet [Didactics of history: history, concept, subject]. *Prepodavanie istorii v shkole*, 1999: 7: 29–33 (in Russ.).
38. Rostovceva L. I., Gel`fond M. L., Miroshina E. Yu. Patriotic education in experts and senior pupils’ eyes. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 8: 75–83. DOI: 10.31857/S013216250006163-2 (in Russ.).
39. Ryaguzova E. V. Collective Memory and Instances of Temporality. *Izvestiya Saratov Univ. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*, 2019: 8: 2 (30): 138–145. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145> (in Russ.).

40. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Bogdan I. V. Universalism of Student Youth Values and the Development of Russian Society. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 2021: 21: 1: 97–109. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-97-109 (in Russ.).
41. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Kozlov I. I. University: its values and traditions in its professors' memories (based on educational biographies study). *Vestnik SPbGU*, 2014: 12: 4: 221–228 (in Russ.).
42. Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Petrova A. A., Kozlov I. I., Paxar` A. M. Value orientations of the student youth in religious and secular universities. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2016: 16: 3: 559–575 (in Russ.).
43. Safronova Yu. A. Istoricheskaya pamyat`: vvedenie: uchebnoe posobie [Historical Memory: An Introduction: A Study Guide] / Yu. A. Safronova. St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2020: 224 (in Russ.).
44. Safronova Ju. A. The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years. *Politicheskaya nauka*, 2018: 3: 12–31. DOI: 10.31249/poln/2018.03.01 (in Russ.).
45. Toshchenko Zh.T. What happens to the historical memory of the Great Patriotic War? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 5: 18–22. DOI: 10.31857/S013216250009419-3 (in Russ.).
46. Ushkin S. G., Koval E. A., Zhadunova N. V. From Theoretical Design to Practical Viewpoints: Implementation of Ethical Principles in Youth Life Strategies. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 3: 66–93. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596> (in Russ.).
47. Xal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat` [Collective and historical memory]. *Neprikosnovennyj zapas*, 2005: 2–3: 8–27 (in Russ.).
48. Xal'bvaks M. Social'ny'e ramki pamyati [Social framework of memory] / Transl. from Fr. by S. N. Zenkina. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2007: 348 (in Russ.).
49. Xatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati [History as an art of memory] / Patrik X. Xatton; Transl. from Eng. by V. Yu. By`strova. St. Petersburg, Vladimir Dal`: Fond Un-t, (Akad. tip. Nauka RAN), 2003: 422 (in Russ.).
50. Shirokalova G. S. Historical memory of the young people: village vs city. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 9: 28–37. DOI: 10.31857/S013216250010005-8 (in Russ.).
51. Shirokalova G. S. Communicative memory: studying family stories (materials of sociological workshop at the University). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 5: 145–153. DOI: 10.7868/S0132162518050136 (in Russ.).
52. Shtop-Rutkovska K. Cyber memory, or what we (do not) remember on the net. Local memory analysis: Bialystok and Lublin. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 4: 130–139 (in Russ.).
53. Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? *Memory studies*. 2018: 13: 4: 367–383.
54. Gustafsson K. Chinese collective memory on the Internet: Remembering the Great Famine in online encyclopaedias. *Memory studies*, 2017: 12: 2: 184–197.
55. Kidman J., O'Malley V. Questioning the canon: Colonial history, counter-memory and youth activism. *Memory studies*, 2020: 13: 4: 537–550.
56. Kuhn A., Biltereyst D., Meers Ph. Memories of cinemagoing and film experience: An introduction. *Memory studies*, 2017: 10: 1: 3–16.
57. Liebermann Y. Born digital: The Black lives matter movement and memory after the digital turn. *Memory studies*, 2020: 14: 5: 1–18.

The article was submitted on: May 17.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maria A. Podlesnaia, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Galina V. Solovyova, Candidate of Sociological Sciences, Teacher of History and Social Studies, Municipal autonomous educational institution gymnasium No. 1 of the city of Tyumen, Tyumen, Russia

Iлона V. Ilina, Senior Lecturer, Tyumen State University, Tyumen, Russia

ПАМЯТИ Л. М. ДРОБИЖЕВОЙ: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.725

Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха (Якутия))

Ссылка для цитирования: Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М. Мигранты и принимающее сообщество: сходства и различия интеграционного потенциала (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 83–100. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.725

For citation: Ekaterina M. Arutyunova, Igor M. Kuznetsov. Integration Potential of Migrants and the Host Society: Similarities and Differences (on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 83–100. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.725

**Арутюнова
Екатерина Михайловна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

981504@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 648682

**Кузнецов
Игорь Михайлович¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

ingvar31@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 75911

Аннотация. Статья посвящена анализу и сопоставлению интеграционных потенциалов принимающего общества и мигрантов в Республике Саха (Якутия). Анализ осуществлён на материале двух опросов: репрезентативного опроса жителей республики и опроса трудовых мигрантов – выходцев из стран Центральной Азии (Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана). Именно эти категории мигрантов наиболее негативно воспринимаются местным населением. Опросы проведены в 2020 г. Для количественной оценки интеграционного потенциала сконструирован блок вопросов-суждений, отражающих разные параметры этого потенциала. Среди них: готовность принимающего населения включить мигрантов в своё сообщество и соответствующее суждение мигрантов о готовности включаться в среду; суждение об интеграционных возможностях мигрантов и оценка мигрантами приемлемости местных стандартов образа жизни, и другие. При помощи процедуры

факторного анализа сформирован показатель интеграционного потенциала. Выявлено, что среди мигрантов доля людей с высоким интеграционным потенциалом существенно выше, чем в принимающем сообществе. Это значит, что мигранты оценивают принимающую среду и собственные перспективы интеграции выше, чем местные жители. Высокий уровень этнонегативных установок принимающего сообщества сопутствует низкому уровню интеграционного потенциала по отношению к мигрантам. Такой негативизм чаще всего связан с ощущением культурной дистанции в восприятии поведения мигрантов. При этом выраженное фокусирование на этничности в разных контекстах социального взаимодействия также сопряжено с низким интеграционным потенциалом по отношению к мигрантам и может быть источником формирования устойчивых ксенофобных установок. Высокий уровень интеграционного потенциала мигрантов в первую очередь связан с долгосрочными планами на жизнь в России и данном регионе, а также с наличием семьи (в регионе пребывания или в стране исхода). Таким образом, для местных сообществ основным критерием оценки мигрантов является степень соответствия их поведения местным социально-культурным нормам, а для мигрантов ключевой критерий оценки принимающего общества – мера возможности безопасной и материально благополучной жизни в РС(Я) и в России в целом. Такое различие в критериях оценки может создавать для обеих сторон дополнительные препятствия к активному повседневному взаимодействию в разных сферах, что тормозит процессы взаимной интеграции.

Ключевые слова: принимающее сообщество, мигранты, Республика Саха (Якутия), интеграционный потенциал

Эту работу мы *посвящаем памяти нашего учителя и друга Леокадии Михайловны Дробижевой* – одного из первопроходцев региональных этносоциологических исследований и лидеров российской этносоциологической научной школы.

Задача данной статьи – определить и сопоставить факторы, связанные с тем или иным уровнем интеграционного потенциала мигрантов и принимающего сообщества в общей системе измерений, характеризующих этот потенциал. Изучение интеграционного потенциала одновременно двух сторон взаимодействия – мигрантов и принимающего сообщества – по «зеркальной» методике даёт возможность соотнести готовность к интеграции обеих сторон и определить, насколько установки, ожидания и запросы одной из сторон взаимодействия соответствуют возможностям их реализации у другой стороны.

Осуществить такой анализ нам удалось на примере Республики Саха (Якутия) в 2020–21 гг. Обращение именно к этому региону обосновано несколькими причинами. С одной стороны, это конкретные обстоятельства – антимигрантские выступления в Якутске весной 2019 г., долго остававшиеся актуальной темой в республике и широко обсуждавшиеся и за её пределами. С тех пор ситуация взаимодействия с мигрантами вышла из актуального контекста, что стало результатом как действий властей, высоко оценённых экспертами, с которыми мы говорили, так и новыми условиями – в результате пандемии COVID-19 количество мигрантов в регионе сократилось, а сами новые пандемические условия

закономерно оттягивают на себя внимание. Тем не менее, исследовательский и управленческий интересы к проблеме, безусловно, сохраняются, в результате чего стало возможным осуществить более глубокий анализ ситуации, выходящий за пределы изучения только установок принимающего населения, как это чаще всего происходит. С другой стороны, такой анализ в республике с крупными этнокультурными сообществами представляет отдельный интерес – к проблемам взаимодействия мигрантов и местных прибавляются нюансы его восприятия в особом этнокультурном контексте, и хотя этот аспект не является основным для нас в этой работе (анализ в этнических категориях мы здесь опускаем), он, безусловно, интересен. Более того, в настоящей работе мы намеренно абстрагировались от этой и других особенностей социально-культурного контекста взаимодействия мигрантов и представителей принимающего населения в РС(Я) и рассматривали данные по такому взаимодействию, скорее, как аналитическую модель для изучения тех сторон взаимодействия, которые могут быть характерны для большинства принимающих сообществ России. Включение в эту модель факторов, отражающих местную, а также этнокультурную специфику, возможно по мере накопления массива сравнимых данных по отдельным регионам.

Рабочая концепция и методика исследования

Сейчас практически общепризнанным является понимание интеграции мигрантов как «двустороннего процесса взаимного приспособления» всех членов сообщества [5]. Однако, как следует из анализа литературы, посвящённой разным аспектам интеграции мигрантов, наименее разработанной остаётся проблема социально-культурной интеграции [7, с. 58]. Наш подход, основанный на системной модели интеграции мигрантов Дж. Берри [4], даёт возможность рассматривать социально-культурные диспозиции мигрантов в отношении принимающего общества и, наоборот, диспозиции представителей принимающего общества в отношении мигрантов не изолированно, а в рамках единого взаимонаправленного процесса интеграции.

Общая концепция интеграционного потенциала сформулирована в совместной работе авторов настоящей статьи [1]. Эта концепция была использована при анализе условий, способствующих и препятствующих формированию высокого интеграционного потенциала принимающего населения разных регионов России. Центральным в концепции является представление о потенциале социально-культурной интеграции (далее интеграционном потенциале). Совокупность характеристик, определяющих, с одной стороны, готовность местного населения принимать у себя инокультурных и иноконфессиональных приезжих, и с другой – ожидания-требования принимающего населения к желаемому поведению и образу жизни мигрантов, составляет интеграционный потенциал принимающего населения. Точно так же под интеграционным потенциалом

мигрантов понимается совокупность диспозиций, сигнализирующих об их готовности стать признанными, лояльными членами принимающего сообщества, с одной стороны, и ожидания того, что принимающее сообщество, со своей стороны, готово принять в том или ином виде некоторые поведенческие и мировоззренческие особенности, от которых данная группа мигрантов не может отказаться полностью без потери своей этнической (а иногда и личностной) определённости – с другой.

Для количественной оценки интеграционного потенциала нами был сконструирован блок вопросов-суждений, отражающих разные параметры (или оси измерения) этого потенциала. Суждения, предназначенные для оценки интеграционного потенциала мигрантов, «зеркально» повторяют суждения, ориентированные на измерение интеграционного потенциала представителей принимающего сообщества. Каждое суждение оценивается респондентами по четырёхбалльной шкале: от 1 – «совершенно не согласен» до 4 – «полностью согласен».

Суждение «Я не возражал бы, чтобы дети или внуки мигрантов стали коренными жителями [данной территории]» сигнализирует о готовности (неготовности) членов принимающего сообщества включить мигрантов в круг «своих». В «зеркальном варианте» – «Я бы хотел, чтобы мои дети или внуки стали коренными жителями [данной территории]» – это суждение свидетельствует о готовности мигрантов стать «своим» в принимающей среде. Через оценку суждения: «Я не хочу, чтобы мигранты переезжали на постоянное жительство [на данную территорию]» (для мигрантов – «Я бы не посоветовал своим землякам переезжать на постоянное жительство [на данную территорию]») мы фиксируем меру желательности/нежелательности мигрантов в принимающей среде (меру мигрантофобии) или меру привлекательности данной территории для мигрантов. (Для замера аналогичного показателя в странах ЕС используется вопрос «Является ли Ваш [город, населённый пункт] хорошим местом для проживания мигрантов» [6, с. 225]). Согласие или несогласие с суждением «В образе жизни коренных жителей [данной территории] есть особенности, к которым мигрантам трудно привыкнуть» (для мигрантов – «В образе жизни коренных жителей [данной территории] есть особенности, к которым моим землякам трудно привыкнуть») характеризует представление принимающего населения об интеграционных возможностях мигрантов или оценку мигрантами приемлемости местных стандартов образа жизни. Наконец, общее и для принимающего населения, и для мигрантов суждение «[данная территория] – это многонациональная территория, и здесь каждый вправе вести себя согласно своим традициям и обычаям» – фиксирует то, что можно условно назвать мерой этнокультурной толерантности данной среды, указывающей, насколько жёстко в принимающей среде ожидается и требуется соблюдение принципа «В чужой монастырь со своим уставом не ходят». Все эти четыре измерения интеграционного потенциала, объединяются по результатам факторного анализа в две переменные: негативного и позитивного отношения либо к мигрантам, либо к принимающей среде.

Интеграционный потенциал как отдельная переменная рассчитывается по сумме средних значений всех четырёх измерений. В результате процедуры ранжирования формируются три аналитические группы (категории) принимающего населения (мигрантов) с разной мерой готовности принимать мигрантов (интегрироваться в принимающую среду). *Группу с высоким интеграционным потенциалом* составляют респонденты, у которых преобладает позитивное отношение к мигрантам (или к принимающей среде – для мигрантов) и готовность со временем принять их в своё сообщество (стать членами сообщества – для мигрантов). В *группу с неопределённым интеграционным потенциалом* включаются респонденты, которые ещё не определились в своём отношении к мигрантам (или к принимающей среде). В *группу с низким интеграционным потенциалом* вошли респонденты с преобладанием негативного отношения к мигрантам (или к принимающей среде со стороны мигрантов) и нежеланием принять их со временем в качестве членов местного сообщества (или нежеланием стать членами этого сообщества)¹.

Эмпирическая база исследования

Описанный выше блок вопросов был интегрирован в опросный лист мониторинга межнациональных отношений в Республике Саха (Якутия). Опрос проведён в августе-сентябре 2020 г. в ходе совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Репрезентативная республиканская выборка включала 1494 чел., опрошенных методом личного интервью F2F (Face-to-Face) по месту жительства.

Примерно в те же сроки и частично в тех же населённых пунктах РС(Я) был проведён опрос мигрантов. Методом «снежного кома» были опрошены 500 внешних мигрантов, выходцев из республик Киргизия (40% всех опрошенных), Узбекистан (40%) и Таджикистан (20%). Опрос проведён в рамках того же проекта методом личного интервью по месту работы. Такая выборка имеет свои ограничения, поскольку, например, не позволяет делать выводы о среднестатистическом «социальном портрете» (или «профиле») мигрантов республики. Но поскольку наша задача состоит в том, чтобы сравнить характеристики мигрантов с разным уровнем интеграционного потенциала в рамках одного выборочного массива, такую выборку можно признать адекватной задачам исследования. В состав выборочной совокупности вошли мигранты тех национальностей, которые в рейтинге неприятия со стороны принимающего населения занимают первые места (в частности, в 2020 г. по данным того же опроса, за ограничение миграции из стран Средней Азии высказались

¹ Более детально расчёт показателя интеграционного потенциала описан в работе [1]

56% якутян), а по виду своей деятельности, поведению и образу жизни чаще всего находятся в поле зрения принимающего населения, которое формирует собирательный образ мигранта.

Проблема и гипотеза исследования

Сравнительные данные об уровне интеграционного потенциала принимающего населения и мигрантов представлены в таблице 1.

Таблица 1 (Table 1)

Интеграционный потенциал принимающего населения и мигрантов, %
Integration potential of the host population and migrants, %

Уровень интеграционного потенциала	Принимающее население	Мигранты
Высокий	29,1	52,0
Неопределённый	50,1	38,0
Низкий	20,8	10,0

Доля мигрантов с высоким интеграционным потенциалом (52%) гораздо выше доли таких людей среди представителей принимающего населения (29%). При этом необходимо учесть, что по данным общероссийского опроса 2020 г. доля респондентов с высоким интеграционным потенциалом в среднем по РФ составила 27,2%¹. Иными словами, мигранты оценивают принимающую среду и перспективы интеграции в принимающее сообщество более позитивно, нежели сами представители этого сообщества оценивают мигрантов и их возможности стать «своими». Но этот вывод предполагает, что оценки мигрантами принимающей среды и оценки той же среды представителями принимающего сообщества делаются на одних и тех же основаниях. И проблема здесь состоит в том, что мы не знаем достоверно, насколько сходны и насколько отличаются критерии оценки принимающей среды у мигрантов и той же самой среды у представителей принимающего населения. Мы предполагаем, что различие в оценках, представленное в таблице 1, может быть связано с тем, что мигранты и представители принимающего сообщества видят ситуацию взаимодействия друг с другом с разных точек зрения. Первым шагом на пути проверки этой гипотезы и определения оснований оценки принимающей среды в восприятии мигрантов и представителей принимающего сообщества является ответ на вопрос, какие диспозиции связаны с тем или иным уровнем интеграционного потенциала у «местного» населения, а какие – у мигрантов.

¹ Рассчитано по базе данных опроса, проведённого в рамках проекта «Общероссийская идентичность и межэтнические отношения: социальная практика, публичный дискурс и управленческие решения» (рук. Л. М. Дробижева) в 2020 г. Объём выборочной совокупности – 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое население РФ по параметрам пола, возраста, социально-профессионального статуса, образования и типа населённого пункта проживания.

Интеграционный потенциал принимающего сообщества

Ранее на основе данных опроса в Саха (Якутии) и других регионах, мы сделали вывод о том, что одним из ключевых факторов, связанных с уровнем интеграционного потенциала принимающего общества, является степень распространения в нём этнического негативизма [1]. Этот вывод подтверждается и данными нынешнего исследования – среди тех, кто испытывают раздражение и неприязнь к людям других национальностей, существенно выше доля людей с низким интеграционным потенциалом (42,3%) и значительно меньше людей с высоким его показателем (8,5%) (см. табл. 2).

Таблица 2¹ (Table 2)

Этнический негативизм и уровень интеграционного потенциала, %
Ethnic negativism and the level of integration potential, %

Уровень интеграционного потенциала	Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?		
	Да, испытываю	Иногда испытываю	Нет, не испытываю
Высокий	8,5	13,8	36,8
Неопределённый	49,2	50,2	47,9
Низкий	42,3	36,0	15,3

Проанализируем претензии в принимающем сообществе республики к приезжим других национальностей (варианты ответов на вопрос: «Если вы считаете, что следует ограничивать проживание на территории РС(Я) людей каких-либо национальностей, то почему?»). Здесь очевидно, что значимым для людей является в первую очередь ощущение культурной дистанции в поведенческом ключе. «Нежелание [приезжих] следовать местным правилам поведения» – в среднем наиболее частая претензия (44%), что мы отмечали и прежде: «Получается, если у нас есть какие-то чёткие ценности, традиции, обряды, которые мы стараемся соблюдать, и это где-то сдерживает нас в каких-то плохих поступках, то у них этого нет. Например, я ни разу не встречала киргиза, который веровал бы в мусульманство или что у них там: они как будто наполовину, вот как в Советском Союзе было запрещено, а кто-то верил, и вот с того времени как будто замороженные, и как хотят, так себя ведут. Это как-то так ощущается» (эксперт из сферы бизнеса); «Своеобразии менталитета, когда они обязаны соблюдать все ритуалы, связанные с религией, с какими-то обычаями. Когда перекрывают улицу во время религиозных праздников, это не может не вызывать раздражение [у местных]» (журналист).

¹ Здесь и далее мы рассматриваем только значимые на уровне χ^2 Пирсона $p \leq 0,05$ связи между переменными, если не оговорено обратное.

О мере воспринимаемого несоответствии поведения приезжих местным социокультурным стандартам свидетельствует также согласие респондентов с такими суждениями, как «Они ведут себя как хозяева на нашей земле» (35,7%) и «[Приезжие] недостаточно хорошо знают русский язык» (17%).

При этом наблюдается значимая взаимосвязь этих оценок и уровня интеграционного потенциала – чем ниже уровень интеграционного потенциала, тем больше доли высказывающих претензии, о которых шла речь в опросе (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Претензии к приезжим иной национальности в разных типологических группах интеграционного потенциала в РС(Я), % согласных с суждением
Claims against visitors of a different nationality in different typological groups of the integration potential in the Republic of Sakha (Yakutia), % of those agreed with the judgment

Претензии к мигрантам	Уровень интеграционного потенциала			В среднем по массиву
	Высокий	Неопределённый	Низкий	
Нежелание следовать местным правилам поведения	24,1	49,2	59,5	44,0
Они занимают наши рабочие места	18,2	42,4	52,4	37,4
Они ведут себя как хозяева на нашей земле	16,8	40,9	49,8	35,7
Низкая квалификация при выполнении ими своей работы	14,5	25,9	27,3	22,9
Незнание ими русского языка	8,7	21,4	18,0	17,0

Значимость факторов этнического негативизма и ощущения культурной дистанции заставляет нас предположить, что для принимающего населения (в отличие от мигрантов) вопросы, связанные с интеграцией мигрантов, в значительной мере находятся в поле групповых идентичностей и восприятия пространства «своим»: *«Всё-таки наши показали [в ходе конфликта весной 2019 г.], как бы, их место. Мне кажется так. Как они должны вести себя, как должны ... язык знать. Раз они здесь живут, они должны знать язык, мне кажется»* (учитель).

Актуальность различных групповых идентичностей для респондентов с разными уровнями интеграционного потенциала различна – в несколько большей степени этническая, религиозная, локальная идентичности значимы для людей, которые попадают в категорию высокого интеграционного потенциала (см. табл. 4). Более заметно это работает в случае гражданской идентичности – существенно более она значима для людей с высоким интеграционным потенциалом (61,6%) в сравнении с низким (46,9%).

Таблица 4 (Table 4)

Групповые идентичности в разных типологических группах интеграционного потенциала в РС(Я),
 % отметивших высокую степень идентификации (вариант ответа «часто»)
Group identities in different typological groups of integration potential in the Republic of Sakha (Yakutia),
 % of those who noted a high degree of identification (answer option “often”)

Скажите, пожалуйста, насколько часто, иногда или никогда Вы ощущаете общность, близость с...	Уровень интеграционного потенциала			В среднем по массиву
	Высокий	Неопределённый	Низкий	
... гражданами России	61,6	48,9	46,9	52,2
... людьми вашей национальности	72,4	65,4	67,8	67,9
... людьми вашей веры	57,2	46,7	40,2	48,4
... жителями вашего города/села	69,4	60,8	65,9	64,4

С более низким уровнем интеграционного потенциала среди принимающего сообщества сопряжён комплекс представлений, связанных с выраженным фокусированием на этничности в разных контекстах социального взаимодействия: в группе низкого интеграционного потенциала респонденты гораздо чаще разделяют представления о допустимости насилия в случае несправедливости в отношении своего народа, о потерях своего народа, о небезопасности для народа межнациональных браков и о том, что любые средства хороши для защиты интересов своего народа (см. табл. 5). Такое фокусирование мы называем «капитализацией этничности», приводящей в конечном счёте к формированию устойчивых ксенофобных установок в отношении иноэтничных групп (и необязательно мигрантских).

Таблица 5 (Table 5)

Диспозиции к межэтническому взаимодействию в разных типологических группах интеграционного потенциала в РС(Я)
 («Полностью согласны» и «Скорее согласны»), %
Dispositions for interethnic interaction in different typological groups of the integration potential in the Republic of Sakha (Yakutia)
 (“Completely agree” and “Rather agree”), %

С какими из нижеперечисленных мнений Вы бы согласились, а с какими, наоборот, не согласились?	Уровень интеграционного потенциала			В среднем по массиву
	Высокий	Неопределённый	Низкий	
Насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа или веры	23,5	35,8	49,6	34,9
Люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет	32,8	59,4	75,5	54,9
Любые средства хороши для защиты интересов моего народа	42,9	45,2	58,3	47,3
Межнациональные браки ведут к исчезновению народа	27,1	57,1	69,7	50,5

Значимость выраженного фокусирования на этничности как фактор снижения интеграционного потенциала принимающего населения подтверждается и связью уровня этого потенциала со степенью межэтнического доверия: у респондентов с низким интеграционным потенциалом доверие людям других национальностей существенно ниже (55,7%), чем у тех, кто попадает в категорию высокого интеграционного потенциала (88,5%), и наоборот (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Межэтническое доверие в разных типологических группах интеграционного потенциала в РС(Я), % от ответивших
Interethnic trust in different typological groups of integration potential in the Republic of Sakha (Yakutia), % of respondents

Доверяете ли Вы людям другой национальности?	Уровень интеграционного потенциала			В среднем по массиву
	Высокий	Неопределённый	Низкий	
Доверяю (и скорее доверяю)	88,5	72,3	55,7	73,6
Не доверяю (и скорее не доверяю)	11,5	27,7	44,3	26,4

Интеграционный потенциал мигрантов в РС(Я)

Анкета опроса мигрантов сконструирована так, чтобы в результате получить возможность зафиксировать их мнения о планах пребывания на принимающей территории, условиях проживания (наличие семьи, соседи, состав рабочего коллектива и т. п.), о мере идентификации мигрантов с принимающим и посылающим сообществами, об оценке представителей принимающего сообщества и их отношений к мигрантам, случаях дискриминации в разных сферах взаимодействия. Таким образом мы имеем возможность подразделить все переменные, связанные с уровнем интеграционного потенциала, на несколько смысловых блоков, соответствующих этим измерениям.

Ранее установленная на других выборках [3, с. 22] взаимосвязь характера долгосрочных планов и уровня интеграционного потенциала мигрантов подтверждается и на наших данных (см. табл. 7).

Таблица 7 (Table 7)

Интеграционный потенциал мигрантов с разными планами на пребывание в РС(Я), %
Integration potential of migrants with different plans to stay in the Republic of Sakha (Yakutia), %

Уровень интеграционного потенциала	Каковы Ваши планы относительно проживания в РС(Я)?		
	Остаться здесь насовсем	Регулярно приезжать сюда	Поработать и уехать
Высокий	64,8	59,2	39,1
Неопределённый	31,2	33,6	45,9
Низкий	4,0	7,2	15,0

Уровень интеграционного потенциала существенно выше у мигрантов, ориентированных на постоянное проживание в принимающей среде. И в данном случае мы считаем возможным допустить, что это зависимая переменная. Более того, наши данные позволяют уточнить: наиболее мотивированы к интеграции в принимающую среду мигранты, ориентированные на оседание в принимающей среде и уже имеющие семью (см. табл. 8).

Таблица 8 (Table 8)

Интеграционный потенциал мигрантов с разными планами на пребывание в РС(Я) и с разными семейными статусами, %

Integration potential of migrants with different plans to stay in the Republic of Sakha (Yakutia) and with different family statuses, %

Уровень интеграционного потенциала	Каковы Ваши планы относительно проживания в РС(Я)?		
	Остаться здесь насовсем	Регулярно приезжать сюда	Поработать и уехать
Мигранты, не состоящие в браке*			
Высокий	50,0	54,2	34,8
Неопределённый	41,2	35,4	55,1
Низкий	8,8	10,4	10,1
Мигранты, состоящие в браке			
Высокий	70,8	62,3	42,4
Неопределённый	27,0	32,5	39,0
Низкий	2,2	5,2	18,6

*Статистически значимых различий не наблюдается.

Как можно видеть из представленных в таблице 8 данных, у мигрантов, не имеющих семьи, планы на пребывание в принимающем сообществе никак не связаны с уровнем интеграционного потенциала, а среди семейных мигрантов, ориентированных на оседание в принимающей среде, подавляющее большинство демонстрируют высокий интеграционный потенциал. При этом, как показывают наши расчёты, не имеет значения, где сейчас находится семья мигранта – рядом с ним или осталась на родине. Иначе говоря, для оценки принимающей среды существенен сам факт наличия семьи.

Как правило, в принимающей среде мигранты предпочитают селиться рядом со своими земляками, что облегчает процесс первичного приспособления к непривычным для них условиям. Это подтверждают 65% наших респондентов-мигрантов. Расчёты показывают значимую взаимосвязь тех или иных предпочтений в расселении и уровня интеграционного потенциала (см. табл. 9).

Таблица 9 (Table 9)

Интеграционный потенциал мигрантов с разными предпочтениями расселения, %
Integration potential of migrants with different preferences for resettlement, %

Уровень интеграционного потенциала	Если бы у Вас была возможность выбора, то как бы Вы предпочли жить?		
	Среди своих земляков	Мне это безразлично	Среди местных
Высокий	31,3	56,2	58,4
Неопределённый	55,4	34,8	31,9
Низкий	13,3	9,0	9,7

У респондентов-мигрантов с высоким интеграционным потенциалом склонность жить среди представителей принимающего сообщества распространена в заметно большей степени. Учитывая, что нормой для мигрантов является расселение среди земляков, то стремление некоторой части мигрантов селиться среди местного населения можно с большой долей вероятности считать способом реализации высокого интеграционного потенциала (но только в том случае, когда нет препятствий со стороны местных арендодателей). В целом данные показывают, что для мигрантов с таким потенциалом характерна большая открытость к взаимодействию с представителями принимающего населения во всех сферах повседневной жизни, например, к работе в смешанных коллективах (табл. 10), к установлению дружеских связей в принимающей среде (табл. 11).

Таблица 10 (Table 10)

Интеграционный потенциал мигрантов, работающих в коллективах с разным составом, %
Integration potential of migrants working in mixed teams, %

Уровень интеграционного потенциала	Каков состав коллектива, в котором Вы сейчас работаете?	
	В основном мигранты	Смешанный состав
Высокий	43,9	55,4
Неопределённый	44,4	35,1
Низкий	11,7	9,5

Таблица 11 (Table 11)

Интеграционный потенциал мигрантов с наличием или отсутствием дружеских связей среди местного населения, %
Integration potential of migrants with or without friendly ties with the local population, %

Уровень интеграционного потенциала	У Вас есть друзья из представителей местного населения?	
	Да	Нет
Высокий	56,1	38,5
Неопределённый	36,0	44,4
Низкий	7,8	17,1

В целом мигранты с высоким уровнем интеграционного потенциала, т. е. мотивированные к вхождению в принимающее общество, в высокой степени готовы к всестороннему взаимодействию с местным населением. Это означает, что у них потенциально больше возможностей для освоения и понимания смыслов культурных стандартов принимающего общества, что может влиять на оценки ими принимающей среды.

Высокий интеграционный потенциал отражается и на идентификации мигрантов с принимающими сообществами разных уровней (см. табл. 12).

Таблица 12 (Table 12)

Интеграционный потенциал мигрантов с разной мерой идентификации с принимающими сообществами, % отметивших высокую степень идентификации (вариант ответа «часто»)

Integration potential of migrants with different measures of identification with host communities, % of those who noted a high degree of identification (answer option "often")

Насколько часто, иногда или никогда Вы ощущаете общность, близость с...?	Уровень интеграционного потенциала			В среднем по массиву
	Высокий	Неопределённый	Низкий	
... жителями России	72,5	60,1	55,1	66,1
... жителями Республики Саха (Якутия)	75,6	59,4	53,1	67,2
... жителями населённого пункта, где Вы живёте	78,7	57,8	53,1	68,3

Мигранты с высоким интеграционным потенциалом значимо чаще ассоциируют себя как с жителями России, так и с жителями республики и своего населённого пункта. И в то же время, по нашим расчётам, не наблюдается различий в степени идентификации мигрантов с другими сообществами (жителями государства исхода, земляками, людьми одной веры и одной национальности). Это позволяет нам предположить, что высокая мера ассоциации с принимающими сообществами означает именно стремление к интеграции, а не ассимиляции.

Обнаружены также определённые различия в оценке мигрантами с разными уровнями интеграционного потенциала некоторых особенностей принимающей среды и поведения местных в отношении мигрантов. Но прежде необходимо отметить, что в целом доля негативных оценок принимающей среды мигрантами очень незначительна (см. табл. 13).

Как видно из данных, представленных в таблице 13, больше всего мешает мигрантам жить и работать в принимающей среде ощущение дискриминации по этническому признаку, причём скорее со стороны работодателей и местных властей, нежели со стороны населения. Хотя, если напрямую спрашивать о случаях неприязненного отношения к мигрантам, ущемления их прав, то наибольшая доля ответов (18,6%) придётся на случаи повседневного общения с представителями принимающего населения на улице, на работе и т. п. А меньше всего мешают жить мигрантам особенности образа жизни и поведения местных жителей.

В целом же, мигранты относятся достаточно терпимо как к случаям дискриминации, так и к случаям агрессивного поведения в принимающей среде. Кроме того, у мигрантов с разным уровнем интеграционного потенциала есть различия в некоторых оценках того, что мешает им нормально жить и работать на территории РС(Я) (см. табл. 14).

Таблица 13 (Table 13)

**Оценка мигрантами принимающей среды,
% полностью согласных с данным суждением**
*Evaluation of the host environment by migrants,
% of those who completely agree with this judgment*

Что из перечисленного ниже мешает Вам нормально работать и жить в РС(Я)?	
Здесь людям моей национальности трудно отстаивать свои законные права	15,0
Здесь людей моей национальности не везде берут на работу	14,4
Людей моей национальности допускают только на самую низкооплачиваемую работу	10,6
Здесь полиция слишком подозрительно относится к людям моей национальности	9,0
Здесь трудно найти подходящее жильё	8,6
Здесь жители плохо относятся к людям моей национальности	7,2
Многие здесь стремятся нажиться на приезжих	6,4
Местные жители ведут себя агрессивно и надменно	6,2
Местные жители – «чужие», живут по чуждому мне и непонятному укладу жизни	5,0
Здесь люди живут слишком обособленно	4,9
Здесь люди моей национальности слишком выделяются из общей массы	4,0
Здесь трудно соблюдать мои религиозные обряды и обычаи	3,5

Таблица 14 (Table 14)

**Интеграционный потенциал мигрантов с разной мерой идентификации
с принимающим сообществом, % полностью согласных с данным суждением**
*Integration potential of migrants with different levels of identification
with the host community, % of those who completely agree with this judgment*

Что из перечисленного ниже мешает или не мешает Вам нормально работать и жить в РС(Я)	Уровень интеграционного потенциала		
	Высокий	Неопределенный	Низкий
Здесь жители плохо относятся к людям моей национальности	6,0	7,7	12,5
Здесь люди живут слишком обособленно	4,7	4,2	8,5
Местные жители – «чужие», живут по чуждому мне и непонятному укладу жизни	3,3	5,2	13,0
Местные жители ведут себя агрессивно и надменно	4,4	6,0	16,7

Необходимо обратить внимание на то, что перечисленные в таблице 14 особенности поведения представителей принимающего населения чаще мешают респондентам с низким уровнем интеграционного потенциала, т. е. слабо мотивированным к интеграции в принимающую среду, и наоборот, мигранты с высоким уровнем интеграционного

потенциала относятся к указанным особенностям взаимодействия в принимающем сообществе более терпимо. При этом в оценке случаев дискриминации не наблюдается каких-либо значимых различий между респондентами с различными уровнями интеграционного потенциала.

Заключение

При анализе факторов, определяющих или по меньшей мере связанных с уровнем интеграционного потенциала принимающего сообщества в регионе, существенно значимы следующие. Во-первых, это степень распространённости этнического негативизма, т. е. неприязненного отношения к людям иной национальности, – чем его уровень выше, тем ниже интеграционный потенциал принимающего общества во взаимодействиях с мигрантами. При этом мы отмечаем, что характер претензий местного сообщества к мигрантам связан в значительной мере с несовпадением ожиданий по поводу их поведения с реальностью. Во-вторых, это степень актуализации групповых идентичностей принимающего сообщества: в несколько большей степени этническая, религиозная, локальная идентичности значимы для людей, которые попадают в категорию высокого интеграционного потенциала. Более заметно это работает в случае гражданской идентичности – она существенно более значима для людей с высоким интеграционным потенциалом. В то же время выраженное фокусирование на этничности, в частности, допустимость насилия в случае ощущения ущемления прав своего народа и другие сходные установки значимо связаны с низким уровнем интеграционного потенциала у принимающего населения в отношении мигрантов.

Уровень интеграционного потенциала мигрантов в первую очередь определяется долгосрочными планами на пребывание в России, и в РС(Я) в частности. Мигранты, ориентированные на оседание в России (а это, по последним оценкам экспертов, более половины всех мигрантов, работающих в РФ [2, с. 103]) в наибольшей степени мотивированы к интеграции в принимающую среду и в целом терпимо относятся к тем особенностям взаимодействия с принимающей средой, которые не мешают нормально, по их мнению, жить и работать в принимающем сообществе, как в «своём». Об этом, в частности, свидетельствует высокий уровень их идентификации как с Россией в целом, так и с региональным и местным сообществами.

Среди мигрантов, имеющих долгосрочные планы на жизнь в России и в РС(Я), наиболее высокий уровень интеграционного потенциала встречается у мигрантов, имеющих семью, причём не только непосредственно в регионе нынешнего проживания. У этих людей чаще отмечается стремление селиться среди принимающего населения, устанавливать дружеские связи с местными, стремление активно взаимодействовать с ними во всех сферах повседневной жизни.

Анализ факторов интеграционного потенциала принимающего населения и мигрантов в общей системе соотнесения позволил нам сделать вывод о том, что для местных сообществ основным критерием оценки мигрантов является степень их соответствия «своим» социально-культурным нормам, а для мигрантов ключевой критерий оценки принимающего общества – мера возможности безопасной и материально благополучной жизни в этом регионе/стране.

В итоге анализ различий в подходах к оценке принимающей среды обеими сторонами процесса интеграции позволил выявить наиболее проблемный, заслуживающий дальнейшего исследования не только количественными, но качественными методами, участок этого процесса. Проблема состоит в том, что, с одной стороны, налицо готовность значительной части мигрантов (с высоким уровнем интеграционного потенциала) устанавливать межличностные (дружеские, соседские) отношения с местным населением, высокая степень идентификации с новым сообществом. А с другой – зачастую нежелание представителей принимающей среды допускать мигрантов в свои круги межличностного общения. Такое межличностное взаимодействие для принимающего населения слабо вписывается в привычные сложившиеся круги общения, зачастую это почти параллельные миры, или может представляться размывающим исторически сложившееся социально-культурное пространство. Все это сокращает возможности межличностного взаимодействия мигрантов и представителей местного населения в повседневной сфере, которая является единственной «естественной» средой эффективной взаимной интеграции – эффективного усвоения мигрантами стандартов и кодов поведения принимающего сообщества и привыкания местного населения к инокультурным инновациям, привносимым мигрантами.

Библиографический список

1. Арутюнова Е. М., Кузнецов И. М. Интеграционный потенциал принимающего общества: сравнительная региональная перспектива // Мир России. 2021. № 30 (2). С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25>

2. Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. № 7 (3). С. 84–107. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637>

3. Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Институт социологии РАН, 2005. 50 с.

4. Berry J. W. Conceptual Approaches to Acculturation. Acculturation: Advances in Theory, Measurement, and Applied Research / Chun K. M., Balls Organista P., Marin G. (eds) Washington: American Psychological Association, 2003. P. 17–37.

5. Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU. European Economic and Social Committee. 2004. URL: http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/common-basic-principles_en.pdf (дата обращения: 02.03.2021).

6. OECD/European Union, Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In, OECD Publishing, Paris, 2015. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/Indicators-of-Immigrant-Integration-2015.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).

7. Spencer S. Social Integration of Migrants in Europe: A Review of the European Literature 2000–2006, Center on Migration, Policy and Society. URL: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/ER-2006-Integration_Europe_Literature_Review_OECD.pdf (дата обращения: 02.03.2021).

Статья поступила 17.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арутюнова Екатерина Михайловна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Кузнецов Игорь Михайлович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.725

Integration Potential of Migrants and the Host Society: Similarities and Differences (on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia))

Ekaterina M. Arutyunova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: 981504@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9002-1491

Igor M. Kuznetsov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ingvar31@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-6914-3355

For citation: Arutyunova E. M., Kuznetsov I. M. Integration Potential of Migrants and the Host Society: Similarities and Differences (on the Example of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 83–100. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.725

Abstract. The article provides the analysis and comparison of the integration potential of the host society and migrants in the Republic of Sakha (Yakutia). The analysis was carried out on the basis of two surveys: a representative survey of residents of the republic and a survey of labour migrants – immigrants from Central Asia (Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan). It is these categories of migrants that are most negatively perceived by the local population. The surveys were conducted in 2020. For a quantitative assessment of the integration potential, a set of questions-judgments was constructed, reflecting different parameters of this potential. Among them: the willingness of the host population to include migrants in their community and the corresponding judgment of migrants about their readiness

to be included in the environment; judgment about the integration possibilities of migrants and the assessment by migrants of the acceptability of local standards of lifestyle, and others. Using the procedure of factor analysis, an indicator of the integration potential was formed.

It was revealed that among migrants the share of people with a high integration potential is significantly higher than in the host community. This means that migrants assess the receiving environment and their own integration prospects higher than local residents.

The high level of ethno-negative attitudes of the host community is accompanied by a low level of integration potential in relation to migrants. Such negativism is most often associated with a sense of cultural distance in the perception of migrants' behavior. At the same time, a pronounced focus on ethnicity in different contexts of social interaction is also associated with a low integration potential in relation to migrants and can be a source of the formation of stable xenophobic attitudes.

The high level of integration potential of migrants is primarily associated with long-term plans for life in Russia and this region, as well as with the presence of a family (in the region of residence or in the country of origin). Thus, for local communities, the main criterion for assessing migrants is the degree to which their behavior corresponds to local socio-cultural norms, and for migrants, the key criterion for assessing the host society is a measure of the possibility of a safe and materially prosperous life in the Republic of Sakha (Yakutia) and in Russia as a whole. Such a difference in assessment criteria can create additional obstacles for both parties to active daily interaction in different areas inhibiting the processes of mutual integration.

Keywords: host community, migrants, Republic of Sakha (Yakutia), integration potential

References

1. Arutyunova E. M., Kuznetsov I. M. The integration potential of the host society: a comparative regional perspective. *Mir Rossii*, 2021: 30: 2: 6–25. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-6-25 (in Russ.)
2. Denisenko M. B., Mukomel V. I. Labor migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demograficheskoe obozrenie*, 2020: 7(3): 84–107. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11637> (in Russ.)
3. Kuznetsov I. M., Mukomel V. I. *Adaptatsionnyye vozmozhnosti i setevyye svyazi migrantsskikh etnicheskikh menshinstv* [Adaptation opportunities and network connections of migrant ethnic minorities]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2005: 50. (in Russ.)
4. Berry J. W. Conceptual Approaches to Acculturation. *Acculturation: Advances in Theory, Measurement, and Applied Research* (eds. Chun K. M., Balls Organista P., Marin G.). Washington: American Psychological Association, 2003: 17–37.
5. Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU. European Economic and Social Committee. 2004. Accessed: 02.03.2021. URL: http://www.eesc.europa.eu/resources/docs/common-basic-principles_en.pdf
6. OECD/European Union, Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In, OECD Publishing. Paris. 2015. Accessed: 02.03.2021. URL: <https://www.oecd.org/els/mig/Indicators-of-Immigrant-Integration-2015.pdf>
7. Spencer S. Social Integration of Migrants in Europe: A Review of the European Literature 2000–2006. Center on Migration, Policy and Society. Accessed: 02.03.2021. URL: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/ER-2006-Integration_Europe_Literature_Review_OECD.pdf

The article was submitted on: April 04.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina M. Arutyunova, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Center for the Study of Inter-Ethnic Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Igor M. Kuznetsov, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Center for the Study of Inter-Ethnic Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

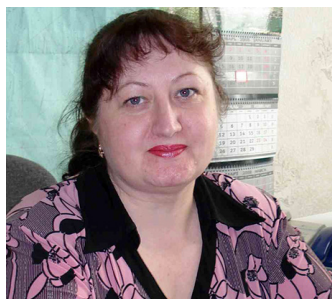
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РФ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

Субъективные и объективные оценки личной занятости населения Дальневосточного региона (на примере Еврейской автономной области)

Ссылка для цитирования: Комарова Т. М., Калинина И. В., Соловченков С. А. Субъективные и объективные оценки личной занятости населения Дальневосточного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 101–122. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

For citation: Komarova T. M., Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Subjective and objective assessments of personal employment at the Russian Far East (Jewish Autonomous Region as a case study) // *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No 2. P. 101–122. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

**Комарова
Татьяна Михайловна**

ИКАРП ДВО РАН,
Биробиджан, Россия

carpi-komarova@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 157552

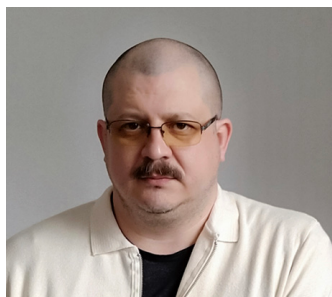

**Калинина
Ирина Владимировна**

ИКАРП ДВО РАН,
Биробиджан, Россия

e-mail: gaevaiv@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 606516

**Соловченков
Сергей Александрович**

ИКАРП ДВО РАН,
Биробиджан, Россия

solovchenkov@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 147840

Аннотация. В статье на основе объективных и субъективных оценок делаются выводы о личной занятости населения жителей Еврейской автономной области. Раскрыты основные демографические проблемы, отражающие современную ситуацию региона. Показано, что по сравнению с другими дальневосточными субъектами, ЕАО по отдельным показателям занимает позиции аутсайдера (например, по смертности), а по другим – лидера (например, по снижению роста безработицы). В целом общая социально-экономическая ситуация в области свидетельствует о сохранении негативных тенденций постперестроечного периода. Данные выводы подтверждаются и субъективными оценками жителей региона, полученными в ходе социологического исследования. Среди интервьюированных, считающих себя безработными, встречаются как самозанятые, так и экономически неактивные. Выявлено, что около 22% респондентов заняты в неформальном секторе, причём больше половины из них относятся к «вынужденно-занятым», т. к. им не удалось официально трудоустроиться. Городское население в подавляющем большинстве предпочитает стандартные формы занятости, воспринимая неформальную занятость скорее как возможное дополнение к основному месту работы. В сельской местности ситуация противоположная, поскольку неформальная занятость занимает ведущее место, по сути выполняя функции основной занятости. При этом население достаточно пассивно использует возможности получения дополнительных доходов, предпочитая жить на пособия или перебиваться непостоянными заработками. Практически не используется населением возможность повышения своей квалификации или получения дополнительной (новой) рабочей специальности. Более 60% опрошенных частично обеспечивают свои семьи, используя архаичные экономические практики, т. е. собирая и перерабатывая природные ресурсы (дикоросы, охоту и рыбалку), что может свидетельствовать как о некоем культурном феномене местного населения, так и о недостатке финансовых средств у значительной части населения. Среди местного сельского населения произошла определённая мифологизация роли крупных сельскохозяйственных предприятий в развитии территории. Значимая часть опрошенного сельского населения приоритетным направлением развития считает создание сельскохозяйственных рабочих мест, несмотря на то, что данный вид деятельности никогда не являлся ведущим и не приносил большого дохода в область, учитывая сложные агроклиматические условия региона.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, личная занятость, безработица, неформальные виды занятости, демографические тенденции

Дальневосточный федеральный округ в современных границах составляет более 40% территории Российской Федерации, однако заселённость региона является одной из самых низких, что связано с рядом факторов, в числе которых суровые агроклиматические условия, относительно короткий период заселения и хозяйственного освоения региона, слабое развитие инфраструктуры. Обладая мощными запасами природных ресурсов, данный регион представляет стратегический и геополитический интерес для нашей страны, что подтверждается разработкой и реализацией государственных программ развития региона¹.

¹ Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.11.2020. № 1801 // Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/program/34/passport> (дата обращения: 12.03.2021.); Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года» // URL: <http://www.nsc.ru/win/sbras/bef/pos480.html> (дата обращения: 12.03.2021.).

Одной из важнейших задач является закрепление и повышение численности проживающего здесь населения. Среди предложений по увеличению данного показателя – привлечение мигрантов, вахтовые методы освоения ресурсов, реализация локальных программ (например, Дальневосточный гектар)¹ [8]. На наш взгляд, одной из подобных мер может служить необходимость развития трудового потенциала населения через поиск нестандартных видов занятости. Цель данной статьи – выявление объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на занятость в регионе, проявившихся в последние пять лет. Объективные факторы изучались посредством анализа официальных статистических данных, а субъективные – посредством социологического исследования.

Модельным регионом будет служить Еврейская автономная область (ЕАО), т. к. особенности социально-экономической ситуации здесь в той или иной степени присущи и другим регионам Дальнего Востока России: сокращение численности населения не только за счёт его естественной убыли, но и мощного миграционного оттока, старение населения, недостаточное экономическое развитие.

Еврейская автономная область – приграничный субъект Дальневосточного региона, с 1991 г. самостоятельный субъект Российской Федерации. Население области на 01.01.2020 г. составило 158,3 тыс. человек, при средней плотности 4,3 чел./км². Площадь территории – 36,3 тыс. кв. км. В настоящее время область относится к слаборазвитым регионам Дальнего Востока с низким уровнем жизни населения [19; 15 и пр.].

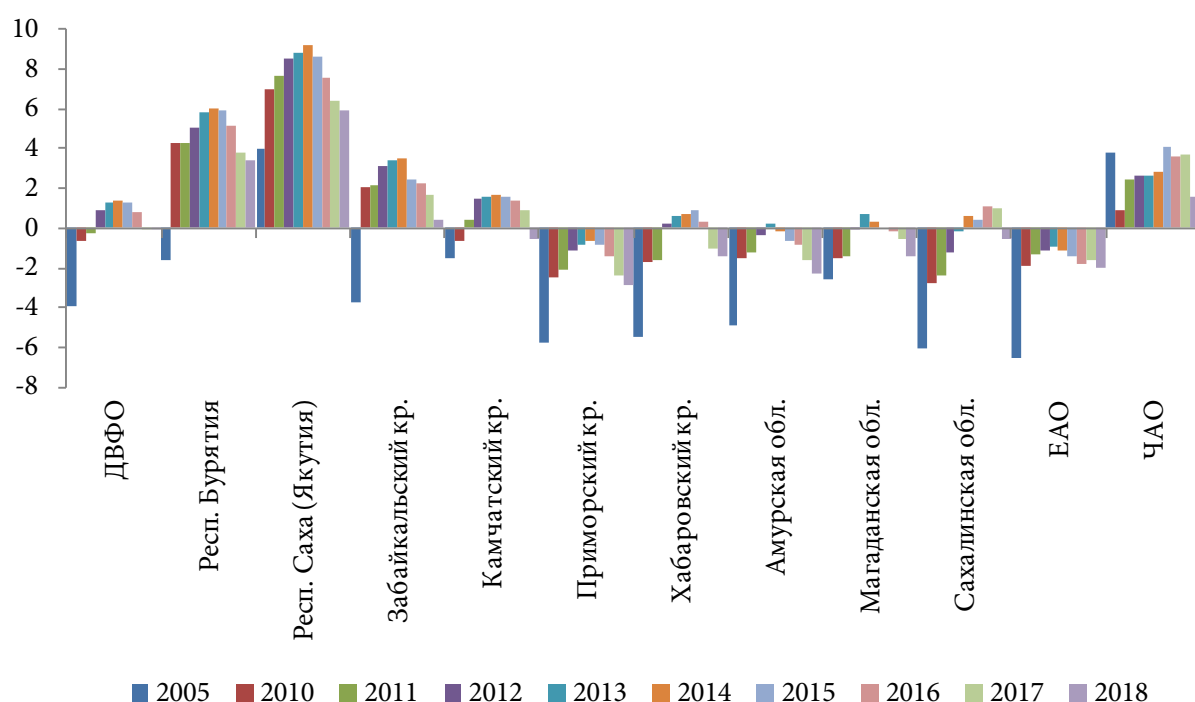
Демографические показатели как фактор оценки занятости населения

Для выявления объективных факторов оценки занятости в современной социально-экономической ситуации нами был проведён анализ статистических данных. Демографический фактор играет большую роль в экономической жизни общества, он необходим для долгосрочного социально-экономического планирования. Без предварительного демографического анализа и последующего прогноза невозможно разработать стратегию социально-экономического развития территории. Говоря о роли демографического фактора, необходимо отметить, что в целом по территории Дальневосточного региона производительные силы размещены крайне неравномерно. Наименее освоенными являются северные горные части, в то время как на территориях, расположенных в зоне Транссибирской железнодорожной магистрали, морских побе-

¹ Россия: программы заселения Дальнего Востока не смогли остановить отток людей // Eurasianet URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-программы-заселения-дальнего-востока-не-смогли-остановить-отток-людей> (дата обращения: 12.03.2021.); Демографическая политика // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/razvitie-msp-i-konkurentsii/razvitie-chelovecheskogo-kapitala/demograficheskaya-politika/> (дата обращения: 12.03.2021).

режий, в долинах крупных рек сосредоточена большая часть населения и основные фонды промышленности и транспорта. Данное размещение населения характерно и для Еврейской автономной области. Можно выделить основные ареалы расселения – вдоль реки Амур и её основного притока на территории области реки Бира, в зоне Транссибирской магистрали с ответвлениями на село Ленинское (граница КНР) и две меридиональных ветки: Известковая – Ургал и Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре.

Динамика демографических показателей с разной интенсивностью воздействует на все фазы воспроизводства трудовых ресурсов в разных регионах. Общая численность населения, являющаяся основой формирования трудовых ресурсов, почти синхронно меняется в зависимости от изменения уровня рождаемости, смертности. Коэффициент рождаемости в Еврейской автономной области выше среднероссийских показателей и близок по своим значениям южным дальневосточным регионам. При этом коэффициент смертности в ЕАО является самым высоким в ДФО, что и обуславливает естественную убыль населения, за счёт которого область, даже имея достаточно высокий коэффициент рождаемости в 2011–16 гг., так и не смогла выйти на показатель естественного прироста населения (см. рис. 1*).

*Составлено на основе материалов «Регионы России»¹.

Рис. 1. Коэффициент естественного прироста населения в регионах ДВФО в 2005–18 гг.

Figure 1. Coefficient of natural population growth in the regions of the Far Eastern Federal District in 2005–18.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

Помимо естественной убыли населения, немаловажное значение при рассмотрении обеспеченности трудовыми ресурсами имеет и его возрастная структура. Возрастной состав населения предопределяет значимые с экономической точки зрения показатели демографической нагрузки, т. е. соотношения численности населения в рабочем и нерабочем возрастах. В начале 2000-х гг. Россия вступила в полосу быстрого роста демографической нагрузки как пожилыми, так и детьми. Если говорить о нагрузке детьми, то, согласно прогнозам, её рост к концу третьего десятилетия XXI в. прекратится, а, возможно, начнётся и сокращение [1].

Для территории ЕАО, как и в целом для всего Дальнего Востока, характерна более молодая возрастная структура населения. Так, в 1989 г. доля детей в РФ составляла 24,5%, в ЕАО несколько выше – 30,9%; доля лиц старше трудоспособного возраста соответственно 18,5 и 15,9%. При снижении рождаемости произошло увеличение доли населения старших возрастов. В ЕАО доля детей максимальных показателей в 2017–18 гг. достигала 21,1% с дальнейшим сокращением (в 2019 г. до 20,9%), в среднероссийской ретроспективе максимальная доля детей отмечалась в 2018–19 гг. – 18,7%. Доля населения трудоспособного возраста в области среди дальневосточных регионов была минимальной в 2018 г. – 55,6%, с последующим небольшим ростом в 2019 г. до 56,6%; данные показатели близки среднероссийским, соответственно 55,4 и 56,3%¹ [12; 13; 10].

По доле детского населения ЕАО в Дальневосточном округе уступает Республикам Бурятия и Саха (Якутия), Чукотскому автономному округу и Забайкальскому краю². Но темпы роста численности детей в ЕАО и ДФО в целом выше, чем по России, соответственно в 1,30 и 1,17 раза. По классификации ООН, население региона считается демографически старым, если доля населения старше 65 лет составляет более 7%. В 1990 г. область перешла данный порог. Этот показатель имеет тенденцию к росту: в 2015 г. он составил 11,1%, в 2017 – уже 12,8%, а в 2019 г. – 13,9%.

Коэффициент потенциальной поддержки (соотношение численности населения 15–64 лет к численности населения 65 лет и старше) учитывается при разработке программ соцобеспечения населения. В области за 2008–19 гг. он снизился с 7,06 до 4,77 (для расчёта был выбран 2008 г. в связи с тем, что со следующего за ним года началось сокращение доли трудоспособного населения).

Для анализа показателя демографической нагрузки в качестве первоначального года отсчёта был взят 2005, т. к. именно в этот год демографическая нагрузка была одной из самых минимальных за два десятилетия XXI в. – 545 на 1000 человек трудоспособного возраста (среднерос-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

² Там же; Демографический ежегодник Еврейской автономной области. 2019. Стат. сб. Биробиджан: Хабаровскстат, 2019. 137 с.

сийский показатель – 589). Нагрузка в ЕАО, наряду с Амурской областью (в старых границах ДФО, а в новых границах – наряду с Республикой Бурятия) была самая высокая. В 2018 г. показатель демографической нагрузки достиг своего пика как по среднероссийским показателям (804), так и во всех регионах ДФО, с максимальными показателями по Республике Бурятия (826) и ЕАО (799). Наименьший показатель демографической нагрузки отмечался только в Чукотском автономном округе (621). При этом в большинстве регионов ДФО, так же как и в среднем по России, большая доля демографической нагрузки приходится на население старше трудоспособного возраста, за исключением Республики Бурятия, где доля детей в структуре нагрузки выше в 1,2 раза. В ЕАО при общей демографической нагрузке 764 в 2019 г. на долю старшего возраста приходится 396 и на детей – 368. Если в целом по России доля населения старше трудоспособного возраста в демографической нагрузке составляла 58%, то в ЕАО она была несколько ниже – 52,5%. За 2005–18 гг. отмечался значительный рост общей демографической нагрузки, поскольку пенсионного возраста достигли многолюдные поколения, родившиеся в 1950-е гг. Старение населения неизбежно сопровождается значительным сокращением работоспособной его части. Убыль населения в трудоспособных возрастах началась в области в 2006 г. С 1995 г в результате демографической волны и роста рождений в 1980-х гг. численность трудоспособного населения росла вплоть до 2007 г., достигнув своего максимума в 65,1% при среднероссийских показателях 63%. Одна из причин – снижение рождаемости в 1990-е гг.¹ [16]. В 2019 г. отмечается снижение показателя демографической нагрузки на трудоспособное население как по России, так и по Дальневосточному округу, отчасти на наш взгляд это связано со снижением показателей рождаемости, увеличением пенсионного возраста и изменением статистических показателей, т. к. ранее при расчёте демографической нагрузки учитывались мужчины возраста 16–59, женщины 16–54 лет, то с 2019 г. – мужчины 16–60, женщины 16–55 лет.

Обращает на себя внимание также постарение потенциальных работников в ЕАО в ближайшие десятилетия. Если доля лиц от 40 лет до пенсионного возраста возрастёт до 2028 г. с 26,1 до 32%, то доля молодых (от 25 до 35 лет) сократится с 16,9 до 11,9%. Практически сходная динамика характерна и в целом для страны. Тенденции, складывающиеся в демографической сфере, в целом негативно воздействуют на трудовой потенциал населения, снижая общую его численность и формируя неблагоприятные изменения в возрастной структуре. Так, начиная с 2010 г., доля населения старше трудоспособного возраста стабильно растёт достаточно высокими темпами. За анализируемый период она выросла в области с 16,6 до 22,5% (2019 г.), в России – с 20,5 до 25%. Доля детей в 2019 г. составила 21,1% при среднероссийских показателях 18,7%. При этом в тот же период снизилась демо-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

графическая нагрузка старшими возрастными группами, и это характерно для всех регионов округа. В области этот показатель снизился с 420 до 396. Вероятнее всего, это связано, как уже говорилось выше, с пенсионной реформой.

Анализируя собственно трудовые ресурсы, можно увидеть следующую картину. В России в целом, как и в Дальневосточном регионе, в частности, отмечается сокращение численности населения, и, соответственно, трудовых ресурсов. Так, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в РФ и во всех субъектах ДФО снижалась, за исключением Республики Саха, где показатель увеличился за счёт зарубежных мигрантов¹. Согласно работам С. Н. Мищук, значительную роль в существующей ситуации играют мигранты, выходцы из стран, входящих в Евразийский экономический союз, поскольку данная категория трудовых ресурсов имеет право трудоустраиваться наравне с российскими гражданами и остаётся неучтенной [14]. Так же следует учитывать изменение методики статистического учёта мигрантов 2011 г., в которой при подсчёте мигрантов помимо лиц, зарегистрированных по месту жительства, учитываются и те, кто получал регистрацию по месту пребывания на срок девять месяцев и более [18].

Необходимо отметить, что во всех регионах ДФО, как и в России в целом, наблюдается рост численности рабочей силы в городах, но два региона – Магаданская область и ЧАО – отличаются от общих тенденций пусть незначительным, но ростом рабочей силы в селе. При этом в обоих регионах идёт снижение численности населения, особенно сельского. Несколько отличается ситуация с занятыми в возрасте 15 лет и старше (см. табл. 1). Здесь также выделяется республика Саха с ростом общей численности занятых как в селе, так и в городе, что, по мнению С. Н. Мищук, связано с началом реализации ряда инвестиционных проектов крупных российских компаний, активно привлекающих трудовые ресурсы из других регионов России [14].

Также отметим, что миграционный отток за пределы Дальневосточного региона играет значительную роль в снижении числа занятых в сельской местности. Это подтверждает тот факт, что показатели ситуации в городе не соотносятся с показателями в селе (см. табл. 1).

Рассматривая межрегиональную трудовую миграцию в Дальневосточном регионе, мы видим некоторую динамику. Так, ДФО в целом в 2016 г. отмечалось превышение выезда трудовых мигрантов над въездом. В 2019 г. тенденции противоположные. Подобная картина характерна и для Сахалинской области. На наш взгляд, это связано с увеличением требований рабочих, занятых на крупных инвестиционных проектах. Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Амурская и Магаданская области были и остаются привлекательными регионами для трудовых мигрантов. В исследуемый период времени изменилась ситуация с Забайкальским и Приморским краями, которые стали менее

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

привлекательны для въезжающих, и если в 2016 г. туда больше въезжало, то в 2019 г. стало больше выезжать. Мы предполагаем, что в Приморском крае это связано с тем, что для мигрантов, особенно зарубежных, наиболее привлекательными являются регионы с добывающими отраслями, а в Забайкальском – со снижением общей численности населения и непосредственно занятого. Два региона как теряли, так и продолжают терять рабочую силу – т. е. количество въезжающих значительно ниже выезжающих на работу за пределы региона (ЕАО и Республика Бурятия).

Таблица 1 (Table 1)

Соотношение занятых 15 лет и старше в 2016–19 гг., (% от 2016 г.)*
Ratio of employed persons aged 15 and over in 2016–19 (% of 2016)

Регион	Всего	Из них			
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Российская Федерация	99,4	99,2	99,5	100,3	96,4
ДФО	98,0	97,8	98,2	99,1	94,5
Республика Бурятия	96,1	95,7	97,5	98,5	92,6
Республика Саха (Якутия)	102,6	102,2	103,6	102,2	103,7
Забайкальский край	99,8	100,8	98,7	101,7	94,6
Камчатский край	99,4	100,0	100,0	100,7	94,6
Приморский край	96,0	95,8	96,3	96,3	94,4
Хабаровский край	96,9	97,5	96,4	98,3	90,3
Амурская область	99,2	98,0	100,5	101,8	92,0
Магаданская область	95,3	95,5	95,2	95,1	75,0
Сахалинская область	99,6	98,5	100,8	101,4	90,9
Еврейская автономная область	93,6	95,0	92,1	96,4	90,5
Чукотский автономный округ	96,8	100,0	93,3	95,7	100,0

*Составлено на основе материалов «Итоги выборочного обследования рабочей силы»¹.

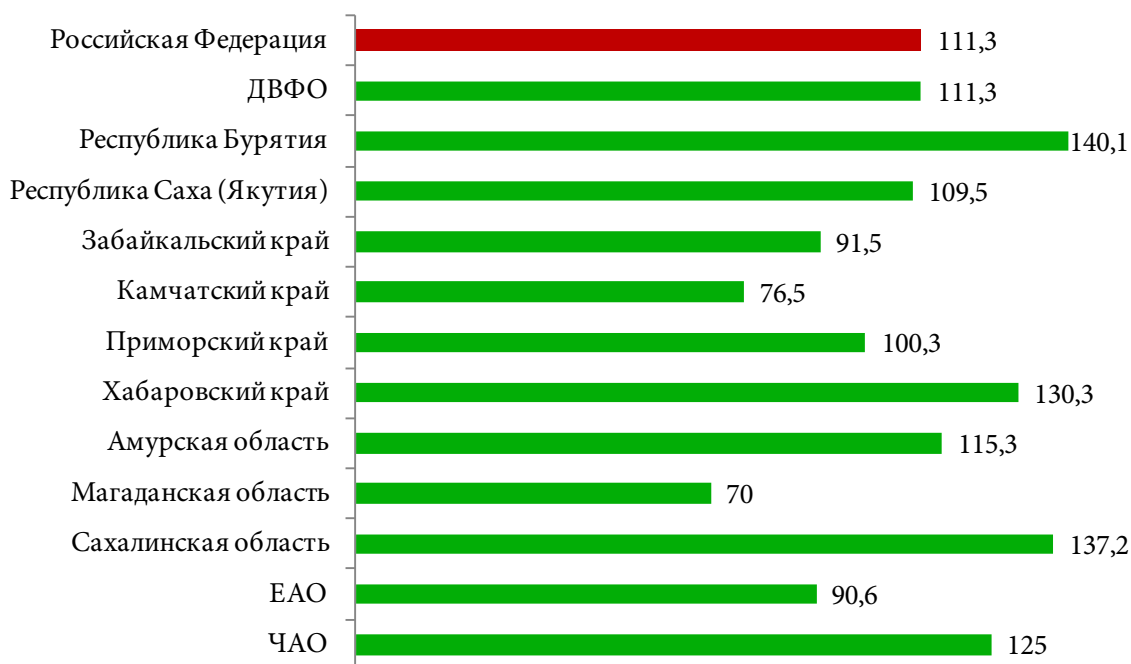
В целом в России в 2019 г. отмечается незначительный рост числа занятого населения, работающего на территории другого субъекта: 107,2% по отношению к 2016 г. в основном за счёт тех, кто ежедневно совершает перемещения между субъектами (119,7% занятых). В Дальневосточном регионе одним из примеров может служить ежедневная трудовая миграция между Хабаровским краем и ЕАО. Близлежащие к Хабаровскому краю населённые пункты области являются поставщиками трудовых ресурсов для города Хабаровска в связи с большим выбором мест трудоустройства и более высоким уровнем заработных плат.

При этом отмечается (пусть и незначительное) сокращение занятых, работающих за пределами постоянного места жительства и возвращающихся домой раз в неделю (76%), 1–2 раза в месяц (95,9%) и реже

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021)

одного раза в месяц (99,1%). И всё же около 30% занятых, работающих удалённо от места проживания, бывают дома редко, что в будущем может оказать влияние на внутрисемейные взаимоотношения и привести к изменению состава семей.

Отдельного изучения требуют занятые в производстве товаров для собственного использования. Рисунок 2 демонстрирует в большинстве исследуемых регионов рост количества занятых подобной деятельностью, только в четырёх регионах наблюдается отрицательная динамика, объясняемая общим снижением численности населения*.

*Составлено на основе материалов «Итоги выборочного обследования рабочей силы»¹.

Рис. 2. Занятые, занимающиеся производством товаров для собственного использования, отношение общей численности в 2019 г. к 2016 г.

Figure 1. Those employed in the production of goods for their own use, the ratio of the total number in 2019 to 2016

Необходимо заметить, что основной трудовой деятельностью для исследуемой категории являются сельское хозяйство и переработка, а также сопутствующие им виды деятельности (рыболовство, охота, собирательство) (см. табл. 2). В большинстве регионов строительство или крупный ремонт занимают следующий тип, за исключением Магаданской области, где столь незначителен подобный показатель, что, по сути, не отображается в таблице 2. В ЕАО данный показатель не выбивается из общерегиональных и общероссийских, и имеет негативные тенденции.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021)

Таблица 2 (Table 2)

**Занятые трудовой деятельностью по производству товаров
для собственного использования,**
% от общей численности занятых данным видом деятельности по региону*
*Those employed in the production of goods for their own use,
% of the total number of people employed in this type of activity by region*

Регион	Производство и/или переработка для хранения продуктов с/х, рыболовства, охоты и собирательства	Заготовка дров или иных видов топлива	Производство бытовых товаров	Строительство или крупный ремонт собственного жилья, сельскохозяйственных построек и т. д.
Российская Федерация	84,5	4,7	8,96	12,0
Дальневосточный ФО	80,2	9,5	9,2	14,8
Республика Бурятия	76,3	14,9	13,4	18,3
Республика Саха (Якутия)	67,3	11,5	11,5	22,1
Забайкальский край	75,6	11,8	9,9	19,9
Камчатский край	84,6	3,9	7,7	7,7
Приморский край	82,7	6,0	8,2	12,6
Хабаровский край	90,4	6,0	3,0	8,6
Амурская область	83,4	10,6	7,3	12,6
Магаданская область	57,1	0,0**	42,9	0,0**
Сахалинская область	72,5	11,7	9,8	17,6
ЕАО	86,2	3,5	10,3	13,8
Чукотский АО	100,0	...**	2,0	2,0

*Составлено на основе материалов «Итоги выборочного обследования рабочей силы»¹.

**0,0 – минимальные значения; ... – нет данных. Сумма значений по строкам больше итога, т. к. некоторые указывали сразу несколько видов занятости по производству товаров для собственного использования.

Одним из резервов увеличения занятого населения является сокращение безработицы, уровень которой в 2019 г. в России составлял 5,5%. При анализе данного показателя на уровне ДФО можно увидеть, что среднерегionalный уровень безработицы превышает общероссийский в 1,2 раза. Максимальные показатели характерны для Забайкальского края, Бурятии, ЕАО (2; 1,7; и 1,5% соответственно), минимальные – для Чукотского АО и Камчатского края (0,6 и 0,7% соответственно). При этом необходимо заметить, что ЧАО является единственным регионом ДФО, где в последние пять лет отмечается рост безработицы (120% от 2015 г.). В ЕАО в исследуемый период наблюдалось максимальное сокращение общей численности безработных (68,6% от

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021)

уровня 2015 г.). Но полностью сократить безработицу в области не представляется возможным, т. к. большинство неработающих – это хронические безработные, уже неспособные к переквалификации.

Анализ результатов социологического исследования занятости жителей ЕАО

Для изучения нестандартных форм занятости необходимо понять, что является стандартом. По мнению некоторых авторов (см., например, [17; 2]), стандартной занятостью считается занятость по найму на основе бессрочного трудового договора, заключённого с предприятием или организацией, под руководством либо самого работодателя, либо назначенных им менеджеров в режиме полного рабочего дня. Значительная часть развитых стран (в том числе и Россия) законодательно оформила данную форму как стандартную, при этом все другие формы занятости рассматриваются как нестандартные. Соответственно, с некоторыми оговорками мы можем использовать данные по неформальной занятости в России и в Дальневосточном регионе, предоставляемые Росстатом. Однако анализ показал, что критерием определения единиц неформального сектора Росстатом было принято отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица¹. Под данную категорию автоматически попали и индивидуальные предприниматели², что не соотносится с нашим пониманием неформальной занятости.

В. Е. Гимпельсон и Р. И. Капелюшников считают, что в силу индивидуального и неинкорпорированного характера малое предпринимательство остаётся вне отчётности формального сектора, и именно это их роднит с неформальным сектором [2]. С нашей точки зрения, ИП и малое предпринимательство ограничены значительным количеством формального регламента (налоговой базой, отчётностью и пр.), что уже свидетельствует о формальности этой занятости. К неформальному же сектору относится частично скрытая трудовая занятость неформального характера (например, помимо деятельности по основной должности, сотрудник выполняет дополнительную).

В рамках исследования занятости необходимо ввести ещё одно относительно недавно возникшее понятие. Прекарная занятость (от лат. «precarious» – нестабильный, неустойчивый, негарантированный), которая как феномен современной экономики подробно рассмотрена в работах Ж. Т. Тощенко [20; 21], З. Т. Голенковой [3; 4], Ю. В. Голиусовой [5; 6; 7]. Однако, несмотря на наличие разнообразных отечественных и зарубежных работ по данному направлению, единого подхода к определению и измерению прекарной занятости не выработано.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021).

² Статья 23 гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32. Ст. 3301; ...2009. № 7. Ст. 775.

Для всестороннего и качественного исследования разнообразных видов занятости необходимо использовать социологические методы. В 2018 г. в населённых пунктах ЕАО (по четыре в каждом районе) авторами было организовано и проведено социологическое исследование, предпринятое для оценки ситуации с развитием нестандартных видов занятости среди сельского населения. Для составления выборки при проведении социологического опроса использовалась методика многоступенчатого отбора.

Сначала выбирались населённые пункты, исходя из категории людности и ряда характеристик экономико-географического положения (удалённость от центра района и области, рынков сбыта, наличие транспортных путей и пр.). Под малыми населёнными пунктами понимались пункты с людностью до 500 человек.

Далее рассчитывалась выборка для каждой группы населённых пунктов. Расчёт выборки по обоим исследованиям происходил по единому принципу: квотная выборка, репрезентативная по полу и возрасту. Точность выборки в обоих исследованиях – 95%, доверительный интервал – 5%.

Первым этапом проводился опрос жителей двух крупных населённых пунктов в каждом районе области (см. табл. 4). Выборка первого этапа составила 250 респондентов. Далее опрашивалось население малых населённых пунктов по единому принципу – два в каждом районе области. Размер выборки – 130 респондентов. Опрос проводился маршрутным методом.

Таблица 3 (Table 3)

Распределение выборки по районам и типам населённых пунктов, чел.

Distribution of the sample by districts and types of settlements, men

Район	Выборка для крупных населённых пунктов	Выборка для малых населённых пунктов
Биробиджанский	35	18
Смидовичский	76	40
Облученский	53	27
Ленинский	56	29
Октябрьский	30	16
Итого	250	130

Подобная, двухступенчатая форма опроса была выбрана для того, чтобы иметь возможность выявить ситуацию в малых сельских населённых пунктах. При прямом расчёте выборки такие населённые пункты либо представлены единичными респондентами, либо выпадают из выборки полностью. Авторы осознают, что подобная методика приводит к некоторому перекоосу в выборке в сторону малых населённых пунктов, увеличению их «веса», но считают, что для выяснения реальной ситуации это оправдано.

В таблице 4 дана характеристика половозрастной структуры выборки. Колебания данных показателей по отдельным районам области крайне незначительны и на выборочную совокупность не влияют.

Таблица 4 (Table 4)

Распределение выборки по полу и возрасту, %
Distribution of the sample by sex and age, %

Градации		Возраст, лет				Итого
		18–30	31–50	51–60	старше 60	
Пол	Мужской	12,9	16,5	7,2	7,2	43,8
	Женский	11,3	19,1	11,9	13,9	56,2
Итого		24,2	35,6	19,1	21,1	100,0

В качестве контрольного показателя для оценки адекватности сформированной выборки нами использовался уровень образования населения области (см. табл. 5). Как показало сравнение показателей, предоставленных областной статистикой и выбранных нами, – погрешность не превышает 5%.

Таблица 5 (Table 5)

Распределение выборки по уровню образования населения, %
Distribution of the sample by the level of education of the population, %

Уровень образования респондента	
Менее 8 классов	4,1
Среднее и неполное среднее	40,2
Среднее специальное и среднее техническое	40,7
Высшее и неполное высшее	14,9

В 2015 г. в экономике ЕАО было занято 77,9 тыс. чел. Численность безработных составляла 6,7 тыс. чел. (7,9% от численности рабочей силы), половина из которых проживала в сельской местности¹. В 2019 г. количество занятых составило 73 тыс. чел., а безработных 4,8 (6,2% от численности рабочей силы). Согласно проведенному опросу в 2018 г. отсутствие постоянного рабочего места на момент проведения исследования отмечалось в 33% случаев (см. табл. 6).

Примечательно, что среди назвавших себя безработными, были и те, кто при строгом следовании методике MOT относится к экономически неактивному населению и самозанятым. Однако интервьюируемые позиционировали себя именно как не имеющие работы. Возможно, данное обстоятельство обусловлено получением низкой прибыли с видов выполняемой ими деятельности для обеспечения потребностей семей или данный вид занятости не воспринимается ими как трудовая деятельность. Встречались и те, кто указывал вид стандартной занятости (торговля дикоросами или овощами, строительство, сельское хозяйство), при этом являясь занятыми для собственных нужд.

¹ Труд и занятость в Еврейской автономной области. 2016. Стат. сб. Биробиджан: Еврстат, 2016. 93 с.

Таблица 6 (Table 6)

Виды занятости сельского населения по результатам опроса, %
Types of rural employment based on the survey results, %

Виды занятости*	
Безработный	33,2
Государственная служба (администрация, полиция, военные, пожарные, соцобслуживание)	13,3
Здравоохранение	3,1
Культура	4,0
Образование	9,2
Общественное питание	2,0
Предоставление услуг ЖКХ	12,9
Сельское и лесное хозяйство	4,3
Строительство	2,3
Торговля	10,1
Транспорт и связь	4,6
Финансовая деятельность	1,0

* В таблице представлены варианты ответов за вычетом пенсионеров.

По мнению 5% опрошенных, крупное государственное сельхозпредприятие в пределах населённого пункта могло бы решить не только проблему отсутствия рабочих мест в селе, но и взять на себя решение вопросов социального характера. Стоит отметить, что и до 1990 г. сельское хозяйство в ЕАО не являлось лидирующим в производстве, занимая максимум 16% в структуре отраслей специализации, что обусловлено местоположением территории области в зоне рискованного земледелия [11]. Следовательно, возведение подобного предприятия не сможет решить озвученных населением проблем.

Несколько больше 57% респондентов предпочитают формальное трудоустройство, обеспечивающее материальный доход и социальные гарантии. В сельской местности подобное трудоустройство – редкость, но есть вероятность устройства на временную работу у китайских или российских фермеров. Как правило, жители выбирают работу у иностранных фермеров, мотивируя тем, что те более лояльны к местному населению.

Даже при весьма небольших возможностях официального трудоустройства в сельской местности, заинтересованное население находит дополнительную работу (см. табл. 7).

Как видно из представленной таблицы, почти 20% опрошенных имеют дополнительный источник дохода. При этом только 3% из них – это официальное совмещение. Следовательно, остальные 17% могут быть отнесены к занятым в неформальном секторе. Однако, как видно из последующих ответов респондентов, ситуация с неформальной занятостью намного сложнее (см. табл. 8).

Таблица 7 (Table 7)

Ответы на вопрос: «Имеете ли вы дополнительную работу?», %
Respondents' answers to the question: "Do you have an additional work?", %

Ответ респондента	
Нет	79,4
Официальная, неполный рабочий день	3,1
Неформальная, полный рабочий день	2,1
Неформальная, неполный рабочий день	4,6
Самозанятость	8,8
Занятость по устной договорённости	1,5
Занятость у частного лица	0,5
Всего	100,0

Таблица 8 (Table 8)

Ответы респондентов на вопрос: «Почему вы заняты в неформальном секторе?», %
Respondents' answers to the question: «Why are you employed in the informal sector?», %

Ответ респондента	
Нет ответа	77,8
Нет официальных рабочих мест	12,9
Нет достаточного образования для официальной занятости	0,5
Нет желания работать на «чужого дядю»	3,6
Другое	5,2
Всего	100,0

Из таблицы следует, что заняты в неформальном секторе около 22% опрошенных. Заслуживает отдельного внимания тот факт, что больше половины из них (почти 13%) составляют люди, вынужденно занятые в неформальной экономике, которым не удалось найти официального трудоустройства.

На наш взгляд, сложилась достаточно напряжённая ситуация в связи с тем, что почти пятую часть трудоспособного населения сельской местности Дальнего Востока составляют люди, исключённые из правового поля регулирования трудовой деятельности. Это влечёт за собой целый комплекс негативных последствий как экономического плана (уклонение от налогообложения, отсутствие социальных гарантий и пенсионного обеспечения), так и социальных, связанных с невозможностью баланса интересов работник – работодатель.

В ситуации, когда поиск мест трудоустройства, как официальных, так и неформальных, достаточно затруднён, одним из возможных вариантов решения проблемы может являться получение дополнительной, более востребованной профессии. Однако, как показывает опрос, ситуация несколько иная.

Таблица 9 (Table 9)

Ответы респондентов на вопрос: «Вы готовы получить дополнительное образование для нахождения новой работы?», %*

Respondents' answers to the question: «Are you ready to receive additional education to find a new job?», %

Ответ респондента	
Да, высшее	24,2
Да, среднее специальное	14,9
Да, курсы повышения квалификации	10,8
Да, без отрыва от рабочего места	8,8
Нет	51,0
Затрудняюсь	0,5
Всего	110,3

*Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Больше половины опрошенных не имеют желания или не готовы получать дополнительное образование. Конечно, значительная часть из них — это люди в возрасте 50 лет и старше, однако стоит отметить, что примерно треть — люди в возрасте до 50 лет. На наш взгляд, подобная ситуация в значительной степени связана с нежеланием людей предпринимать сколько-нибудь значительные усилия для её изменения в лучшую сторону. Они готовы работать эпизодически, скрываясь от государства, или не работать вовсе, но не желают получать новую профессию. Хотя, стоит отметить, что может быть и иное объяснение. Люди не верят, что получение новой профессии, т. е. инвестиционные вложения в свой человеческий капитал, им удастся компенсировать в обозримом будущем.

Более подробно ситуация в сёлах и проблемы нестандартной занятости сельских жителей рассматриваются в работе авторов, основанной на более раннем исследовании [9]. Но, как показал анализ результатов нынешнего социологического исследования, ситуация кардинальным образом не изменилась (см. табл. 6). Местным жителям, особенно, занимающимся сельским хозяйством как в селе, так и в пригороде, для сохранения самозанятости, приносящей относительно стабильные доходы, приходится самостоятельно искать рынки сбыта или вообще отказываться от подобной занятости в связи с возникающими сложностями.

Значительный процент опрошенных (более 60%) для обеспечения своей семьи используют природные ресурсы. Предпочтение отдаётся сбору дикоросов (45%) и рыбалке (38%). Около 20% респондентов занимаются охотой; как правило, это жители районов, имеющих наименьшую заселённость и природные предпосылки к подобного рода деятельности (Облученский и Октябрьский).

В последние годы в области активно внедряются нестандартные виды занятости, такие как фриланс, телетруд, аутсорсинг (1% опрошенных респондентов). Отметим, что это не повсеместное, но часто используемое в определённых кругах деятельности изменение стандартной формы занятости, необходимое для нормального функционирования

малого предприятия. Специалист, привлекаемый руководителем индивидуального или малого предприятия, выполняет определённую работу, не привязываясь ни к рабочему графику, ни к офису работодателя, что позволяет ему самостоятельно контролировать рабочий процесс и свой доход (т. к. появляется возможность одновременно выполнять работу для нескольких резидентов). Одними из часто использующих возможности аутсорсинга являются предприятия, оказывающие рекламные услуги. Сельские предприниматели, работающие в одном населённом пункте, зачастую используют аутсорсинг (транспортный для совместной доставки грузов, наём спецтехники для выполнения определённых видов работ).

Таблица 10 (Table 10)

Ответы на вопрос: «Что нужно сделать в области и в вашем населённом пункте для успешного и устойчивого социально-экономического развития?», % *

Answers to the question: "What needs to be done in the region and in your locality for successful and sustainable socio-economic development?", %

Ответ респондента	
Создать рабочие места и условия для работы	35,3
Восстанавливать и развивать сельское хозяйство	13,3
Привести дороги в нормальное состояние и наладить общественный транспорт	12,1
Улучшить жизнь на селе (провести благоустройство; организовать досуг детей и молодёжи через развитие торговых, спортивных, образовательных центров)	22,5

*Приведены не все ответы.

По мнению респондентов, наибольший эффект для развития территории будет иметь создание рабочих мест. Подобным образом высказываются более трети опрошенных. Характерно, что на селе неудовлетворёнными условиями жизни значительно меньше. Люди согласны жить в весьма стеснённых жизненных условиях, ставя на первое место возможность трудоустройства (приоритет при этом отдаётся сельскохозяйственному труду), что, на наш взгляд, весьма показательно.

Заключение

Таким образом, анализ статистических данных, принятых нами за объективные показатели, и ответы респондентов социологического исследования, отнесённые к субъективным данным, подтверждают наличие существующей проблемы личной занятости населения в ЕАО.

Попытки разграничить факторы, оказывающие влияние на занятость населения ДФО на объективные (действующие вне зависимости от желания населения) и субъективные (как традиционные элементы историко-культурных практик и представлений) дают нам следующий результат. Объективные факторы: 1. Комплекс демографических характеристик населения, характеризующих процесс сокращения и старения населения Дальнего Востока; 2. Миграционные факторы, приводящие

как к перераспределению занятости внутри региона, так и к оттоку работоспособного населения, явно просматриваемые элементы маятниковой миграции (удалённая и вахтовая занятость). Субъективные факторы:

1. Глубоко укоренившаяся практика использования архаичных источников дохода для самообеспечения семьи (охота, рыбалка, дикоросы);
2. Возникновение и закрепление представления о том, что крупное сельскохозяйственное предприятие может стать решением большинства экономических и социальных проблем региона;
3. Пассивность значимой части населения в решении вопросов занятости (как пример – нежелание дополнительного обучения, переквалификации);
4. Определённая легитимизация неформальных, скрытых форм занятости.

Среди респондентов, считающих себя безработными, велика доля тех, кто при строгом использовании методики МОТ являются экономически неактивными и самозанятыми. Так, около 20% сельского населения исключено из правового поля регулирования трудовой деятельности.

Отсутствие постоянной занятости у сельского населения влечёт комплекс негативных социально-экономических последствий. Несмотря на это, почти у 60% респондентов в приоритете формальное трудоустройство, которое не всегда обеспечивает необходимыми финансами семью занятого, но более привычно с точки зрения восприятия обычного сельского жителя (формально устроен, значит – есть стабильность). Примечательно, что население не готово получать дополнительное образование или новые специальности для изменения своего трудового статуса, предпочитая не работать вообще или заниматься приусадебным сельским хозяйством.

В поисках заработков как мужское, так и женское занятое население всё чаще прибегает к отходничеству. Заставляет задуматься и тот факт, что у трети работающих вахтовым методом, и соответственно подолгу отсутствующих по месту постоянного жительства, в перспективе могут измениться семейные ценности, что может сказаться на внутрисемейных отношениях, а возможно и привести к распаду семей.

Большая часть населения в обеспечении своих семей использует природные ресурсы (рыболовство, охоту, собирательство), что может свидетельствовать об особенностях местной кухни или о крайне низком достатке семей, нуждающихся в использовании бесплатных продуктов питания.

Более трети опрошенных высказались о необходимости создания дополнительных рабочих мест, как правило, сельскохозяйственной направленности, не задумываясь о сложных агроклиматических условиях территории области, поскольку считают сельское хозяйство естественным занятием на селе.

Библиографический список

1. Андреев Е., Вишневский А. Ближайшие демографические перспективы России // Демоскоп Weekly. № 601–602. 2–15.06.2014. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0601/s_map.php (дата обращения: 5.03.2021).

2. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 400 с.
3. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 47–57.
4. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник Института социологии. 2016. № 3 (18). С. 57–69.
5. Голиусова Ю. В. Проблемы социальной мобильности молодежи с прекарной занятостью // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения). Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.: сб. научных трудов. Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 94–102.
6. Голиусова Ю. В. Прекарная занятость молодежи (по результатам социологических исследований) // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. статей Международного форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / Под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 184–188.
7. Голиусова Ю. В. Прекарная занятость молодежи как способ избегания безработицы и незанятости // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2019. № 4. С. 74–83.
8. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество // Веб-сайт «Рыбаковский Л. Л.». URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (дата обращения: 12.03.2021).
9. Калинина И. В., Соловченков С. А. Проблемы развития нестандартной занятости в сельской местности Еврейской автономной области // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 4. С. 33–45.
10. Комарова Т. М. Современные тенденции в возрастной и половой структуре населения Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 131–134.
11. Комарова Т. М. Экономико-географические факторы территориальной организации хозяйства Еврейской автономной области на этапе перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. геогр. наук / Рос. акад. наук. Сибирск. отд-ние. Ин-т географии им. В. Б. Сочавы. Иркутск, 1998. 171 с.
12. Комарова Т. М., Калинина И. В., Мищук С. Н. Социально-демографическая безопасность приграничного региона (на примере Еврейской АО) // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 578–595.
13. Комарова Т. М., Неверова Г. П., Суховеева А. Б. Демографический кризис и моделирование демографического развития приграничного региона юга Дальнего Востока России (на примере Еврейской автономной области) // Национальные проекты и сбережение нации. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 155–163.

14. Мищук С. Н. Динамика внутренней и международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России // Наука. Культура. Общество. 2020. № 1. С. 68–74.
15. Мищук С. Н., Калинина И. В. Современная социально-экономическая ситуация в Еврейской автономной области в период реализации инвестиционных проектов // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 95–102.
16. Население России 2013: Двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С. В. Захаров. М.: ИД ВШЭ, 2015. 428 с.
17. Никифорова А. А. Рынок труда: занятость и безработица. М.: Международные отношения, 1991. 184 с.
18. Павловский Е. В. Краткосрочное прогнозирование миграции в России. Диссертация ... канд. экон. наук / ФГБОУ Высшего образования «Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет». СПб., 2019. 181 с.
19. Ревуцкая О. Л., Красота Т. Г. Производственный потенциал Еврейской автономной области: оценка и сопоставление с регионами Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2020. Т. 23. № 4. С. 22–34.
20. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
21. Тощенко Ж. Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 3–13.

Статья поступила 30.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Комарова Татьяна Михайловна, кандидат географических наук, доцент, заместитель директора по научной работе ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан, Россия
Калинина Ирина Владимировна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан, Россия
Соловченков Сергей Александрович, кандидат социологических наук, учёный секретарь ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

Subjective and Objective Assessments of Personal Employment at the Russian Far East (Jewish Autonomous Region as a Case study)

Tatiana M. Komarova

ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: carpi-komarova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7876-4284

Irina V. Kalinina

ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: gaevaiv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8628-8505

Sergey A. Solovchenkov

ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: solovchenkov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2687-725X

For citation: Komarova T. M., Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Subjective and objective assessments of personal employment at the Russian Far East (Jewish Autonomous Region as a case study). *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No 2. P. 101–122. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

Abstract. Based on objective and subjective assessments, the article draws conclusions about the personal employment of the population of the residents of the Jewish Autonomous Region. The main demographic problems reflecting the current situation in the region are revealed. It is demonstrated that, in comparison with other Far Eastern regions, the Jewish Autonomous Region is in the position of an outsider in some indicators (for example, in mortality), and in others – in a position of a leader (for example, in reducing the growth of unemployment). The general socio-economic situation in the region testifies to the persistence of negative trends in the post-perestroika period. These conclusions are confirmed by the subjective assessments of the residents of the region, obtained in the course of a sociological study. Among the interviewees who consider themselves unemployed, there are both self-employed and economically inactive. It was revealed that about 22% of the respondents are employed in the informal sector, moreover, more than half of them are referred to as “forced-employed”, since they have not been able to officially find a job. The urban population overwhelmingly prefers standard forms of employment, perceiving informal employment rather as a possible addition to the main place of work. In rural areas, the situation is the opposite, since informal employment takes the leading place, in fact performing the functions of the main employment. At the same time, the population rather passively uses the possibilities of obtaining additional income, preferring to live on benefits or to take odd jobs. The population practically does not use the opportunity to improve their qualifications or obtain an additional (new) work specialty. More than 60% of the respondents partially provide for their families, using archaic economic practices, i.e., collecting and processing natural resources (wild plants, hunting and fishing), that may indicate both a certain cultural phenomenon of the local population and a lack of financial resources in a significant part of the population. A certain mythologisation of the role of large agricultural enterprises in the development of the territory take place among the local rural population. A significant part of the surveyed rural population considers the creation of agricultural jobs to be a priority area of development, despite the fact that this type of activity has never been the main one and has not brought much income to the region, given the difficult agro-climatic conditions of the region.

Keywords: interregional migration, personal employment, unemployment, informal types of employment, demographic trends

References

1. Andreev E., Vishnevskij A. Blizhajshie demograficheskie perspektivy Rossii [Immediate demographic prospects for Russia]. *Demoskop Weekly*: 601-602b: 2-15:06.2014. Accessed 5.03.2020. URL: www.demoscope.ru (in Russ.).
2. Gimpel'son V. E., Kapeljushnikov R. I. Nestandartnaja zanjatost' i rossijskij rynek truda [Precarious work and the Russian labor market]. Moscow, Izd. dom GU VShJe, 2006: 400. (in Russ.)
3. Golenkova Z. T., Goliusova YU. V. Prekariat kak novaya gruppa nayemnykh rabotnikov [Precaria as a new group of employees]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2015: 1 (195): 47–57. (in Russ.)
4. Golenkova Z. T., Goliusova YU. V. Rossiyskiy prekariat: problemy nakopleniya chelovecheskogo kapitala [Russian precariat: problems of human capital accumulation]. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2016: 3 (18): 57–69. (in Russ.)
5. Goliusova YU. V. Problemy sotsial'noy mobil'nosti molodezhi s prekarnoy zanyatost'yu [Problems of social mobility of youth with precarious employment]. Pitirim Sorokin i paradigm global'nogo razvitiya XXI veka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya). Sbornik nauchnykh statey [Pitirim Sorokin and the paradigms of the global development of the Central Agricultural Institute of the century (to the 130th anniversary of his birth). Collection of scientific articles.]. Syktyvkar, Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2019: 94–102. (in Russ.)
6. Goliusova YU. V. Prekarnaya zanyatost' molodezhi (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Precarious youth employment (based on the results of sociological research)]. V sbornike: Budushcheye sfery truda: global'nyye vyzovy i regional'noye razvitiye. Sbornik statey Mezhdunarodnogo foruma. Ed by G. R. Baymurzinoy, R. M. Valiakmetova. Ufa, Mir Pechati, 2019: 184–188. (in Russ.)

7. Goliusova YU. V. Prekarnaya zanyatost' molodezhi kak sposob izbeganiya bezrobotitsy i nezanyatosti [Precarious employment of young people as a way to avoid unemployment and unemployment]. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' Instituta sotsiologii FNISTS RAN*, 2019: 4: 74–83. (in Russ.)
8. Demograficheskiy potencial Dal'nego vostoka, ego dinamika i kachestvo [Demographic potential of the Far East, its dynamics and quality]. Accessed 12.03.2021. URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (in Russ.)
9. Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Problems of the development of precarious employment in rural areas of the Jewish Autonomous Region. *Izvestiya Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja*, 2018: 4: 33–45. (in Russ.)
10. Komarova T. M. Current trends in the age and sex structure of the population of the Jewish Autonomous Region. *Regional'nye problemy*, 2016: 19: 4: 131–134. (in Russ.)
11. Komarova T. M. Jekonomiko-geograficheskie faktory territorial'noj organizacii hozjajstva Evrejskoj avtonomnoj oblasti na jetape perehoda k rynochnym otnoshenijam [Economic and geographical factors of the territorial organization of the economy of the Jewish Autonomous Region at the stage of transition to market relations]: dis. ... kand. geogr. nauk / Ros. akad. nauk. Sibirsk. otd-nie. In-t geografii im. V. B. Sochavy. Irkutsk, 1998: 171. (in Russ.)
12. Komarova T. M., Kalinina I. V., Mishhuk S. N. Social'no-demograficheskaja bezopasnost' prigranichnogo regiona (na primere Evrejskoj AO) [Socio-demographic security of the border region (on the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Voprosy geografii. Sb. 141: Problemy regional'nogo razvitija Rossii* / Ed by V. M. Kotljakov, V. N. Streleckij, O. B. Glezer, S. G. Safronov. Moscow, Izd. dom Kodeks, 2016: 578–595. (in Russ.)
13. Komarova T. M., Neverova G. P., Suhoveeva A. B. Demograficheskiy krizis i modelirovanie demograficheskogo razvitija prigranichnogo regiona juga Dal'nego Vostoka Rossii (na primere Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Demographic crisis and modeling of the demographic development of the border region in the south of the Russian Far East (on the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Nacional'nye proekty i sberezhenie natsii*. Moscow, 2008: 155–163. (in Russ.)
14. Mishhuk S. N. Dynamics of internal and international labor migration in the Russian Far East. *Nauka. Kul'tura. Obshhestvo*, 2020: 1: 68–74. (in Russ.)
15. Mishhuk S. N., Kalinina I. V. The current socio-economic situation in the Jewish Autonomous Region during the implementation of investment projects. *Regional'nye problemy*, 2017: 20: 4: 95–102. (in Russ.)
16. Naselenie Rossii 2013: 21 ezhegodnyj demograficheskiy doklad [Population of Russia 2013: 21st annual demographic report]. Ed by S. V. Zaharov. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015: 428. (in Russ.)
17. Nikiforova A. A. Rynok truda: zanyatost' i bezrobotica [Labor market: employment and unemployment]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991: 184. (in Russ.)
18. Pavlovskij E. V. Kratkosrochnoe prognozirovanie migracii v Rossii [Short-term forecasting of migration in Russia] dis. ... kand. jekon. Nauk, FGBOU Vysshego obrazovaniya Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj Jekonomicheskij Universitet, St. Petersburg, 2019: 181. (in Russ.)
19. Revuckaja O. L., Krasota T. G. The production potential of the Jewish Autonomous Region: assessment and comparison with the regions of the Far Eastern Federal District. *Regional'nye problemy*, 2020: 23: 4: 22–34. (in Russ.)
20. Toshhenko Zh. T. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu [Precariat: from protoclass to a new class]. Moscow, Nauka, 2018: 350. (in Russ.)
21. Toshhenko Zh. T. Precarious employment is a phenomenon of the modern economy. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 8: 3–13. (in Russ.)

The article was submitted on: April 30.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana M. Komarova, Candidate of Geographic Sciences,
Deputy Director for scientific work of the ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

Irina V. Kalinina, Candidate of Geographic Sciences, senior researcher,
ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

Sergey A. Solovchenkov, Candidate of Sociological Sciences, Scientific Secretary of the
ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

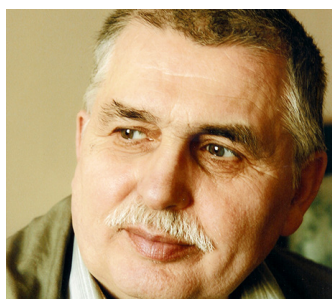
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РФ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–2018 гг.

Ссылка для цитирования: Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. Динамика численности населения приоритетных геостратегических территорий России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 123–142. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

For citation: Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzalieva D. D. Population dynamics of priority geostrategic Territories of Russia in 2010–2018. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 123–142. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

**Пациорковский
Валерий Валентинович¹**

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

patsv@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 71701

**Симагин
Юрий Алексеевич¹**

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

yas63@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 76033

**Муртузалиева
Джамиля Джавидовна¹**

¹Институт социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

djama76@list.ru

AuthorID РИНЦ: 500138

Аннотация. В статье представлен анализ динамики численности населения приоритетных геостратегических территорий Российской Федерации. Они выделены в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» как территории, имеющие особое значение для развития страны в целом и отличающиеся при этом особыми условиями жизнедеятельности населения и функционирования экономики вследствие

своего географического положения. Динамика численности населения для таких территорий является одновременно и фактором, определяющим социально-экономическое развитие, и показателем, характеризующим результативность этого развития. Отдельное значение при этом имеют составляющие динамики численности населения – естественный прирост и миграционные потоки. В статье описаны все четыре группы приоритетных геостратегических территорий России – обособленные от основной территории страны (эксклавы), расположенные на Северном Кавказе и Дальнем Востоке, в Арктической зоне Российской Федерации. Для каждой группы выявлены тенденции динамики численности населения с момента переписи 2010 г. с учётом составляющих – естественного прироста и миграций. Выявлена разнонаправленность основных демографических процессов на приоритетных геостратегических территориях страны – естественный прирост сочетается с миграционным оттоком населения, а миграционный приток – с естественной убылью. При этом на эксклавных и северокавказских территориях численность населения растёт, а на дальневосточных и арктических – сокращается. Показаны особенности как групп приоритетных геостратегических территорий по сравнению с Россией в целом, так и отдельных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований внутри групп территорий. Последнее стало возможным за счёт использования базы данных «Муниципальная Россия», в которой обобщена демографическая статистика по всем городским округам и муниципальным районам страны, в том числе расположенным на приоритетных геостратегических территориях. В результате проведённого анализа динамики численности населения выявлены направления, которые могут привести к улучшению демографической ситуации на приоритетных геостратегических территориях страны, и, соответственно, будут способствовать социально-экономическому развитию не только этих территорий, но и всей Российской Федерации.

Ключевые слова: приоритетные геостратегические территории, динамика численности населения, миграции и естественное движение населения, эксклавы, Северный Кавказ, Дальний Восток, Арктическая зона России

В феврале 2019 г. Правительством России утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года» (далее – Стратегия)¹. В ней выделены два типа территорий: 1) «перспективный центр экономического роста» – территория одного или нескольких муниципальных образований и (или) акватория, обладающие потенциалом для обеспечения значительного вклада в экономический рост Российской Федерации и/или её субъекта; 2) «геостратегическая территория Российской Федерации» – территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации, имеющая существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации, характеризующаяся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности. В свою очередь геостратегические территории разделены на приоритетные и приграничные.

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения: 20.02.2020).

Проблематика перспективных центров экономического роста и приграничных геостратегических территорий представляет собой самостоятельный объект изучения, который в данной работе не рассматривается. Цель исследования – идентифицировать приоритетные геостратегические территории и показать их роль в демографическом развитии страны в 2010–18 гг. Как показано ниже, в обсуждаемом документе приоритетные геостратегические территории представлены на довольно высоком уровне обобщения, а именно: субъектами Российской Федерации. Конкретизация их представления предполагает переход на более низкий уровень обобщения – муниципальные образования (МО). Базовая гипотеза исследования формулируется следующим образом: приоритетные геостратегические территории в демографическом плане представляют собой довольно пёстрое явление, требующее различных социально-экономических мер для поддержания численности населения. В качестве объекта исследования взяты МО верхнего уровня – городские округа (ГО) и муниципальные районы (МР), находящиеся на геостратегических территориях. В роли основного источника первичной информации и одновременно инструмента исследования и анализа используется база данных «Муниципальная Россия»¹, в которую внесены данные (в основном демографического характера) по всем ГО и МР страны – 2353 единицы по состоянию на начало 2019 г.

Приоритетные геостратегические территории России

К приоритетным геостратегическим территориям относятся четыре группы субъектов Российской Федерации:

1. Эксклавные территории: Республика Крым, город Севастополь, Калининградская область.
2. Расположенные на Северном Кавказе: республики Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия–Алания, Чеченская и Ставропольский край.
3. Находящиеся на Дальнем Востоке: республики Бурятия и Саха (Якутия), края Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский, области Амурская, Еврейская автономная, Магаданская, Сахалинская и Чукотский автономный округ.
4. Входящие в Арктическую зону в соответствии с Указом Президента России «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации»². В соответствии с этим указом к рассматрива-

¹ База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели Папирковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.

² Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d4d8e8206d56fc949d.pdf> (дата обращения: 26.02.2020).

емой категории территорий отнесены: Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, территория муниципального образования городского округа «Воркута» в Республике Коми, семь МО Архангельской области, ГО Норильск, МР Таймырский и Туруханский Красноярского края, пять улусов (МР) Республики Саха (Якутия).

Здесь следует отметить, что между упомянутым Указом и непосредственно Стратегией имеются некоторые расхождения. В Стратегии в состав Арктической зоны дополнительно включены три приморских МР Республики Карелия, а именно: Беломорский, Кемский и Лоухский. Более того, в мае 2019 г. был подписан Указ Президента Российской Федерации¹, в соответствии с которым в состав Арктической зоны дополнительно включены ещё 8 улусов Республики Саха (Якутия). «Глава государства включил в состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации восемь районов Якутии – Абыйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оленёкский, Среднеколымский и Эвено-Бытантайский улусы, которые полностью или частично находятся за Полярным кругом. Ранее в состав Арктической зоны Российской Федерации входили только пять из тринадцати арктических районов республики – Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский. Включение этих территорий в состав Арктической зоны позволит распространить на них действие программ по развитию Арктики»².

В настоящее время приоритетные геостратегические территории включают в себя 468 ГО и МР (19,9% всех МО верхнего уровня в стране) в 29 субъектах Российской Федерации. В 2018 г. в них проживало 23,6 млн человек или 16,1% населения страны. В таблице 1 представлены характеристики четырёх групп приоритетных геостратегических территорий страны. Выполненные расчёты не содержат повторный счёт, т. к. МО Чукотского АО и Республики Саха (Якутии), которые относятся к Арктической зоне, были исключены из подсчётов по Дальнему Востоку, хоть они и входят в состав Дальневосточного федерального округа. На рисунке 1 показан общий контур приоритетных геостратегических территорий на карте России.

Из данных таблицы видно, что среди приоритетных геостратегических территорий самая низкая численность населения характерна для Арктической зоны. При общей плотности населения этой зоны в среднем около 1 человека на 2 км² (в 15 раз меньше среднероссийской), плотность населения в сельской местности составляет всего около 1 человека на 20 км², а городские агломерации

¹ Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 220 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201905130027?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 06.03.2020).

² Все арктические улусы Якутии включены в состав Арктической зоны РФ. URL: https://minvr.ru/press-center/news/22000/?sphrase_id=1098719 (дата обращения: 06.03.2020).

практически отсутствуют. Изолированность и ограниченность постоянных автомобильных или железнодорожных транспортных связей – характерная черта основной части указанных территориальных образований.

Таблица 1 (Table 1)

Группы приоритетных геостратегических территорий России в 2018 г.

Groups of priority geostrategic territories of Russia in 2018

Приоритетные геостратегические территории	Число субъектов РФ	Число МО	Население, млн человек	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Эксклавы	3	48	3,3	64,8	-1,9	1,2
Северный Кавказ	7	144	9,8	49,8	8,1	4,2
Дальний Восток	10	210	8,0	73,2	1,5	-1,5
Арктическая зона	9	66	2,4	87,9	2,5	-3,1
Все приоритетные геостратегические территории страны	29	468	23,5	63,9	3,9	1,0
Россия в целом	85	2353	146,8	74,1	-0,01	1,2

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Рис. 1. Приоритетные геостратегические территории России

Figure 1. Priority geostrategic territories of Russia

Источник: составлено авторами на картографической основе «Россия_векторная_карта». URL: <https://rpk-berega.ru/wp-content/uploads/2014/06/31.jpg> (дата обращения: 06.03.2020).

С учётом быстрого сокращения численности населения (фактически за 7 лет с момента проведения переписи населения в конце 2010 г. до начала 2018 г. почти на 0,5% в среднем за год) именно Арктическую зону России уместно рассматривать как территорию для принятия безотлагательных мер по ускорению социально-экономического развития. Частично это обстоятельство нашло отражение в Стратегии. Ясно, что среди геостратегических территорий в ближайшей перспективе значительный импульс развития получают приоритетные территории Арктической зоны. Связано это, прежде всего, с ростом перевозок по Северному морскому пути и освоением месторождений энергоресурсов Российской Арктики, в том числе шельфовых. В Стратегии указанные задачи сформулированы следующим образом: «За счёт обеспечения функционирования и роста грузопотока Северного морского пути как полноценного международного транспортного коридора, включая развитие ледокольного флота...»; «Сдвиг производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов...». Относительно МО это в первую очередь относится к МР Таймырскому (Дудинка, Диксон) в Красноярском крае и Булунскому (Тикси) в Республике Саха (Якутия), чукотским ГО Певек и Анадырь. В рамках реализации этих намерений в Певеке уже начала работать первая плавучая атомная электростанция, которая призвана обеспечить потребности не только существующей, но и перспективной портовой инфраструктуры.

Демографические проблемы групп приоритетных геостратегических территорий России

Специальные программы и структуры, направленные на ускоренное социально-экономическое развитие, существуют также для эксклавных регионов страны и субъектов Северо-Кавказского федерального округа. При этом, исходя из динамики численности населения, которая равна или лучше среднероссийской, основной упор в этом случае должен быть сделан именно на развитие экономики, приоритетным направлением в которой может стать туризм и курортное хозяйство. К тому же развитие этой сферы сможет существенно улучшить состояние социальной и транспортной инфраструктуры эксклавов и Северного Кавказа.

В таблице 2 показаны характеристики эксклавных приоритетных геостратегических территорий страны. Эта группа, по сравнению с другими группами приоритетных геостратегических территорий, включает в себя меньше всего субъектов Российской Федерации и МО, а также является относительно однородной по половозрастному и этническому составу жителей, что определяет близкие демографические характеристики населения этих территорий.

Таблица 2 (Table 2)

Характеристики эксклавных приоритетных геостратегических территорий России в 2018 г.

Characteristics of the exclave priority geostrategic territories of Russia in 2018

Эксклавные приоритетные геостратегические территории	Число МО	Население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Калининградская область	22	994,6	77,9	-0,1	6,1
Республика Крым	25	1913,0	50,9	-3,2	-2,6
Город Севастополь	1	432,7	92,9	-1,2	13,6
Все эксклавы России	48	3340,3	64,8	-1,9	1,2

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Тем не менее, как показывают данные таблицы 2, вместе со сходствами, можно выделить и определённые особенности эксклавных регионов. Общими являются естественная убыль населения (что во многом связано со старой возрастной структурой жителей) и положительное сальдо миграций, которое можно объяснить, если сравнивать с большинством регионов страны, благоприятными природно-климатическими условиями и развитой инфраструктурой. Соотношение «отрицательный естественный прирост/положительное сальдо миграций» является типичным для большинства западных регионов европейской части России, к которым относятся и эксклавные территории.

Но итоговый результат динамики численности населения при одинаковой направленности демографических процессов оказывается различным. В Калининградской области и, особенно, в Севастополе, миграционный прирост значительно перекрывает естественную убыль населения, что обуславливает рост численности населения темпами, которые за период 2010–18 гг. в 5 и 11 раз соответственно превысили среднероссийские.

В Севастополе, как и в других МО России, где значительной частью жителей являются военнослужащие и члены их семей, динамика численности населения во многом связана с передислокацией воинских формирований. Но в Калининградской области прирост населения связан с интенсивным миграционным притоком «обычного гражданского» населения, в основном из других регионов России. В итоге здесь даже некоторые небольшие города отличаются очень быстрым ростом численности населения за рассматриваемый период, что для России является большой редкостью: ГО Гурьевский +26%, МР Светлогорский +20%, ГО Зеленоградский +12%, т. е. прирост 1,7% и более в среднем ежегодно за фактически 7 лет с момента проведения переписи населения в конце 2010 до начала 2018 гг.

В Республике Крым положительное сальдо миграций перекрывает естественную убыль населения только в некоторых МО, расположенных на южном «курортном» побережье полуострова: Судак +8%, Алушта

+4% и др. В большинстве МО, расположенных в степной аграрной части Крыма и удалённых от основных курортных центров, население сокращается не только за счёт естественной убыли (несмотря на преобладание сельского населения), но и за счёт миграционного оттока. В итоге и общая численность населения в регионе сокращается. Аналогичную территориальную дифференциацию демографических процессов можно наблюдать в соседнем Краснодарском крае. Но там общая численность региона населения растёт во многом за счёт административного центра Краснодара: +19% за указанный период, тогда как в административном центре Крыма – Симферополе – численность населения сокращается.

В целом эксклавные приоритетные геостратегические территории характеризуются за период 2010–18 гг. динамикой численности населения, которая соответствует среднероссийской (см. табл. 1). Но, чтобы её хотя бы сохранить, скорее всего потребуются принятие специальных мер по сокращению естественной убыли населения, чего в настоящее время не предусмотрено. Такие меры могли бы быть внесены отдельным (пятым) пунктом в перечень существующих направлений развития эксклавных территорий России. Сегодня, согласно Стратегии, основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, характеризующимся эксклавным положением, являются: 1) обеспечение транспортной, энергетической и информационно-телекоммуникационной безопасности; 2) обеспечение уровня жизни, сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в Российской Федерации (для Калининградской области – сопоставимого (или выше) с уровнем жизни в приграничных странах Европейского Союза); 3) обеспечение темпов экономического роста, сопоставимых (или выше) с темпами экономического роста Российской Федерации (для Калининградской области – сопоставимого (или выше) с темпами экономического роста в приграничных странах Европейского Союза); 4) сохранение существующих особых режимов ведения предпринимательской деятельности.

Регионы Северного Кавказа имеют очень важное значение для обеспечения территориальной целостности и безопасности нашей страны. Они граничат с поясом низкой стабильности, которая уже много лет присуща Южному Кавказу [8]. В таблице 3 представлены характеристики приоритетных геостратегических территорий страны, расположенных на Северном Кавказе.

Доля сельского населения на Северном Кавказе составляет 51,2% (в среднем по Российской Федерации – 26,9%). Самый низкий уровень урбанизации населения – в Чеченской республике (34,8%). В основном отсюда и высокая рождаемость, характерная для сельской местности. Соответственно, регионы с наибольшей долей городского населения (Республика Северная Осетия–Алания с 64,2% и Ставропольский край с 58,4%) характеризуются относительно низким уровнем рождаемости и низкой или отрицательной динамикой численности населения.

Таблица 3 (Table 3)

Характеристики северокавказских приоритетных геостратегических территорий России в 2018 г.

Characteristics of the North Caucasian priority geostrategic territories of Russia in 2018

Приоритетные геостратегические территории Северного Кавказа	Число МО	Население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Республика Дагестан	51	3063,8	45,2	12,3	6,7
Республика Ингушетия	9	488,0	55,3	13,0	18,4
Кабардино-Балкарская Республика	13	865,8	52,1	5,4	0,7
Карачаево-Черкесская Республика	12	466,3	42,6	2,4	-1,6
Республика Северная Осетия–Алания	9	701,7	64,2	3,7	-1,4
Чеченская Республика	17	1436,9	34,8	16,6	14,9
Ставропольский край	33	2800,6	58,4	1,3	0,8
Весь Северный Кавказ	144	9824,1	49,8	8,1	4,2

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Самые высокие показатели естественного прироста населения за период 2010–18 гг., как, впрочем, и в предыдущие периоды, наблюдались в Чеченской Республике, Ингушетии и Дагестане. Отрицательное сальдо миграционного движения населения в этих регионах было меньше естественного прироста, что в итоге привело к положительной динамике численности населения республик в целом.

В Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиках положительный естественный прирост и отрицательное миграционное сальдо почти уравнивали друг друга, что привело к незначительным изменениям численности населения за изучаемый период.

Среди муниципальных образований лидером по увеличению численности населения на Северном Кавказе и по всей России является ГО Магас в Республике Ингушетия – к началу 2018 г. рост в 2,5 раза по сравнению со временем переписи 2010 г. Значительным ростом численности населения характеризуются также многие ГО Чеченской Республики и Дагестана за счёт сочетания значительного естественного прироста и миграционного притока населения из других МО соответствующих регионов. Например, в ГО Аргун Чеченской Республики с 2010 г. население выросло на 26,5%.

Сокращение численности населения характерно для большинства муниципалитетов Ставропольского края. Исключениями в этом регионе являются только административный центр Ставрополь, прилегающий к нему Шпаковский муниципальный район и некоторые ГО в составе городской агломерации Кавказские Минеральные Воды. Во всех слу-

чаях население росло в основном за счёт миграций как из других МО Ставропольского края, так и из других регионов России и зарубежных стран.

Миграционный отток населения из большинства регионов Северного Кавказа при современном уровне развития экономики можно считать скорее положительным, чем отрицательным явлением [1]. Но миграции носят в основном стихийный характер. Для управления миграционными процессами в Северо-Кавказском федеральном округе необходимы разработка и реализация специальных программ, предусматривающих комплекс административных и социально-экономических мер по количественной, качественной и пространственной регуляции миграционных потоков, а также обеспечение процесса взаимной адаптации мигрантов с Северного Кавказа и принимающего их населения России.

Основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных на Северном Кавказе, согласно Стратегии, являются: 1) повышение доступности получения качественного образования на всех уровнях образовательного процесса, в том числе за счёт строительства и реконструкции объектов общеобразовательных организаций и создания в них новых мест; 2) содействие повышению мобильности трудовых ресурсов в целях снижения напряжённости на локальных рынках труда путём стимулирования привлечения трудовых ресурсов в субъекты Российской Федерации, являющиеся приоритетными; 3) создание системы управления в сфере туризма в Северо-Кавказском макрорегионе; 4) совершенствование существующих и создание новых институтов развития, в том числе особых режимов ведения предпринимательской деятельности; 5) содействие выявлению, сохранению и развитию традиционных народных промыслов; 6) содействие увеличению пассажиро- и грузооборота через морские порты и международные пункты пропуска через государственную границу РФ, расположенные в субъектах федерации и имеющие выход к Каспийскому бассейну, посредством расширения межгосударственного социально-экономического сотрудничества со странами, входящими в международный транспортный коридор «Север–Юг», а также развитие соответствующей портовой инфраструктуры, железнодорожных и автомобильных подходов к морским портам; 7) повышение эффективности энергоснабжения потребителей на территории субъектов Российской Федерации, расположенных на Северном Кавказе, в том числе за счёт модернизации сетей газо- и электроснабжения; 8) ликвидация проблем в сфере безопасности населения, проживающего на территориях, подверженных высокому риску возникновения чрезвычайных ситуаций природного характера.

В таблице 4 показаны характеристики приоритетных геостратегических территорий Дальнего Востока России без учёта дальневосточных МО, входящих в Арктическую зону страны.

Таблица 4 (Table 4)

**Характеристики дальневосточных приоритетных
геостратегических территорий России в 2018 г.**
Characteristics of the Far Eastern priority geostrategic territories of Russia in 2018

Приоритетные геостратегические территории Дальнего Востока	Число МО	Население, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естественный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
Республика Бурятия	23	984,5	59,0	5,2	1,3
Республика Саха (Якутия)	23	896,1	65,6	7,9	0,0
Забайкальский край	35	1072,8	68,2	2,3	-3,1
Камчатский край	14	315,6	78,2	1,3	-2,0
Приморский край	34	1913,0	77,2	-1,3	-2,2
Хабаровский край	19	1328,3	82,1	0,3	-1,2
Амурская область	29	798,4	67,4	-0,8	-3,8
Магаданская область	9	144,1	95,9	-0,2	-8,2
Сахалинская область	18	490,2	82,0	1,2	-1,6
Еврейская АО	6	162,0	68,8	-1,7	-8,3
Весь Дальний Восток	210	7992,3	73,2	1,5	-1,5

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Составляющие динамики численности населения на Дальнем Востоке имеют показатели, противоположные по знаку общероссийским – население за 2010–18 гг. сократилось при положительном естественном приросте, тогда как по России в целом численность населения выросла при отрицательном естественном приросте. Различия связаны с преобладающими направлениями миграционных потоков населения – все дальневосточные субъекты Российской Федерации имеют устойчивое отрицательное сальдо миграций [9]. Положительное миграционное сальдо с зарубежными странами (в основном государствами СНГ), выросшее за 2010–17 гг. в 2,5 раза, не перекрывает отток населения в другие регионы России (в основном столичные и юго-западные) [4; 2].

Наиболее позитивной демографической динамикой является в Республике Бурятия. В этом регионе, наименее удалённом от главных социально-экономических центров остальной территории России, миграционный отток сравнительно невелик и был перекрыт естественным приростом, который связан не только с молодой возрастной структурой населения (как и в остальных регионах Дальнего Востока), но также максимальной в макрорегионе долей сельских жителей, среди которых преобладают буряты. В сумме эти два фактора (значительные доли сельского населения и жителей коренной национальности с традиционно высокими показателями рождаемости) и обеспечивают естественный прирост населения [3].

Похожая ситуация в Республике Саха (Якутия), где за период 2010–18 гг. численность населения практически не изменилась (без учёта МО региона, которые относятся к Арктической зоне Российской Федерации). Достигнуто это за счёт самого высокого на Дальнем Востоке естественного прироста населения, а также повышенных долей сельских жителей и населения коренной национальности. Но и отрицательное сальдо миграций населения этой территории было очень значительным, нивелировав естественный прирост.

Для Забайкальского, Камчатского и Хабаровского краёв, а также Сахалинской области характерен естественный прирост населения, но он перекрывается отрицательным сальдо миграций. Но наиболее негативная демографическая ситуация наблюдается в остальных регионах Дальнего Востока, где естественная убыль населения сочетается с отрицательным сальдо миграций. Лидирующую по темпам сокращения в 2002–10 гг. Магаданскую область в последние годы «обогнала» Еврейская АО, выделяющаяся на Дальнем Востоке не только интенсивным миграционным оттоком населения, но и самой значительной естественной убылью. При этом в этих двух регионах темпы сокращения численности населения в среднем за год превышают 1%, что может привести к их фактическому обезлюдению уже в среднесрочной перспективе [5].

Основными направлениями социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, расположенных на Дальнем Востоке, согласно Стратегии, являются: 1) содействие социально-экономическому развитию города Владивостока как центра международного экономического сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона; 2) создание условий и стимулов для сокращения миграционного оттока постоянного населения и привлечения специалистов из других субъектов Российской Федерации на территории, испытывающие дефицит трудовых ресурсов; 3) создание новых и развитие действующих территорий опережающего социально-экономического развития, совершенствование механизмов государственной поддержки предпринимательской деятельности, установленных законодательством Российской Федерации о свободном порте Владивосток и особой экономической зоне в Магаданской области; 4) создание на острове Русский инновационного научно-технологического центра, технопарка, уникальной научной установки класса «мегасайенс», инжиниринговых подразделений государственных корпораций и заинтересованных организаций, реализующих на территории Дальневосточного макрорегиона инвестиционные проекты, а также центров исследований и разработок; 5) совершенствование механизма социального развития центров экономического роста; 6) совершенствование механизма государственной инфраструктурной поддержки инвестиционных проектов, направленных на опережающее социально-экономическое развитие Дальнего Востока; 7) продление действия механизма выравнивания цен (тарифов) на электрическую энергию до среднероссийского уровня для отдельных потребителей электрической энергии Дальневосточного макрорегиона, реализация механизма долгосрочного регулирования

тарифов (цен) на электроснабжение, газоснабжение, водоснабжение и водоотведение; 8) создание инфраструктуры для развития территорий компактного расположения земельных участков, предоставляемых гражданам Российской Федерации в безвозмездное пользование, с учётом установленных законодательством РФ особенностей предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного макрорегиона («дальневосточных гектаров»).

Представляется, что этот перечень должен быть дополнен мерами по стимулированию рождаемости (например, введением «северных» коэффициентов при выплате «материнского капитала») и увеличению средней ожидаемой продолжительности жизни (в частности, за счёт улучшения территориальной доступности для населения медицинских учреждений первичного звена, которые в данном случае должны размещаться по нормативам, отличным от остальной территории страны); эти показатели в большинстве регионов Дальнего Востока значительно ниже среднероссийских.

В отличие от трёх других групп приоритетных стратегических территорий, Арктическая зона, как указывалось выше, представлена не только субъектами федерации, но и отдельными МО (см. табл. 5). Для более полной наглядности Арктическая зона РФ представлена на рис. 2.

Уместно отметить, что в Арктической зоне реализуются не только российские проекты, но и проекты, подготовленные по линии Арктического Совета (Arctic Council)¹ и Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации². Арктический Совет – межправительственный форум циркумполярных государств, действующий с 1996 г. Это основная организация сотрудничества в Арктике в сфере охраны окружающей среды и устойчивого развития региона. Совет образован странами «Арктической восьмёрки», в которую входят Россия, Канада, США, Дания, Финляндия, Норвегия, Исландия, Швеция.

Так как государства, формируя арктическую зону, ориентируются на уже сложившееся административно-территориальное деление, то в неё попадают и места, достаточно удалённые от Северного полярного круга. На рисунке 2 это обстоятельство хорошо видно на примере Ямало-Ненецкого и Чукотского АО, а также вновь включённых в Арктическую зону МО Якутии, о чём говорилось ранее. Такая практика выделения Арктической зоны характерна для циркумполярных государств. В Канаде в неё включены все так называемые Северные территории, уходящие далеко на юг от Северного полярного круга. В США к Арктической зоне отнесена не только вся Аляска, но и примыкающие к ней с юга острова.

¹ Arctic Council. URL: <https://arctic-council.org/ru/> [дата обращения: 20.02.2020].

² Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (АКМНСС и ДВ РФ). URL: <https://arctic-council.org/ru/about/permanent-participants/raipon/> [дата обращения: 20.02.2020].

Таблица 5 (Table 5)

**Характеристики арктических приоритетных
геостратегических территорий России в 2018 г.**

Characteristics of the Arctic priority geostrategic territories of Russia in 2018

Территории, составляющие Арктическую зону	Число		Насе- ление, тыс. чел.	Доля городского населения, %	Естест- венный прирост в 2016 г., %	Динамика населения в 2010–18 гг., %
	Полных субъек- тов РФ	МО				
Мурманская область	1	17	753,4	92,3	-0,3	-5,3
Республик Карелия (Беломорский, Кемский и Лоухский МР)	-	3	41,6	63,7	-6,7	-14,0
Архангельская область (МР Мезенский, Онежский, Приморский, ГО Архангельск, Новодвинск, Северодвинск, Новая Земля)	-	7	646,8	92,9	-0,5	-2,3
Ненецкий АО	1	2	44,0	72,8	9,6	4,5
Республика Коми (ГО Воркута)	-	1	77,3	99,4	0,9	-19,3
Ямало-Ненецкий АО	1	13	538,6	83,8	10,1	2,5
Красноярский край (МР Таймырский, ГО Норильск и Игарка)	-	3	216,6	90,0	7,7	-0,2
Республика Саха (Якутия) (МР Абыйский, Аллаихов-ский, Анабарский, Булун-ский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Нижнеколым- ский, Оленёкский, Средне-колымский, Усть-Янский и Эвено- Бытантайский)	-	13	68,2	38,6	6,2	-7,8
Чукотский АО	1	7	47,9	72,7	3,6	-2,3
Арктическая зона России	4	66	2434,4	87,9	2,5	-3,1

Источник: рассчитано авторами по Базе данных «Муниципальная Россия».

Рис 2. Арктическая зона Российской Федерации

Figure 2. Arctic zone of the Russian Federation

Источник: Лукин Ю. Ф., Ерёмин А. Э. Карта «Арктическая зона Российской Федерации». URL: <http://lawinrussia.ru/content/arkticheskaya-zona-rossiyskoy-federacii-azrf> (дата обращения: 26.03.2020).

Из данных таблицы 5 видно, что Арктическую зону составляют четыре полных субъекта Российской Федерации и ещё пять субъектов «делегируют» в нее 27 своих МО. В результате общее число МО, входящих в Арктическую зону, равно 66 единицам. Это больше, чем в группе эксклавов, но меньше, чем в двух других группах. В этой группе самая низкая численность населения (2,4 млн человек) и самый большой среди приоритетных геостратегических территорий удельный вес городского населения (87,9%). В наблюдаемый период в Арктической зоне наблюдались естественный прирост населения и сходная с Дальним Востоком (но в два раза значительнее) отрицательная динамика численности населения (-3,1%) за счёт интенсивного миграционного оттока жителей.

Рисунок 2 позволяет хорошо видеть, что, выделяя геостратегическую Арктическую зону, органы управления страной ставят вопрос о взятии под контроль и обустройство всей сухопутной береговой зоны России, прилегающей к Северному морскому пути. И это совершенно правильное решение. Открывая очередное «окно» в большой мир, необходимо думать о том, как мы будем его контролировать в новых местах входа и выхода (Архангельск, Бованенково, Бухта Проведения, Певек, а в перспективе – Амдерма, Диксон, Индига, Тикси и Усть-Кара).

При этом, в соответствии со Стратегией, основными направлениями социально-экономического развития приоритетных геостратегических территорий РФ, расположенных в пределах Арктической зоны, являются: 1) инфраструктурное обеспечение развития минерально-сырьевых центров; 2) модернизация и развитие морских портов, обеспе-

чивающих функционирование Северного морского пути; 3) содействие социально-экономическому развитию населённых пунктов, стратегически важных для развития Северного морского пути и хозяйственного освоения Арктики.

В целом выделение в Стратегии приоритетных геостратегических территорий следует признать одним из немногих действительно важных её достоинств. Практически все описанные выше геостратегические территории имеют растущее значение для безопасности и целостности страны. Это справедливо не только в отношении Крыма и Северного Кавказа, где ситуация, казалось бы, носит ситуативный (временный) характер. Это справедливо и в отношении Дальнего Востока, где уже много лет муссируется противостояние малочисленного русского населения и более чем 100 млн наших южных соседей в Китае, находящихся по другую сторону границы [12]. Тем не менее указанное положение вещей не мешает давно сложившемуся взаимодействию населения приграничных территорий [10]. Сходные мнения существуют и в отношении Калининградской области, о которой много говорят в соседней Польше¹, и даже для Арктической зоны, которую пока ещё оберегает тяжёлая ледовая обстановка: «Вашингтон считает, что Северный морской путь должен находиться под международным контролем»².

Демографическое и социально-экономическое развитие этих территорий требует долгосрочного государственного планирования и контроля происходящих перемен [6; 7]. Нельзя допускать обезлюдения геостратегических территорий, равно как и нельзя допускать формирования в них моногородов. В первую очередь это касается Арктической зоны и Дальнего Востока. Положение дел в Воркуте, Магадане, Певеке и других «горячих точках» северных территорий, в которых реализуется программа переселения из районов Крайнего Севера³, и сегодня оказывает заметное влияние на демографическое поведение населения.

Появление моногородов представляет собой рецидив отраслевого управления в экономике, который обусловлен стремлением к максимуму эффекта при минимуме затрат в данный момент времени. Решая подобные задачи, управленцы одновременно делают свою карьеру и ею же отвечают. При этом долговременные последствия таких решений, как правило, волнуют только тех, кто отстранён от их принятия. Самый

¹ Siegień P. Koronawirus odcina obwód kaliningradzki. GazetaWyborcza 2020, 17 marca. URL: <https://wyborcza.pl/7,75399,25796237,koronawirus-odcina-obwod-kaliningradzki.html?disableRedirects=true> (дата обращения: 20.02.2020).

² Широкопад А. Зачем Трамп рвется в Русскую Арктику // Независимая газета. Независимое военное обозрение. 08.02.2019. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2019-02-08/13_1033_arctic.html (дата обращения: 20.02.2020).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.2006 N 153 (ред. от 15.11.2019) «Об утверждении Правил выпуска и реализации государственных жилищных сертификатов в рамках реализации ведомственной целевой программы «Оказание государственной поддержки гражданам в обеспечении жильем и оплате жилищно-коммунальных услуг» государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_59164/ (дата обращения: 05.04.2020).

общий вывод из этого исторического опыта, в том числе и для Стратегии пространственного развития, – нельзя отраслям и компаниям доверять бесконтрольно формировать города [11]. Отвечать за это всегда приходится государству, а все негативные последствия такой политики ложатся на плечи простых людей, которые попадают в подобные ловушки в поисках самореализации и лучшей жизни.

Указанное обстоятельство обусловлено тем, что градообразующая база, создаваемая производственным предприятием, в действительности является не чем иным, как крышей над головой работников, обеспечивающей им доступность мест труда. Между градообразующей базой и запуском механизма, позволяющего городу развиваться на далёкую перспективу, лежит дистанция огромного размера. И запустить этот механизм могут только сами горожане, объединённые в городские сообщества, опирающиеся на местную и центральную власть. В этом плане хорошим ориентиром может служить ESDP – Европейская перспектива пространственного развития¹, направленная на сбалансированное устойчивое развитие территории ЕС.

Библиографический список

1. Адиев А. З. Влияние внутренней и внешней миграции на демографию, экономику и межэтнические отношения в Республике Дагестан // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 1. С. 137–152. DOI: [10.19181/vis.2020.11.1.630](https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.1.630)
2. Мотрич Е. Л. Демографическое развитие Хабаровского края: проблемы и перспективы // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 30–46. DOI: [10.24411/1561-7785-2019-00025](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00025)
3. Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д. 2019. Муниципальные образования России со стабильной численностью населения // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 47–65. DOI: [10.24411/1561-7785-2019-00026](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00026)
4. Рыбаковский О. Л., Таюнова О. А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 4–14. DOI: [10.24411/1561-7785-2019-00023](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00023)
5. Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 36–49. DOI: [10.24411/1561-7785-2018-21-4-04](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2018-21-4-04)
6. Desmet K., Rossi-Hansberg E. Spatial Development // American Economic Review. 2014. Vol. 104(4). P. 1211–1243. DOI: [10.1257/aer.104.4.1211](https://doi.org/10.1257/aer.104.4.1211)

¹ ESDP. European Spatial Development Perspective. Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the EU. European Communities. Luxembourg. Office for Official Publications of the European Communities. 1999. 83 p.

7. Fajgelbaum P. D., Gaubert C. Optimal Spatial Policies. *Geography and Sorting* // *The Quarterly Journal of Economics*. 2020. Vol. 135(2). P. 959–1036. DOI: 10.1093/qje/qjaa001
8. Iskandaryan A., Ismayilov M., Cecire M. Russia's Relations with the South Caucasus // *Caucasus Analytical Digest (CAD)*. 2019. No. 109. P. 2–14.
9. Motrich E. L. Far East in Russian demography: trends during reform // *Spatial Economics*. 2017. Vol. 3. P. 133–153.
10. Patsiorkovsky V., Fugita S., O'Brien D. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast // *International Migration Review*. 1995. Vol. 29, Summer. P. 566–575.
11. Spaliviero M., Boerboom L., Gibert M., Spaliviero G. & Bajaj M. The Spatial Development Framework to facilitate urban management in countries with weak planning systems // *International Planning Studies*. 2019. Vol. 24(3-4). P. 235–254. DOI: 10.1080/13563475.2019.1658571
12. Tornoveanu D. Russia, China and the Far East Question. Are there any Chinese 49ers around? // *The Diplomat*. 2016. January 20. URL: <https://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/> (дата обращения: 20.02.2020).

Статья поступила 28.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пацюрковский Валерий Валентинович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Симагин Юрий Алексеевич, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Муртузалиева Джамиля Джавидовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

Population Dynamics of Priority Geostrategic Territories of Russia in 2010–2018

Valery V. Patsiorkovsky

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: patsv41@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-8847-4598

Web of Science ResearcherId: F-6722-2016

Yury A. Simagin

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: patsv41@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8392-8645

Djamilya D. Murtuzalieva

Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: djama76@list.ru;

ORCID ID: 0000-0003-3263-3032

For citation: Patsiorkovsky V. V., Simagin Y. A., Murtuzalieva D. D. Population dynamics of priority geostrategic Territories of Russia in 2010–2018. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 123–142. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.718

Abstract. The article presents an analysis of the dynamics of the population of the priority geostrategic territories of the Russian Federation. They are highlighted in the “Strategy for the Spatial Development of the Russian Federation until 2025” as territories that are of particular importance for the development of the country as a whole and are distinguished at the same time by special life conditions and the functioning of the economy due to their geographical location. Population dynamics for such territories is both a factor determining socio-economic development and an indicator of the effectiveness of this development. The components of the population dynamics – natural growth and migration flows – are of particular importance. The article describes all four groups of priority geostrategic territories of Russia – isolated from the main territory of the country (exclaves), located in the North Caucasus and the Far East, in the Arctic zone of the Russian Federation. For each group, trends in population dynamics have been identified since the 2010 census, taking into account the components of natural growth and migration. The multidirectional aspect of the main demographic processes in the priority geostrategic territories of the country is revealed – natural growth is combined with the migration outflow of the population, and the migration inflow – with natural decline. At the same time, in the exclave and North Caucasian territories, the population is growing, and in the Far Eastern and Arctic territories it is decreasing. The features of both groups of priority geostrategic territories in comparison with Russia as a whole and of individual constituent entities of the Russian Federation and municipalities within groups of territories are shown. The latter became possible due to the use of the database “Municipal Russia”, that summarises demographic statistics for all urban districts and municipal areas of the country, including those located in priority geostrategic territories. As a result of the analysis of the population dynamics, directions have been identified that can lead to an improvement in the demographic situation in the priority geostrategic territories of the country, and, accordingly, will contribute to the socio-economic development of not only these territories, but the entire Russian Federation

Keywords: priority geostrategic territories, population dynamics, migration and natural movement of the population, exclaves, the North Caucasus, the Far East, the Arctic zone of Russia

References

1. Adiev A. Z. The impact of internal and external migration on demography, economy and interethnic relations in the Republic of Dagestan. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2020: 1(11): 111–134. DOI: 10.19181/vis.2020.11.1.630 (in Russ.)
2. Motrich E. L. Demographic development of Khabarovsk krai: problems and prospects. *Narodonaselenie*, 2019: 3:30–46. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00025 (in Russ.)
3. Patsiorkovsky V. V., Simagin Yu. A., Murtuzalieva D. D. Russian municipalities with a stable population. *Narodonaselenie*, 2019: 3: 47–65. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00026 (in Russ.)
4. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century and migration relations of its regions. *Narodonaselenie*, 2019: 3: 4–14. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00023 (in Russ.)
5. Simagin Yu. A., Patsiorkovsky V. V., Murtuzalieva D. D. Differentiation of natural population growth in Russian municipalities. *Narodonaselenie*, 2018: 4: 36–49. DOI: 10.24411/1561-7785-2018-21-4-04 (in Russ.)
6. Desmet K., Rossi-Hansberg E. Spatial Development. *American Economic Review*, 2014: 4: 1211–1243. DOI: [10.1257/aer.104.4.1211](https://doi.org/10.1257/aer.104.4.1211)
7. Fajgelbaum P. D., Gaubert C. Optimal Spatial Policies. *Geography and Sorting. The Quarterly Journal of Economics*, 2020: 2: 959–1036. DOI: 10.1093/qje/qjaa001
8. Iskandaryan A., Ismayilov M., Cecire M. 2019. Russia’s Relations with the South Caucasus. *Caucasus Analytical Digest (CAD)*, 2019: 109: 2–14.
9. Motrich E. L. 2017. Far East in Russian demography: trends during reform. *Spatial Economics*, 2017: 3: 133–153.

10. Patsiorkovsky V., Fugita S., O'Brien D. Asians in Small Business in the Russian Far East: A Historical Overview and Comparison with Asians on the American West Coast. *International Migration Review*, 1995: 29: 566–575.

11. Spaliviero M., Boerboom L., Gibert M., Spaliviero G., Bajaj M. The Spatial Development Framework to facilitate urban management in countries with weak planning systems. *International Planning Studies*, 2019: 24(3-4): 235–254. DOI: 10.1080/13563475.2019.1658571

12. Tornoveanu D. Russia, China and the Far East Question. Are there any Chinese 49ers around? *The Diplomat*. 20 January 2016. Accessed: 20.02.2020. Available at: <https://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/>.

The article was submitted on: April 28.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery V. Patsiorkovsky, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Yury A. Simagin, Candidate of Geographic Sciences, Docent, Leading researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Djamilya D. Murtuzalieva, Candidate of Economic Sciences, Researcher, Institute of Socio-Economic Studies of Population of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РФ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.719

Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность

Ссылка для цитирования: Ишканиева Ф. Ф., Озерова К. А., Ишканиева Г. Ф. Образ «умного города» Иннополис: концепты и повседневность // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 2. С. 143–157. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.719

For citation: Ishkineeva F. F., Ozerova K. A., Ishkineeva G. F. The Image of the “Smart City” Innopolis: Concepts and Everyday Life. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 143–157. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.719

Ишканиева Фарида Фалесовна¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

farida1967@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 333377

AuthorID Scopus: 56440245800

Озерова Карина Адгамовна¹

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия

karina-usm@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 883484

AuthorID Scopus: 57191710123

Ишканиева Гузель Фаридовна¹

¹Университет Цукубы,
Цукуба, Япония

guzel-i@hotmail.com

AuthorID Scopus: 56440092100

Аннотация. Статья посвящена анализу жизнедеятельности одного из самых молодых городов России – Иннополиса (Республика Татарстан)¹, который строится как высокотехнологичное пространство, спроектированное с учётом современных концепций городского развития. Это амбициозный проект по созданию особой среды, наполненной современной «умной» инфраструктурой и «умными» способами управления, а также пространства с инновационной экономикой, полностью ориентированной на работу крупных, средних и мелких компаний в области высоких технологий и образования в сфере IT.

В фокусе внимания – население города, своеобразии которого заключается в синтезе его экономических, исторических, социально-демографических и этнических характеристик. Это вновь формируемое городское сообщество, где практически каждый житель – новосёл. История города официально началась в 2015 г., социальная структура города находится в стадии формирования. Население представлено преимущественно специалистами в области высоких технологий, по роду занятий – это управленческий персонал, преподавательские кадры, сотрудники IT-компаний. В перспективе эта группа может пополниться выпускниками функционирующего в этом городе первого в стране IT-университета, в котором учатся, помимо отечественных, иностранные студенты. Демографическое своеобразие города – в молодости его жителей: две трети из которых – молодёжь, в том числе студенты. По существу Иннополис – это многогранное городское сообщество, являющееся социальным конструктом, находящимся в стадии формирования.

Исследование Иннополиса и социального самочувствия его жителей – редкая возможность рассмотреть актуальный кейс конструирования «умного города» в современной России. На основе анализа концептуальных подходов к трактовке феномена «умный город» осуществляется анализ соответствия вновь создаваемой городской среды основным параметрам «умного» и эффективного городского развития. Фокус исследования сосредоточен на поиске количественных и качественных индикаторов состояния удовлетворённости жителей и работников города Иннополис своей жизнью в целом. В качестве основного интегрированного индикатора рассматривается уровень удовлетворённости жителей различными аспектами городской среды и уровень счастья. На основе результатов проведённого эмпирического исследования обнаружены определенные различия в оценке респондентами качественных и количественных компонентов жизнедеятельности города. В целом констатируется общий достаточно высокий уровень удовлетворённости городского сообщества новой средой обитания, что является несомненным свидетельством наличия потенциала для дальнейшего развития Иннополиса в качестве «умного города» счастливых людей. Реализация концепции «Умный город» и обеспечение устойчивого городского развития в Иннополисе актуализирует необходимость вовлечения населения в формирование и развитие городского пространства, причём это необходимо и власти, и населению. Для власти это возможность использования социокультурного потенциала жителей для повышения эффективности городского развития, для горожан – возможность реализовывать свои ожидания в пространстве создаваемого «умного города» посредством активного включения в его повседневную жизнедеятельность.

Ключевые слова: «умный город», городская среда, концепты, повседневность, удовлетворённость, индекс счастья, информационно-коммуникационные технологии, городское сообщество, креативный класс, социокультурная среда, устойчивое развитие, релевантный индикатор

¹ В статье использованы материалы, представленные на сайте города Иннополис.

Авторы выражают признательность Администрации города, АНО «Фонд развития города Иннополис» за предоставленные материалы и возможность их использования в процессе написания статьи, Ахметовой Симбуль Абдуллоевне, к.ф.н., доценту КФУ за комментарии, участие в дискуссиях и методическое сопровождение при проведении исследования и написании статьи.

Введение

Во многих странах мира в последние десятилетия реализовываются проекты по развитию городской инфраструктуры и по строительству новых городов на базе широкого использования достижений современных технологий, в особенности средств информационно-коммуникационных технологий. Аналогичную стратегию развития используют и российские города. При этом акцент делается на различных функциях такого города: проведение крупномасштабных мероприятий, определение территории в качестве уникального научно-исследовательского или культурного центра, предоставление специфических услуг, создание высокотехнологичного города с нуля.

Подобные проекты относятся к инфраструктурным, их бюджет составляет десятки миллиардов долларов как при строительстве новых умных городов, так и при модернизации существующих городских систем. Реализуются они по инициативе правительств или местных властей с привлечением бизнес-партнёров. Одним из городов такого рода является Иннополис в Республике Татарстан (Россия) – в 40 км от г. Казани, который строится с нуля и позиционируется как высокотехнологичный город будущего, удобный и благоприятный как для работы и учёбы, так и для жизни в целом. Долгосрочная стратегия развития города рассчитана на двадцать лет. Население города в перспективе составит более 150 тыс. человек. Город задуман как научно-технологический центр, сосредоточивающий в себе основные достижения в области информационных технологий. Официальный старт жизни нового города состоялся 9 июня 2015 г. В настоящее время Иннополис – активно развивающийся город, центр ряда высокотехнологичных ИТ-проектов. В городе проживает около 4 тысяч человек, из них порядка 1000 человек – несовершеннолетние дети и подростки, 890 – студенты университета Иннополис, ещё около 1,5 тысяч ежедневно приезжают на работу. Подавляющее большинство работающего населения имеет высшее образование и заняты в высокотехнологичных отраслях, что позволяет считать экономику города близкой к информационной. В Иннополисе работают 269 ИТ-компаний, подразделения российских корпораций и предприятий с иностранным участием. В центре города расположена инфраструктура технопарка – ОЭЗ «Иннополис», особенность которого – преференции и налоговые льготы для резидентов и партнёров из высокотехнологичных отраслей экономики. В городе действует первый в России ИТ-университет федерального уровня. По периметру расположена жилая зона с объектами социальной инфраструктуры (детский сад, школа, ИТ-лицей, спортивно-оздоровительный комплекс, зоны отдыха, кафе и медицинские центры). Территория города составляет 1200 га, планировка рассчитана на «шаговую доступность» любого объекта. Ключевой идеей города является реализация «умного» во всех смыслах сценария городского развития, создание благоприятных условий для жизни как отдельного горожанина, так и городского сообщества в целом¹.

¹ История города. Иннополис – официальный сайт города <https://innopolis.ru/city/history/> (24.03.2019).

Материалы и методы

На основе анализа и синтеза многообразных подходов как российских, так и зарубежных учёных к трактовке феномена «умный город» сделан вывод о том, что это социально-территориальное пространство носит комплексный характер: в нём проявляются различные аспекты городского развития, помимо технологического, – социальный, экономический, политический, культурный, экологический, коммуникативный. Множество определений «умного города» даёт возможность конструирования оценок различных сторон городской и социальной среды.

В статье использованы результаты эмпирического исследования количественных (индекса счастья) и качественных показателей удовлетворённости жителей и работников города Иннополис состоянием городской и социальной среды и комфортности проживания в городе, которое было проведено по заказу АНО «Фонд развития города Иннополис» в 2019 году. При расчёте индексов учтены такие показатели, как удовлетворённость собственной деятельностью в городе (работа/учёба), обеспеченность жильём, состояние инфраструктуры, экологии, характер социального окружения. В результате в количественных оценках отражены как отдельные стороны жизни горожан, так и городская жизнь в целом в виде интегрированного показателя. Объект исследования – совершеннолетние жители города Иннополис, как проживающие в нём постоянно, так и являющиеся маятниковыми мигрантами (работники предприятий и организаций города). Предмет исследования – удовлетворённость жителей как показатель «умной» городской среды. Основные методы получения эмпирической информации – репрезентативный опрос с помощью электронной анкеты (n=430). Отбор респондентов носил двухступенчатый характер, на первой ступени были определены квоты, пропорциональные численности основных групп населения города. На второй ступени в каждой из групп до 50 человек был организован случайный отбор респондентов, для многочисленных групп (работники ИТ-компаний, студенты и сотрудники университета Иннополис) применён метод гнездовой выборки; гнезда (офисы, кафедры, студенческие группы) отобраны при помощи простого случайного отбора, далее каждое отобранное гнездо подверглось сплошному опросу. В целом полученная выборка соответствует требованию репрезентативности по полу и возрасту, с предельно допустимой ошибкой 5%. Материалы ответов на открытые вопросы анкеты дополняют картину повседневной жизни горожан описанием их социального самочувствия, восприятием города «изнутри», глазами непосредственных участников созидания «умного города» будущего.

Концепты

Обеспечение гармоничного развития современного города актуализировало поиск новых идей и способов решения городских проблем. Идея формирования функционального, рационально обустроенного города становится всё более привлекательной. В этой связи в качестве новой

парадигмы городского управления и устойчивого городского развития используется концепция «Умный город» [11]. Являясь сравнительно новой, эта концепция переживает интенсивное развитие как в англоязычной, так и русскоязычной литературе, посвящённой урбанистической тематике.

Английский исследователь Симон Джосс (Университет Вестминстера) на основе анализа научных статей, опубликованных в академической базе Скопус [8], сравнил частоту использования различных терминов, применявшихся в концепциях городского развития в период с 1996 по 2013 гг., а именно: цифровой город (digital city), эко-город (eco city), информационный город (information city), интеллектуальный город (intelligent city), город знаний (knowledge city), город, пригодный для жилья (livable city), жизнестойкий город (resilient city), устойчивый город (sustainable city), зелёный город (green city), умный город (smart city). Модальным термином оказалось словосочетание «умный город», которое наиболее часто применялось в 2012 г., опередив все другие понятия, в том числе понятие устойчивого города в контексте концепции устойчивого городского развития. Однако развёрнутых характеристик «умного города» в соответствующих публикациях пока нет, не выработано и содержательное представление концепции «умный город», отсутствует её однозначное толкование. В то же время популярная концепция «Умный город» (Smart city) является продуктивной для ориентира как концепция, удовлетворяющая потребностям современного информационного города с постиндустриальной структурой экономики, в котором основными сферами деятельности являются управление, финансовая и научная деятельность, культура и информационное обслуживание, в которых занято более половины всех работающих [10]. Определение города в качестве «умного» связано в первую очередь с его оснащением информационно-коммуникационными технологиями и предоставлением разнообразных услуг в электронном виде. Это наиболее явно отражено в трудах американских и европейских учёных 1970–80 гг. [6] и ряда российских учёных. «Умный город» в интерпретации экспертов – это комплексное, долгосрочное развитие города, в том числе наполнение города «умными» зданиями, дорогами, логично выстроенными транспортными, инженерными, энергетическими сетями¹¹. С позиции концептуального подхода, «умный город» – это стратегическая разработка, объединяющая разнообразные элементы городского развития в единую систему, признание роли искусственного интеллекта, информационно-коммуникационных технологий, социального и экологического потенциала как ресурса развития и конкурентоспособности города². С позиции инфраструктурного подхода, «умный город» трактуется как совокупность «умных сетей». «Умный город» – это обеспечение современного качества

¹ Кром Е. Дорожная карта для «умного» Петербурга. URL: <https://plus.rbc.ru/news/5adbeces7a8aa90578abef9b> (дата обращения: 2.03.2020).

² Информационные материалы Некоммерческого Партнёрства «Агентство Городского Развития». URL: <http://city-smart.ru/>, (дата обращения: 10.07.2020).

жизни за счёт применения инновационных технологий, которые предусматривают экономичное и экологичное использование городских систем жизнедеятельности¹. Однако в XXI в. состояние городской среды не определяется лишь наличием инфраструктуры, то есть материальными ресурсами. «Умному городу» необходимы «умные» решения, которые обеспечивают качественно новое развитие. Умный эффективный город – это комплексная социально-техническая модель, включающая, с одной стороны, технологические решения для «умного дома», с другой – экологические стандарты, с третьей – поведенческие нормы².

При синтезе подходов учёных к определению «умного города» фиксируются его основные характеристики. Американский социолог Р. Голланд [7] предложил комплекс следующих параметров: наличие и продуктивное использование сетевой инфраструктуры для повышения политической и экономической эффективности и обеспечения социального, культурного городского развития [9]; ключевая роль бизнеса в городском развитии: наличие благоприятных условий для привлечения нового бизнеса и поддержания развития существующих организаций; нацеленность на максимальное включение различных резидентов города в оказание государственных услуг; участие всех стейкхолдеров в принятии управленческих решений в жизни и развитии города; ключевая роль высокотехнологичных и творческих отраслей в долгосрочном развитии города [5]; рост востребованности творческих профессий; значимость социального и реляционного (отношенческого) капитала [4]; абсорбционная способность экономики [3]; социальная и экологическая стабильность; баланс мер по обеспечению роста города³.

Таким образом, концепция «умного города» обозначает комплексное развитие города, предполагающее наличие качественной сетевой инфраструктуры, благоприятный бизнес-климат наряду с «умным» населением и превалирующей ролью «умных» профессий, а также устойчивый социальный и реляционный капитал, и, наконец, сбалансированное развитие, предполагающее участие различных стейкхолдеров и социальных групп, с одной стороны, и экологическое развитие, с другой. Одним из ключевых критериев эффективности городского развития, интегрированным индикатором оценки его «умности», является удовлетворённость жителей различными аспектами городской среды и своей жизнью в целом. «Умный город» – эффективный инструмент для превращения экономики в интенсивную и устойчивую, это возможность мирного разрешения конфликта между искусственной и естественной средой обитания. В этом смысле «умный город» – единственно возможный вариант будущего существования в техногенном веке [1].

¹ Там же

² Там же

³ Подробнее: Резюме доклада «Устойчивое развитие: связь между экономикой, обществом, окружающей средой» // URL: <http://www.oecd.org/insights/41774417.pdf> (дата обращения 14.07.2020)

Кроме того, «Умный город» – это плацдарм возможного плодотворного государственно-частного партнёрства. Такое сотрудничество экономически оправдано: создаются дополнительные рабочие места, серьёзно улучшается экология, снижается потребность отъёма энергии у земли. Другими словами, «умный город» – эффективный инструмент для превращения экономики в интенсивную и устойчивую. При этом интересы и ожидания жителей, власти и управляющих компаний в отношении «умного» города могут значительно различаться. Поэтому важен тщательно выстроенный общий баланс интересов всех сторон, только тогда город получится действительно эффективным и умным.

Повседневность Иннополиса

Исследование Иннополиса и социального самочувствия его жителей – редкая возможность рассмотреть актуальный кейс конструирования «умного города» в современной России.

Социально-демографический портрет респондентов. Численность респондентов составила 430 человек, в пересчёте в процентах: работники IT-компаний – 31, студенты университета Иннополис – 18, сотрудники Университета Иннополис – 17, работники управляющих компаний (Мэрия, ОЭЗ, АО «Иннополис», ОАО «Иннополис сити») – 13,5, члены семей работников Иннополиса (неработающие) – 8,5, сотрудники социальных учреждений (лицей, школа, детский сад, медцентр) – 8, работники компаний сферы сервисов и услуг – 4. Почти все взрослое население – лица с высшим или незаконченным высшим образованием. Уровень образования, сфера занятости и учёбы позволяют считать, что город населён преимущественно «умными» людьми. По возрасту жители Иннополиса – молодые люди: респондентов 18–35 лет – 84%, остальные – в возрасте 36–51 года. По гендерному составу 54,4% мужчины, 45,6% – женщины. Стаж жизни и/или работы в Иннополисе: менее года – 33%, 1–3 года – 54%, 4–6 лет – 13%. Материальное положение позволяет считать жителей города в целом обеспеченными людьми: 79% указали, что *в основном денег хватает*. При этом суперобеспеченные, способные *позволить себе практически всё*, составляют 2,1%, малообеспеченные – 19%. При этом среди респондентов как постоянные жители города, так и приезжающие из Казани на работу; сам город ещё молодой, не все службы функционируют, город в ситуации роста и развития.

Фокус исследования, связанный с определением количественных параметров состояния удовлетворённости жителей и работников города Иннополис своей жизнью в целом, а также компонентами городской и социальной среды, привёл к следующим результатам. Общий – интегрированный – показатель удовлетворённости жителей городской и социальной средой в Иннополисе с учётом «веса» отдельных компонентов составил 74,3 пункта из возможных 100 пунктов.

Ключевой компонент, определяющий показатель удовлетворённости респондентов своей жизнью в городе – работа/учёба – характеризуется индексом 75,1. В числе зон, требующих особого внимания со стороны городской власти, такие составляющие работы/учебы, как размер оплаты труда, размер стипендий, возможности повышения профессиональной квалификации/академической мобильности, построение успешной профессиональной карьеры, создание возможностей профессиональной самореализации вне IT-сферы, возможности проведения творческих встреч, профессиональных форумов, интеллектуальных занятий с учётом интересов всех целевых групп горожан. Стоит отметить, что представители IT-сферы – специфическая профессиональная группа, которая востребована не только на российском, но и на международном рынке труда, что делает работников, занятых в высокотехнологичных компаниях, достаточно мобильными, а их зарплатные ожидания и требования к качеству рабочей и городской инфраструктуры более высокими, чем у работников других сфер. Иными словами – для развития цифровой, «умной» экономики городу требуется не только развитие бизнес-кластера, но и создание комфортной, безопасной и приятной среды, а удовлетворённость жителей города – это значимая часть развития по «умному» сценарию.

Более низкий уровень удовлетворённости жителей Иннополиса связан с таким критерием, как обеспеченность жильём: индекс 65,7, что значительно ниже общего индекса удовлетворённости жизнью в городе. Для определённых групп локального сообщества жильё является очень значимым компонентом: сотрудники университета, работники социальных учреждений и сферы сервисов и услуг ставят жильё на второе место по значимости после работы/учёбы.

Достаточно высокий уровень удовлетворённости характерен для такого компонента городской жизни, как инфраструктура: индекс 80,7. Инфраструктура наиболее значима для семей сотрудников Иннополиса, занятых детьми и домашним хозяйством. При этом абсолютное большинство жителей удовлетворены спортивной инфраструктурой, качеством работы школы и дошкольных учреждений, а также содержанием улиц. Респонденты высоко оценивают консьерж-сервис города, его работа удовлетворяет абсолютное большинство (95%) тех, кто обращался к данному виду услуг. Горожане считают Иннополис безопасной территорией для жизни. Однако вызывает нарекания работа общественного транспорта – большинство горожан оценивает её как удовлетворительную. Недовольство среди почти трети опрошенных жителей и работников вызывают качество, доступность и ограниченность возможностей специализированной помощи в Медицинском центре города.

Более высокий уровень удовлетворённости жители Иннополиса испытывают по отношению к окружающей среде: индекс удовлетворённости составляет 89,7. Город строится в живописном районе республики, где сохранена естественная среда обитания, позволяющая сочетать благоприятные условия жизни в сельской местности и городской комфорт.

Предметом определённой озабоченности горожан являются экологические аспекты благоустройства территории: озеленение, ограниченность парковых зон и городских публичных пространств.

Удовлетворённость таким компонентом, как социальное окружение: наличие друзей, возможностей для общения, развитая социокультурная сфера – описывается индексом 63,8. Эта сторона жизни города чаще актуализируется молодёжью, в том числе студентами университета. Часть респондентов выражает озабоченность по поводу возможностей проведения досуга, в том числе отсутствия развлекательных или ограниченности центров, кинотеатров, клубов, объединений по интересам. Попытки компенсации этой ограниченности проявляются через формирующиеся элементы гражданского общества, представленные в виде сообществ по интересам среди различных групп населения города. Представляется целесообразным инициирование и популяризация социокультурных проектов, поддерживающих самоорганизацию различных групп жителей, нацеленных на активизацию и разнообразие досуговых практик и социальных контактов горожан. При этом регулярные замеры динамики социального самочувствия молодёжи и студентов, их удовлетворённости жизнедеятельностью позволят определять востребованность и потенциал города.

Результаты опроса горожан свидетельствуют как об успехах в развитии города, так и о наличии некоторых проблемных зон в функционировании города, о необходимости разработки и принятия умных решений по совершенствованию всех сторон его жизнедеятельности.

Фокус исследования, направленный на определение качественных параметров состояния удовлетворённости жителей и работников города Иннополис своей жизнью в целом, а также компонентами городской и социальной среды, привёл к необходимости интерпретации восприятия города респондентами. В частности, было выявлено противоречие: для одних респондентов Иннополис – это *«идеальное место для развития и работы»*, *«один из лучших городов для жизни»*, для других респондентов Иннополис – это *«рай для интровертов»*, *«ограниченность ночной и клубной жизни»*.

Результаты проведённого опроса позволили выявить разные образы города, в которых проявилась различная степень укоренённости жителей, а также их планы на будущее.

Первый образ: Иннополис – одно из лучших на данный момент поселений в России. Это город будущего, *«молодой перспективный город с наилучшими условиями проживания в РФ»*, *«уникальный город в постсоветском пространстве»*. Для этой группы жителей первостепенной является *«надежда, что Иннополис будет нестандартным городом с уникальными карьерными возможностями»*. Поэтому привлекательными аспектами жизни в городе являются возможности профессионального развития, прежде всего для ИТ-специалистов, близость к ИТ-трендам: *«Мои друзья – программисты, им будет здесь комфортно»*, *«Большое количество ИТ-вакансий»*; перспективы для успешного развития бизнеса. Важными для респондентов являются идеальные

условия для получения образования: *«Здесь круто учиться», «Уровень доступного образования впечатляет», «Хороший вуз, но из крупного города переезжать сюда смысла мало»*. Наряду с работой/учёбой ценными для этой группы являются благоприятные условия для семей с детьми: *«Идеальное место для совмещения работы и семьи», «Хорошие условия для выращивания и воспитания детей», «Хорошо с детьми, кто любит уединение и готов мириться с феноменом небольшого комьюнити (все друг друга знают)»*. Город хорош для тех, кто ценит безопасность, отсутствие преступности, спокойствие: *«Тихо и безопасно»; «Хорошее место для любителей спокойной жизни»*. Город привлекателен с точки зрения экологии: *«Благоприятная экосистема и комфортная среда проживания»*. Для любителей размеренного ритма жизни, отсутствия суеты, развитой инфраструктуры малолюдный город воспринимается как *«просторный и очень уютный», «красивый и чистый»*. Респонденты ценят в Иннополисе наличие таких условий, как доступное дешёвое жильё, близость к месту работы, наличие вакансий, комплекс профессиональных, бытовых и социальных факторов. Этот образ города разделяют респонденты, удовлетворённые всеми сторонами жизни в Иннополисе, несмотря на незавершённость его архитектурного облика.

Второй образ Иннополиса связан с представлением о том, что в современном состоянии он устраивает определённые группы общества по роду занятий, брачно-семейному статусу, образу и стилю жизни: *«Город не для всех, есть плюсы и минусы»*. Отвечая на вопрос о возможной рекомендации Иннополиса своим друзьям для переезда, далеко не все респонденты склонны безоговорочно дать такой совет. Переезд возможен при наличии определённых условий, считают они: в зависимости от предлагаемой работы и вознаграждения, от рода занятий: *«Если это ИТ-специалист и ему нравятся тишина, покой и чистый воздух»*. Переезд может быть целесообразным в случае соответствия ожиданиям человека, его целям. Если этого нет, смысл переезжать отсутствует: *«Друзья не связаны с ИТ, им здесь нечем заниматься»*. Респонденты учитывают и возможные matrimониальные перспективы жизни в городе: *одиноким подруге или другу однозначно не советуют Иннополис для жизни; семейной паре – возможно, да*. Разумный совет сопровождает эти размышления: *приехать на время, посмотреть, потом решать*. Для этой группы респондентов предпочтителен развитый, полифункциональный город, который ещё предстоит создать.

Третий образ Иннополиса характерен для респондентов, не удовлетворённых ограниченностью городского социокультурного пространства, вызванного статусом малого города. Все плюсы малого города, привлекательные для одних, могут обернуться минусами для других людей: *«Кому-то нравится малолюдье и отсутствие суеты, кому-то нет, скучно»*.

Вызывает определенные нарекания отсутствие возможностей доступа к различным типам жилья, *«ограниченность возможностей улучшения жилищных условий»*. Это преимущественно проблемы, свя-

занные с ожиданиями и претензиями к инфраструктуре города как полифункционального социокультурного пространства, что является неизбежной проблемой для городов, находящихся на этапе формирования и поиска стратегий развития.

Таким образом, полученные данные демонстрируют противоречивые суждения. Неоднозначность сформированных образов Иннополиса – свидетельство того, что его население представляет собой дифференцированное сообщество по уровню материально-финансовой обеспеченности, социально-статусным параметрам, брачно-семейному состоянию. Различия в восприятии одного и того же города его жителями отражают специфику ожиданий его обитателей от территории, на которой им предстоит жить и работать. Для значительной части респондентов Иннополис – уникальный перспективный город, идеальное место для профессионального развития с наилучшими условиями жизни, соответствующий их ожиданиям. Для других респондентов – приверженцев развитого города – смысл жизни в Иннополисе связан с наличием условий, соответствующих их ожиданиям от полифункционального города.

Несмотря на существенные различия в восприятии Иннополиса его жителями, для большинства характерна позитивная оценка основных компонентов городской и социальной среды. Жители дорожат особым микроклиматом, сформировавшимся в городе: почти три четверти опрошенных (72%) считают Иннополис городом, где хочется жить и работать. Значение индекса счастья, по результатам исследования, является высоким и составляет 82,5 пункта. Этот показатель на 20,5 пунктов выше, чем в среднем по России. Полученный результат также значительно превышает нижнее пороговое значение, рассчитанное ВЦИОМ для индекса счастья – 51,8¹. Можно ожидать, что у Иннополиса имеется потенциал для самореализации в качестве «умного города» счастливых людей.

Выводы

Развитие Иннополиса как «умного города» в значительной степени зависит от решений, принятых на уровне региональной и федеральной власти. Такое положение вещей, с одной стороны, обеспечивает городу стабильные ресурсы для развития (так как это один из немногих подобных проектов в современной России и Республике Татарстан), с другой стороны, превалирующая роль государственных ресурсов должна постепенно ослабевать, сменяясь на внутренние ресурсы для роста и развития. В Иннополисе, как и во многих российских городах, бóльшую актуальность при реализации государственных разработок представляет взаимодействие власти непосредственно с жителями и учёт их мнений относительно тех мер, которые действительно могут привести к повышению уровня и качества жизни людей, созданию комфортной среды обитания.

¹ Индекс счастья. ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_schastya/ (дата обращения 14.07.2020).

В Иннополисе применяются нетривиальные способы такого взаимодействия – наличие прямых чатов жителей с администрацией города, групповые чаты, покрывающие (по оценкам респондентов) более половины постоянных «иннополисян». Сами жители в большинстве своём отлично владеют навыками коммуникации в цифровом пространстве и имеют к нему доступ. Такого рода открытость может быть основой для формирования особой культуры взаимодействия жителей и городской власти, которая позволит выстраивать и реализовывать действительно инновационные проекты городского развития.

Ключевой в реализации концепции «Умный город» во вновь создаваемых городских образованиях является социальная компонента, имеющая двусторонний характер: город для человека, человек для города. В контексте первого аспекта значимой является вовлечённость населения в развитие городского пространства, а изменение городского и социального пространства, в свою очередь, зависит от готовности населения включиться в обсуждение и решение городских проблем. Полноценное, органичное и устойчивое развитие города невозможно без активности самих его жителей, которые могут и должны стать полноправными субъектами, создающими экономическую и социокультурную среду своего города. Всем субъектам городского управления предстоит объединить усилия и ещё многое сделать для нормального функционирования всех его структур, для того, чтобы город засверкал яркими красками публичных пространств и многообразными городскими практиками, а не остался лишь мечтой и архитектурным воплощением технического прогресса.

Библиографический список

1. Бабуров В. А. Умные города: истории успеха // Градоустройство. 2012. № 12. С. 45–56.
2. Хуламханова С. Б., Тхалиджоков С. Л., Гергокова М. А. Устойчивое развитие – путь к решению экономических и экологических проблем // Пространство экономики. 2006. № 4-2. С. 316–319.
3. Abreu M., Grinevich V., Kitson M., Savona M. Absorptive capacity and regional patterns of innovation, Research Report. DIUS RR-08-11, Cambridge MA: MIT, 2008.
4. Coe A., Paquet G., Roy J. E-governance and smart communities: a social learning challenge // Social Science Computer Review. 2001. No. 19 (1). P. 80–93.
5. Florida R. L. The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York: Basic Books, 2002. P. 10–14.
6. Graham S. and Marvin S. Telecommunications and the city: electronic spaces, urban place. London: Routledge, 1996. P. 96–100.

7. Hollands R. G. Will the real smart city please stand up? // City. 2008. No. 12 (3). P. 303–320.

8. Joss S. «Smart City»: A Regressive Agenda University of Westminster. URL: <https://www.westminster.ac.uk/news/2016/smart-city-a-regressive-agenda> (дата обращения: 30.11.2017).

9. Komninos N. Intelligent cities: innovation, knowledge systems and digital spaces. London: Spon Press, 2002. P. 20–22.

10. Mark E. Herpworth Planning for the Information City: the Challenge and Response. First Published August 1, 1990. DOI: <https://doi.org/10.1080/00420989020080501>

11. Neirotti P., De Marco A., Cagliano A. C., Mangano G., Scorrano F. Current trends in Smart City initiatives: Some stylised facts // Cities. 2014. No. 38. P. 25–36. DOI: 10.1016/j.cities.2013.12.010.

Статья поступила 08.08.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ишкинеева Фарида Фалесовна, кандидат социологических наук, доцент, кафедра общей и этнической социологии,

Институт социально-философских наук К(П)ФУ, Казань, Россия

Озерова Карина Адгамовна, кандидат социологических наук, старший преподаватель, кафедра общей и этнической социологии,

Институт социально-философских наук К(П)ФУ, Казань, Россия

Ишкинеева Гузель Фаридовна, PhD студент, Высшая школа гуманитарных и социальных наук, университет Цукубы, Цукуба, Япония

DOI: [10.19181/vis.2021.12.2.719](https://doi.org/10.19181/vis.2021.12.2.719)

The Image of the “Smart City” Innopolis: Concepts and Everyday Life

Farida F. Ishkineeva

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: farida1967@mail.ru

Author ID Scopus: 56440245800

ORCID ID: 0000-0002-2372-8198

Karina A. Ozerova

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: karina-usm@yandex.ru

AuthorID Scopus: 57191710123

ORCID ID: 0000-0002-3131-2942

Guzel F. Ishkineeva

University of Tsukuba, Tsukuba, Japan

E-mail: guzel-i@hotmail.com

Author ID Scopus 56440092100

ORCID ID 0000-0002-4504-2322

For citation: Ishkineeva F. F., Ozerova K. A., Ishkineeva G. F. The Image of the “Smart City” Innopolis: Concepts and Everyday Life. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 143–157. DOI:10.19181/vis.2021.12.2.719

Abstract. The article represents the analysis of the vital activity of one of the youngest cities in Russia – Innopolis (Republic of Tatarstan), which is being built as a high-tech space, designed with modern concepts of urban development in mind. This is an ambitious project to create a special environment filled with modern “smart” infrastructure and “smart” management methods, as well as a space with an innovative economy fully focused on the work of large, medium and small companies in the field of high technologies and IT education.

The focus of attention is the population of the city, the originality of which lies in the synthesis of its economic, historical, socio-demographic and ethnic characteristics. This is a newly formed urban community, where almost every resident is a newcomer. The history of the city officially began in 2015, the social structure of the city is in the process of formation. The population is represented mainly by specialists in the field of high technologies, by occupation they are management personnel, teaching staff, employees of IT companies. In the future, this group may be replenished with graduates of the country’s first IT university, operating in the city, open both to local and foreign students. The demographic uniqueness of the city is in the young age of its inhabitants: two thirds of them are young people, including students. In essence, Innopolis is a multifaceted urban community, that is a social construct in the process of formation.

The study of Innopolis and the social well-being of its residents is a rare opportunity to consider the current case of designing a “smart city” in modern Russia. Based on the analysis of conceptual approaches to the interpretation of the “smart city” phenomenon, the analysis of the compliance of the newly created urban environment with the main parameters of “smart” and effective urban development is carried out. The research is focused on finding quantitative and qualitative indicators of the level of satisfaction of residents and employees of the city of Innopolis with their lives in general. The level of satisfaction of residents with various aspects of the urban environment and the level of happiness are considered as the main integrated indicators. Based on the results of the empirical study, significant differences were found in the respondents’ assessment of the qualitative and quantitative components of the city’s life. On the whole, the general rather high level of satisfaction of the urban community with the new habitat is stated, making evident the potential for the further development of Innopolis as a “smart city” of happy people. Implementation of the “Smart City” concept and ensuring sustainable urban development in Innopolis actualises the need to involve the population in the formation and development of urban space, this being necessary for both the authorities and the population. For the authorities, this is an opportunity to use the socio-cultural potential of residents to increase the efficiency of urban development, for citizens – an opportunity to realise their expectations in the space of the “smart city” through active involvement in its daily life.

Keywords: “smart city”, urban environment, concepts, everyday life, satisfaction, happiness index, information and communication technologies, urban community, creative class, socio-cultural environment, sustainable development, relevant indicator

References

1. Baburov V. A. Umnyye goroda: istorii uspekha [Smart Cities: a Success Story]. *Gradoustroystvo*, 2012: 12: 45–56 (in Russ.).
2. Khulamkhanova S. B., Tkhalidzhokov S. L., Gergokova M. A. Ustoychivoye razvitiye – put’ k resheniyu ekonomicheskikh i ekologicheskikh problem [Sustainable development – a way to solve economic and environmental problems]. *Prostranstvo ekonomiki*, 2006: 4-2: 316–319 (in Russ.).
3. Abreu M., Grinevich V., Kitson M., Savona M. Absorptive capacity and regional patterns of innovation, Research Report. *DIUS RR-08-11*, Cambridge, MA: MIT, 2008.
4. Coe A., Paquet G., Roy J. E-governance and smart communities: a social learning challenge. *Social Science Computer Review*, 2001: 19 (1): 80–93.
5. Florida R. L. The rise of the creative class: and how it’s transforming work, leisure, community and every day life. New York, Basic Books, 2002: 10–14.
6. Graham S., Marvin S. Telecommunications and the city: electronic spaces, urban place. London, Routledge, 1996: 96–100.
7. Hollands R. G. Will the real smart city please stand up? *City*, 2008: 12 (3): 303–320.
8. Joss S. «Smart City»: A Regressive Agenda University of Westminster. 2016. Accessed 30.11.2017. URL: <https://www.westminster.ac.uk/news/2016/smart-city-a-regressive-agenda>

9. Komminos N. Intelligent cities: innovation, knowledge systems and digital spaces. London, Spon Press, 2002: 20–22.

10. Mark E. Hepworth Planning for the Information City: the Challenge and Response First Published, 1990. August 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/00420989020080501>.

11. Neirotti P., De Marco A., Cagliano A. C., Mangano G., Scorrano F. Current trends in Smart City initiatives: Some stylised facts. *Cities*, 2014: 38: 25–36. DOI: 10.1016/j.cities.2013.12.010.

The article was submitted on: August 08.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Farida F. Ishkineeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of General and Ethnic Sociology, Institute of Social and Philosophical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Karina A. Ozerova, candidate of Sociological Sciences, Senior lecturer, Institute of Social and Philosophical Sciences, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

Guzel F. Ishkineeva, PhD student, Graduate School of Humanities and Social Sciences, University of Tsukuba, Tsukuba, Japan

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ОТРАЖЕНИЕ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.720

Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в Рунете

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31484

Ссылка для цитирования: Домбровская А. Ю., Парма Р. В., Азаров А. А. Социально-медийная инфраструктура гражданского участия россиян: анализ графов пересечения аудитории сообществ социально-политической направленности в Рунете // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 158–174. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.720

For citation: Dombrovskaya A. Y., Parma R. V., Azarov A. A. Social media infrastructure of the Russians civic participation: the analysis of audience intersection graphs for socio-political communities on Runet. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No 2. P. 158–174. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.720

**Домбровская
Анна Юрьевна¹**

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

an-doc@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 768923

**Парма
Роман Васильевич¹**

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

artur-azarov@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 919176

**Азаров
Артур Александрович¹**

¹Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

rvparma@fa.ru

AuthorID РИНЦ: 621660

Аннотация. В статье представлены результаты анализа цифровой инфраструктуры гражданского и политического участия россиян, показаны связи между аудиториями онлайн-сетевых сообществ, отражающих маркеры отношения российских пользователей социальных медиа к действующей власти и индикаторы вовлечённости граждан РФ в реализацию социальных инициатив. Для построения графов использовался инструмент выгрузки информации и моделирования инфраструктуры социальных связей графов, созданный на базе языка программирования R. Дополнительно были использованы пакеты `vkR` для выгрузки информации из социальной сети «ВКонтакте», а также пакеты `igraph` и `ggraph` для работы с графами и `arcDiagram` для визуализации. Для интерпретации эмпирических данных были применены принципы сетевого подхода и методологии интеллектуального поиска цифровых маркеров социально-политических процессов. В результате исследования выявлены показатели плотности коммуникаций между цифровыми группами политического и гражданского участия, установлены пересечения их аудиторий. Сегменты инфраструктуры связей показаны как для всех социально-медийных сообществ (кейсов исследования), так и для каждого блока сообществ, классифицированных по двум основаниям: направленность (лояльные или критически ориентированные по отношению к власти) и тип группы (политического или гражданского толка). Выявлено и отражено в графах пересечение аудиторий лоялистских и оппозиционных онлайн-сообществ. Показана разобщённость и дистанцированность лоялистских, традиционных аудиторий групп, осуществляющих политическую коммуникацию от групп гражданской направленности, также конструктивно настроенных по отношению к власти. Выявлены и графически интерпретированы приёмы захвата пользовательской аудитории в деятельности оппозиционных онлайн-лидеров. Обоснованы риски низкой плотности связей между аудиториями лояльно ориентированных социально-медийных сообществ. Установлена относительно высокая плотность связей оппозиционных политических онлайн-групп, нацеленных на формирование неконвенциональных, деконсолидационных установок российских пользователей социальных медиа. Сформулированы базовые меры по преодолению опасности консолидации сторонников оппозиционных цифровых групп и рисков усиления влияния критически ориентированных онлайн-лидеров среди аудитории лоялистов.

Ключевые слова: гражданское участие онлайн, политическое участие онлайн, социальные медиа, социальные графы, цифровая инфраструктура, плотность связей между онлайн-сетевыми сообществами, пересечение цифровых аудиторий

Актуальность

Общее цифровое пространство коммуникаций, созданное интернет-технологиями, открыло большие возможности для взаимодействия граждан, превратив мир в «глобальную деревню» [3]. Появление интерактивных интернет-технологий Web 2.0 предопределило появление новых инструментов и возможностей для прямого политического действия в онлайн-сетевой среде. Онлайн-платформы, социальные сети, блоги становятся площадками реализации различных форматов гражданского и политического участия [12]. По мере развития технологий мобильной связи и интернета оценки исследователей влияния формируемой цифровой среды на гражданское участие претерпели существенные изменения [6]. Создание цифровых платформ социальных медиа открыло новые возмож-

ности формирования сетевых сообществ граждан, что привело к началу трансформации сложившихся политических институтов и массовых общественных движений [9]. В настоящее время всё больше оснований находит позиция, согласно которой возникающие в сообществах цифровой среды коммуникации расширяют границы цифрового гражданского участия [10; 8]. Интерактивные сервисы цифровых платформ открыли возможности инициирования, распространения, взаимодействия, координации и мобилизации гражданских действий онлайн с меньшими усилиями и с большей скоростью распространения информации [7].

Опыт применения киберметрического анализа динамических, технологических и содержательных маркеров информационных потоков в социальных медиа показывает возможность выявить конструктивные и неконструктивные политические установки граждан [1]. Настоящее исследование нацелено на анализ цифровой инфраструктуры гражданского участия россиян, выявление социально-медийных сегментов конвенциональных и неконвенциональных цифровых сообществ и их аудиторий. Практическая значимость предпринимаемого анализа состоит в осмыслении масштаба охвата российских интернет-пользователей электронными социальными сетями (имеющими различную направленность: критическую или лоялистскую по отношению к действующей власти, развивающими преимущественно политическую или гражданскую повестку), а также в идентификации предпочтений россиян, отражённых в пересечении аудиторий указанных цифровых сообществ.

Изученность темы

Интернет с позиций такой научной категории, как «инфраструктура», рассматривается целым рядом исследователей, при этом фокус внимания ориентирован на коммуникационную инфраструктуру гражданского участия [17]. Согласно теории коммуникативной инфраструктуры (CIT), информационные ресурсы сообщества имеют решающее значение для развития гражданской активности. Доступ к каналам коммуникации сообщества позволяет создавать устные, письменные, электронные истории, адресованные гражданам [14]. В рамках теории исследователи связывают коммуникативную среду и социальное взаимодействие, выделяя два основных компонента: контекст происходящего и сеть контактов [18]. Коммуникативная инфраструктура социальных медиа позволяет гражданам получать информационный контент, взаимодействовать друг с другом, координировать действия с другими сообществами и игроками на интерактивных аренах [11]. Управление инфраструктурой платформ социальных медиа позволяет генерировать информационные потоки, формировать сообщества и контролировать гражданские установки пользователей [13].

Современные зарубежные исследователи рассматривают социальные, материальные, культурные и политические аспекты цифровой инфраструктуры, которая формирует коммуникационные сети и куль-

турные сообщества во всём мире. Этот инфраструктурный поворот приобретает всё большее значение по отношению к социальным медиа и, в частности, к влиянию, которым стали обладать цифровые платформы. Наиболее широко используемые цифровые платформы теперь работают как коммуникативная инфраструктура, замещающая многие разрушенные сектора социальной, политической и экономической жизни [15]. Отдельные исследователи рассматривают взаимосвязь между активным гражданским участием, социально-экономическими стандартами жизни и доступностью базовой цифровой инфраструктуры в создаваемых умных городах, выявляя факторы успеха или провала онлайн-платформ при вовлечении в общественную деятельность [16].

Российские авторы используют понятие «гражданские инфраструктуры» для анализа проявлений локального активизма, под которым понимается совокупность технологий и практик, обеспечивающих функционирование системы гражданского участия в городском управлении. Гражданские инфраструктуры способствуют включению активных горожан в политический процесс на местном уровне, так как создают возможности для интерактивных и динамических процессов согласования интересов и обсуждения перспектив развития города, позволяют властям и жителям муниципалитетов коммуницировать и договариваться, выдвигая требования, формулируя задачи и принимая решения. При этом исследователи различают «формальные» и «неформальные» гражданские инфраструктуры. Формальные гражданские инфраструктуры трактуются как закреплённые правом институты гражданского участия, например: голосование на выборах, волонтёрская деятельность, муниципальное самоуправление, кооперация собственников жилья, партиципаторное бюджетирование. Неформальные гражданские инфраструктуры горожан официально не регистрируются, включают в себя различные общественные движения, инициативные группы, сообщества по интересам, круги знакомых и друзей, которые формируются на основе приверженности схожим ценностям и идеям, стремлении создания и поддержания общего блага. Причём интеграция формальных и неформальных гражданских инфраструктур создаёт условия для эффективного гражданского участия, согласования интересов и разрешения городских конфликтов [2].

В нормативных документах информационная инфраструктура определена как совокупность объектов информатизации, информационных систем, сайтов в сети интернет и сетей связи, расположенных на территории страны и её юрисдикции. Реализация национальных интересов в информационной сфере направлена на формирование безопасной среды оборота достоверной информации и устойчивой к различным видам воздействия информационной инфраструктуры в целях обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, стабильного социально-экономического развития страны, а также национальной безопасности¹.

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646) // URL: <http://base.garant.ru/71556224/> (дата обращения: 23.03.2021).

Гражданское участие в качестве категории научного анализа в настоящем исследовании понимается как «публичная активность людей, связанная с реализацией универсальных прав и свобод, а также соответствующих компетенций – знаний, умений, поведенческих навыков и способностей, обеспечивающая (как правило, в сотрудничестве с другими индивидами) достижение индивидуальных, групповых и общественных целей в существующих институциональных условиях» [5]. В процессе операционализации категории гражданского участия для эмпирического исследования также учитывалось такое измерение этого понятия, как «непосредственное или опосредованное влияние граждан на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы» [4].

Исходя из обозначенных исследований, под цифровой инфраструктурой гражданского участия понимаются сетевые онлайн-сообщества пользователей социальных медиа, объединённых на основе общественно значимых ценностей, задач и действий. Формируемые в сообществах структуры взаимосвязи позволяют координировать действия и генерировать контент, создавая общие ценности, групповую идентичность и модели поведения. Основные характеристики инфраструктуры цифрового участия определяются численностью сообщества пользователей социальных медиа, плотностью их взаимодействия и силой потока, распространяемого в сетях контента.

Методы

Эмпирический анализ осуществлён методом построения социальных графов релевантных цифровых сообществ. Графы отражают структуру и плотность связей между онлайн-группами, репрезентирующими маркеры гражданских и политических установок россиян.

В качестве инструментов для выгрузки информации и построения графов был использован язык R. Дополнительно были использованы пакеты `vkR` для выгрузки информации из социальной сети «ВКонтакте», а также пакеты `igraph` и `ggraph` для работы с графами и `arcDiagram` для визуализации.

При построении графов, отражающих общих пользователей между сообществами, было использовано пороговое значение, отсекающее связи между сообществами, у которых меньше 5 общих пользователей. Также в данной ситуации использовалось логарифмирование связей для того, чтобы их отражение было более корректным и понятным с точки зрения визуализации.

В ходе формирования совокупности релевантных социально-медийных сообществ (исследовательских кейсов) был предпринят поиск групп в наиболее популярном блогахостинге в России «ВКонтакте» с использованием запросов – фильтров, позволяющих отобрать сообщества гражданской и политической направленности. В качестве филь-

тров автоматизированного поиска были использованы маркеры, указывающие на наличие в онлайн-группе протестного, правозащитного, феминистского, экологического, антикоррупционного, антиолигархического, волонтерского, электорального, националистического типов дискурса. Отбор релевантных сообществ (кейсов исследования) был подчинён параметрам интенсивности, актуальности публикационной активности и влиятельности (широкого охвата пользовательской аудитории: от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч участников).

Выборка

Все отобранные цифровые группы сегментированы в четыре блока по основаниям гражданской/политической направленности и степени оппозиционности (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Отобранные в качестве исследовательских кейсов цифровые сообщества, репрезентирующие маркеры гражданской и политической активности россиян

Digital communities selected as research cases, representing markers of civic and political activity of Russians

	Лоялистские	Оппозиционные
Гражданские	<ul style="list-style-type: none"> - https://vk.com/club26390458 ОНФ - https://vk.com/pravda_i_spravedlivost (Фонд ОНФ «Правда и справедливость») - https://vk.com/volmedic (Волонтеры медики) - https://vk.com/vsezapobedu (Волонтеры Победы) - https://vk.com/blagmarafon (Благотворительный марафон) - https://vk.com/charity (Благотворительность ВКонтакте) - https://vk.com/podaryzhizn (БФ «Подари жизнь») - https://vk.com/bfmarafondobra (Марафон добра) - https://vk.com/gvardiya_projects (Гвардия «Социальные проекты») - https://vk.com/find_pbg (Помощь бездомным животным) - https://vk.com/otkaznikiru (Волонтеры в помощь детям-сиротам) - https://vk.com/72helpingpeople (Помощь людям) - https://vk.com/russia_ecology (Экология России) - https://vk.com/ezpzj27 (Экология. Защита природы. Защита животных) 	<p><i>Критически ориентированные:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - https://vk.com/pravo.people (Права человека) - https://vk.com/cchr_russia (Гражданская комиссия по правам человека) - https://vk.com/greenpeace_ua (Гринпис) - https://vk.com/club26390458 (Экологическая катастрофа на планете) - https://vk.com/imagefem (Как выглядят феминистки) - https://vk.com/stopmigrant (Стоп мигрант) - https://vk.com/against_the_system_ua (Против системы) - https://vk.com/lgbtrussia1 (Российская лгбтсеть)

Продолжение таблицы 1

	Лоялистские	Оппозиционные
Политические	<ul style="list-style-type: none"> - https://vk.com/clubproputina (ПРОПутина – неформальная пропутинская) - https://vk.com/putin_govorit (Путин говорит) - https://vk.com/informpodderjkaputina (Инфоподдержка Путина) - https://vk.com/er_ru (ЕР) - https://vk.com/spravo_ross (СР) - https://vk.com/moy_putin (Мой Путин) - https://vk.com/putintoday (Путин сегодня) - https://vk.com/forumputina (Форум сторонников Путина) - https://vk.com/club33995921 (Россия без Путина – Россия без будущего) - https://vk.com/putinteam (Putin Team) - https://vk.com/politstar (Патриоты против трансгендеров и трансформеров) 	<p><i>Конвенциональная оппозиция</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - https://vk.com/kprf (КПРФ) - https://vk.com/ldpr (ЛДПР) - https://vk.com/yabloko_ru (Яблоко) - https://vk.com/parnasparty (Парнас) - https://vk.com/party.newpeople (Новые люди) - https://vk.com/club54664913 (Зелёные) - https://vk.com/ppdemocracy (ППД Партия прямой демократии) - https://vk.com/kubkomros (Коммунисты России) - https://vk.com/partiarodina (Родина) - https://vk.com/partrost (Партия роста) - https://vk.com/pensioner.party (Партия пенсионеров) - https://vk.com/pro100zapravdu (За правду) - https://vk.com/club81972431 (КПСС) <p><i>Неконвенциональная оппозиция</i></p> <ul style="list-style-type: none"> - https://vk.com/navalny_live (Навальный Live) - https://vk.com/rospil (РосПил) - https://vk.com/navalny.group (Навальный) - https://vk.com/teamsobol (Любовь Соболь) - https://vk.com/besedinamoscow (Дарья Беседина) - https://vk.com/rf_pravda (Вся правда тут) - https://vk.com/protiv_putina_i_partii_zhulikov (Обманулись! Против Путина и его поправок) - https://vk.com/noputin (Я против Путина)

Социальные графы цифровой инфраструктуры связей между онлайн-сообществами гражданской и политической направленности в Рунете

С применением специального программного обеспечения были построены графы взаимодействия выделенных блоков сообществ. На рисунках 1–6 представлены графы, отражающие связи внутри и между четырьмя подгруппами:

- синие – лоялистские группы гражданской направленности;
- оранжевые – оппозиционные группы гражданской направленности;
- зелёные – лоялистские группы политической направленности;

- красные – оппозиционные группы политической направленности;
- серые – группы «прямой» связи (сообщества, через которые осуществляется «пересечение» аудиторий указанных цифровых групп).

На рисунке 1 отображена структура пересечения аудитории всех сообществ – исследовательских кейсов, установленных на втором уровне выявления связей, т. е. с глубиной просмотра 2. Это означает, что после выявления совпадений участников анализируемых онлайн-групп был предпринят поиск пересечений их аудиторий через так называемые «группы связи», – это сообщества, обозначенные на графе серым цветом, через них осуществляется «пересечение» участников анализируемых онлайн-групп.

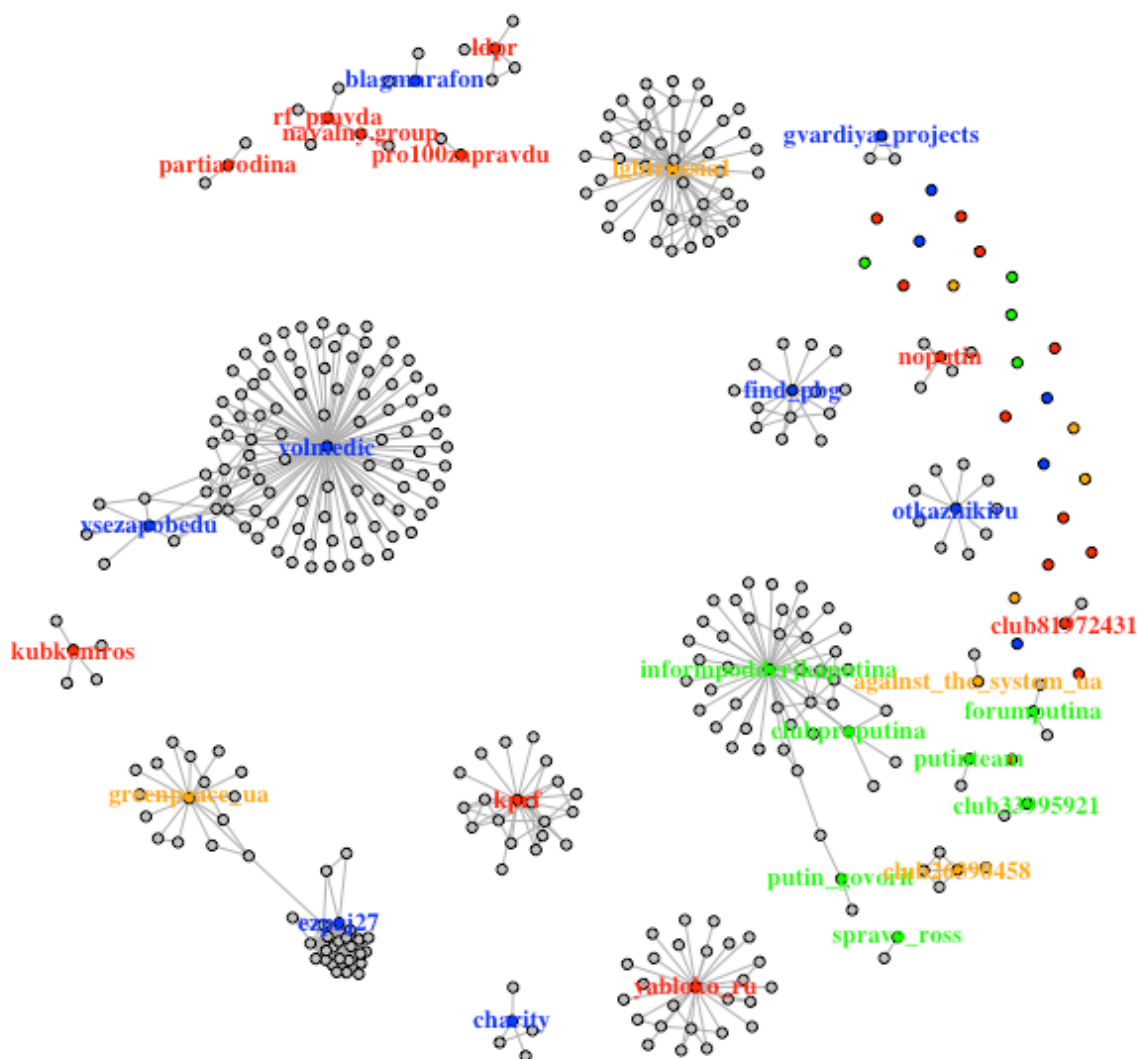

Рис. 1. Структура пересечения аудитории отобранных онлайн-сообществ, глубина просмотра – 2

Figure 1. The structure of the audience intersection of the selected online communities, viewing depth – 2

Основным результатом построения графа, отображённого на рисунке 1, служит выявление двух наиболее интегрированных кластеров цифровых групп. В правом нижнем квадранте графа наблюдается плотное пересечение аудиторий лоялистских сообществ политической направленности. Содержательно эти группы нацелены на поддержание социальной

Рисунок 2 более чётко отражает выявленную проблему рассредоточенности, разобщённости, низкой плотности связей аудитории конвенциональных политических и гражданских сообществ. Широкие дуги, соединяющие кластеры оппозиционных политических и гражданских сообществ с лоялистскими онлайн-группами, свидетельствуют об интенсивных процессах информационного воздействия со стороны критически ориентированных по отношению к власти инфлюенсеров на аудиторию конструктивно настроенных пользователей социально-медийного пространства Рунета. Стоит отметить, что на рисунке 2 не отражены связи между сообществами, относящимися к одной группе. Кроме того, не отражены связи между сообществами, у которых менее 30 общих пользователей.

Особого внимания требуют графы, отражающие связи внутри выделенных блоков онлайн-сообществ. На рисунке 3 представлены связи аудитории лоялистских групп гражданской направленности. Наиболее плотное пересечение участников существует между сообществами благотворительной и экологической направленности. В этом случае имеет место эмпирическое подтверждение существования граждански активных пользователей, для которых характерно цифровое участие в обсуждении и/или решении широкого ряда социальных проблем: от организации и оказания помощи нуждающимся до противоречий, связанных с охраной природы и животных. Вместе с тем общая оценка плотности связей в блоке конвенциональных сообществ с гражданской повесткой довольно низкая, группы данного кластера в большинстве своём разобщены и имеют лишь слабо выраженные пересечения.

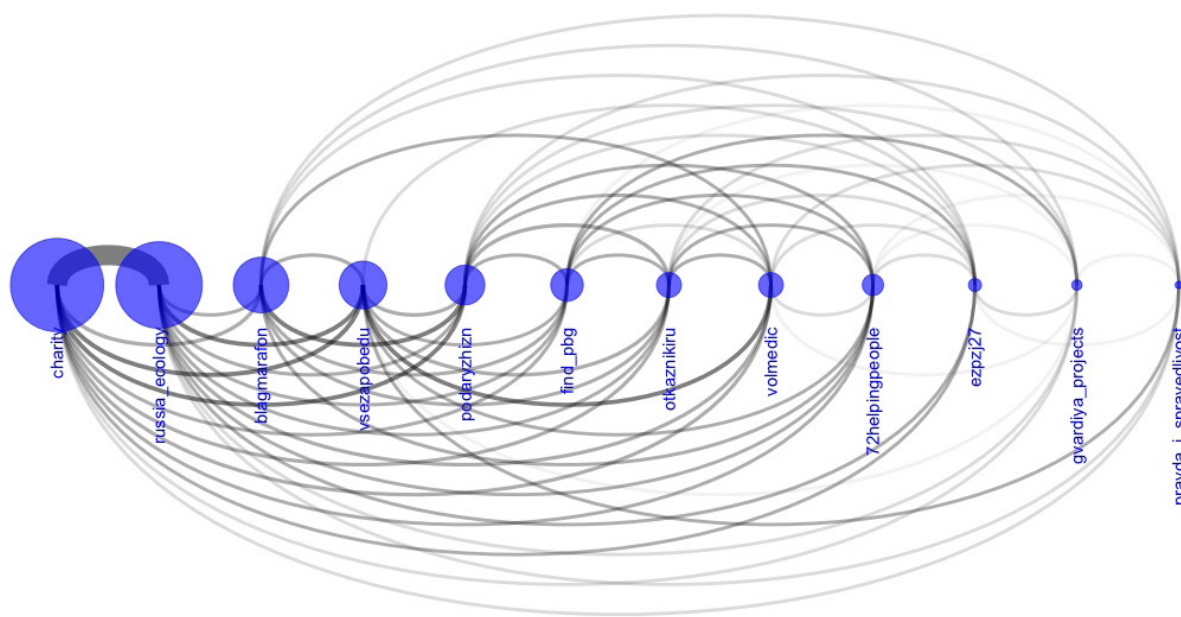

Рис. 3. Связи лоялистских сообществ гражданской направленности

Figure 3. Connections of loyalist communities of civic orientation

На рисунке 4 отображены связи внутри другого блока лоялистски ориентированных сообществ – онлайн-групп политической направленности.

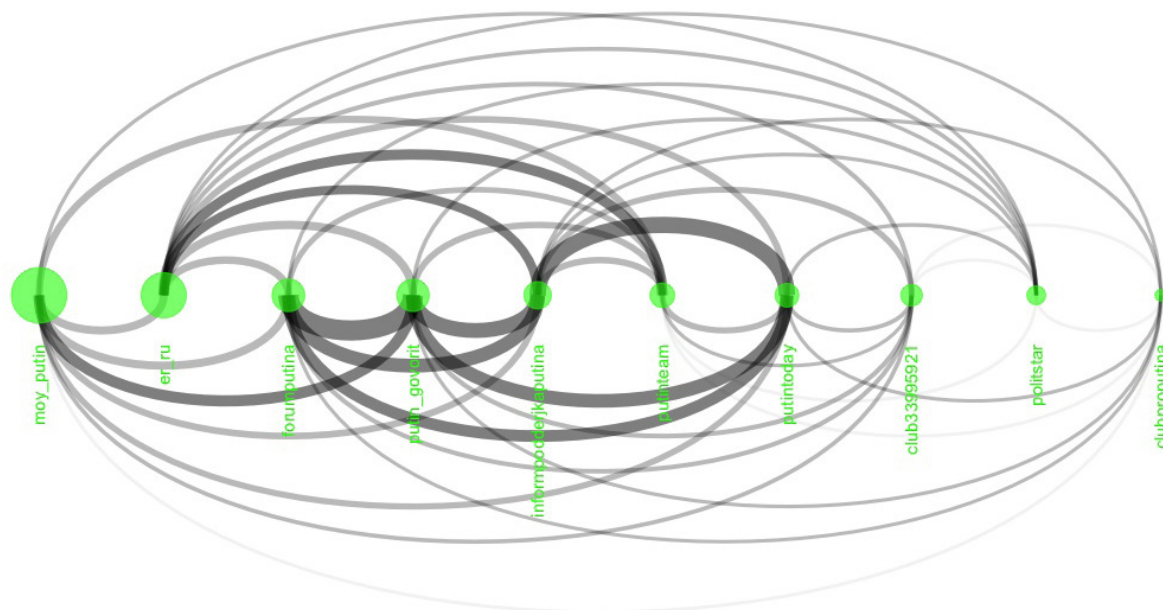

Рис. 4. Связи лоялистских сообществ политической направленности
Figure 4. Connections of loyalist communities of political orientation

Граф связей, показанный на рисунке 4, свидетельствует о несколько более плотной сетке пересечений аудитории политических групп с конструктивной повесткой. В этом кластере воспроизводится конвенциональный посыл, формирующий у пользователей установку на консолидацию вокруг целей развития российского общества, на недопустимость общественной дестабилизации и дезинтеграции. В целом эти связи могут указывать на построенную инфраструктуру обособленного, по сути, в какой-то мере закрытого цифрового сектора для сторонников действующей власти. Важной практической мерой по дальнейшему уплотнению связей внутри сегмента лоялистских сообществ является работа по преодолению отстранённости политических и гражданских сообществ конструктивной направленности.

На рисунке 5 отражён граф связей внутри блока оппозиционных сообществ гражданской направленности. Наиболее плотные связи обнаруживаются между сообществами правозащитного характера. Оппозиционный дискурс этих групп заключается в критической оценке резонансных арестов (И. Голунова, С. Фургалы, А. Навального). Эти и другие ситуации представлены в дискурсе анализируемых сообществ как случаи нарушения прав личности и в контексте «социальной несправедливости и беззакония» действующей власти.

Помимо правозащитного контекста в рассматриваемом кластере представлены группы, нацеленные на конструирование проблемы меньшинств в России, вопросов борьбы с последствиями природных катастроф, проблемы жестокого обращения с животными. Данные сообщества формируют установки по отношению к этим противоречиям как к следствиям

отсутствия внимания власти к указанным проблемам. Следует особо подчеркнуть так называемую внешнюю направленность групп этого блока, наиболее опасным нужно признать пересечение аудитории этих сообществ с группами проправительственной ориентации (см. рис. 2). Искажение, примитивизация мотивов представителей власти – приёмы, характерные для сообществ оппозиционного толка, – могут привлечь в зону своего влияния конвенциональную пользовательскую аудиторию.

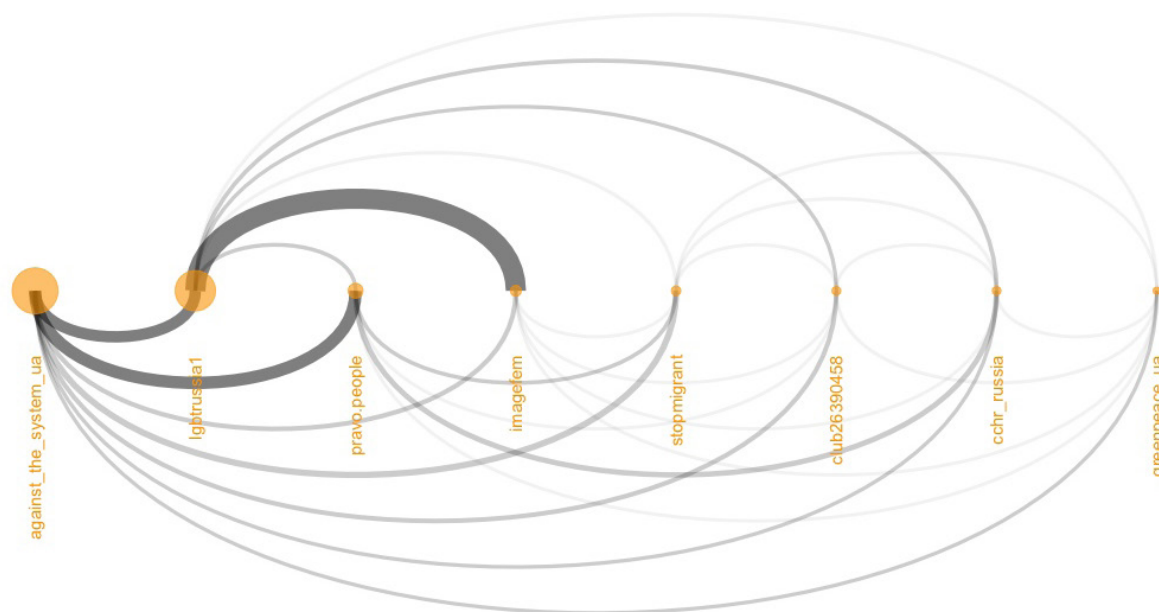

Рис. 5. Связи оппозиционных сообществ гражданской направленности

Figure 5. Connections of oppositional communities of civil orientation

На рисунке 6 показаны пересечения аудитории внутри блока оппозиционных сообществ политической направленности.

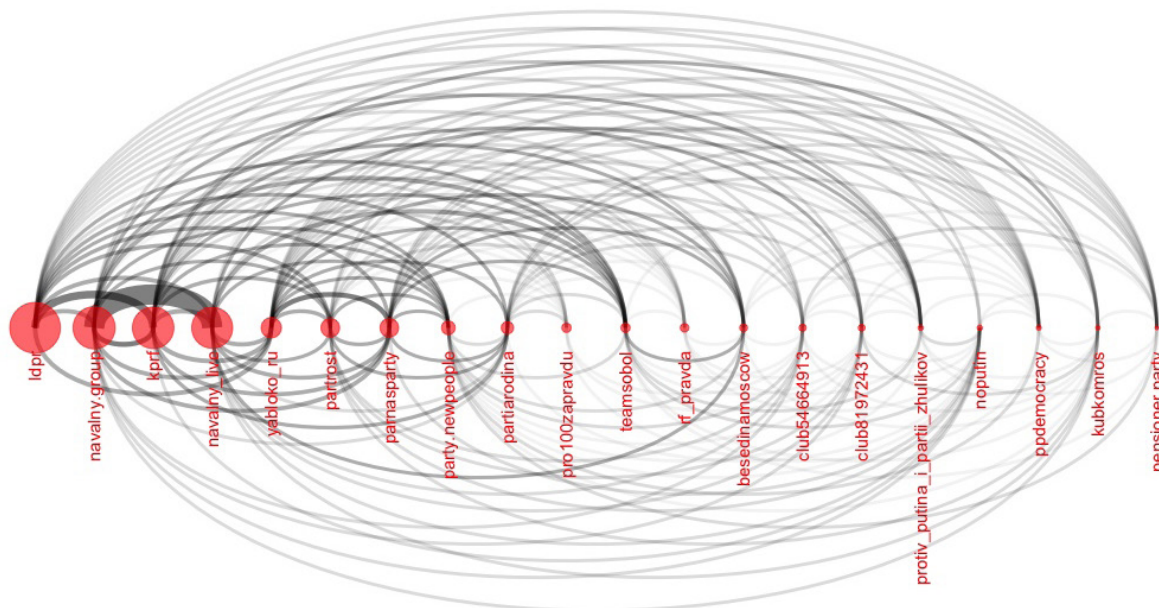

Рис. 6. Связи оппозиционных сообществ политической направленности

Figure 6. Connections of oppositional communities of political orientation

Отметим, что значительная часть цифровых групп из рисунка 6 – это сообщества с высоким потенциалом оппозиционной активности, их аудитория ориентирована на резкую оппозиционную риторику. Очевидным служит факт пересечения аудиторий сообществ политической партии «Яблоко» и онлайн-групп в поддержку А. Навального. Общая для этих групп повестка, связанная с противостоянием по отношению к действующей власти, собирает аудиторию пользователей, мобилизованных на протестное участие. Некоторым особняком держатся сообщества, работающие целенаправленно на подрыв доверия россиян к первому лицу страны, и отраженные в нижнем левом квадранте графа. Анализируемый сектор онлайн-групп при своей в целом небольшой плотности связей ориентирован на внешнее влияние. Согласно данным рисунка 6, оппозиционные политические сообщества обеспечивают пересечение своей аудитории с участниками конвенциональных гражданских и политических групп.

Выводы

Построенные социальные графы отражают тот факт, что российская национальная социально-медийная аудитория не может быть описана в терминах обособленности и жёстких границ групп с общими взглядами, интересами и поведенческими установками. Проведённое исследование позволяет утверждать, что в зоне влияния оппозиционных, деконструктивных сообществ оказывается пользовательская аудитория, имеющая конвенциональную гражданскую и политическую позицию. Это может свидетельствовать о двух обстоятельствах. Во-первых, очевидно то, что часть аудитории лоялистских гражданских и политических групп следует считать неопределившейся, сомневающейся или находящейся в процессе критической оценки посылов лоялистских и оппозиционных инфлюенсеров, что выражается в факте их участия в сообществах социальных медиа разной направленности по отношению к власти. Во-вторых, налицо целенаправленная работа онлайн-сетевых лидеров по перераспределению цифровой аудитории, их борьба за расширение охвата российских пользователей. Социально-медийная среда в этой связи может использоваться как площадка деконсолидации общества. Важной мерой в целях сохранения социальной стабильности и интегрированности социума служит активизация цифровых потоков конструктивной направленности, поддержание функционирования и дальнейшего развития сети конвенциональных онлайн-групп, работающих на пересекающиеся аудитории лоялистов и критиков и ориентированных на формирование критического мышления россиян, в первую очередь подростков и молодёжи, их способности объективно оценивать истинные причины подрывного, дезинтеграционного информационного влияния оппозиционных инфлюенсеров, навыков осмысления возможных последствий неконвенциональной, экстремистской, протестной активности.

Библиографический список

1. Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Карзубов Д. Н., Чередник А. В. Состояние и динамика русскоязычных потоков о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе: киберметрия и дискурс-анализ сообщений социальных медиа Рунета // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. № 8 (4). С. 23–35.
2. Желнина А. А., Тыканова Е. В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. № 22 (1). С. 162–192.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2020. 444 с.
4. Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60.
5. Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. Политические исследования. 2009. № 6. С. 24–32.
6. Пырма Р. В. Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4. С. 63–69.
7. Пырма Р. В. Протестные настроения российской молодежи в цифровой сети // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 6. С. 100–110. URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110>
8. Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: a meta-analysis of research // Social Science Computer Review. 2020. N 38 (2). P. 111–127.
9. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age (2nd ed.). UK: Cambridge, Polity, 2015.
10. Lim C. Social Networks and Political Participation: How Do Networks Matter? // Social Forces. 2008. N 87. P. 961–982.
11. Jasper J. M., Duyvendak J. W. (eds). Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2015. 322 p.
12. Frame A., Brachotte G. (eds). Citizen Participation and Political Communication in a Digital World. Routledge. 2015.
13. Gillespie T. Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation, and the Hidden Decisions That Shape Social Media. New Haven, CT. Yale: Yale University Press, 2018.
14. Kim Y.-C., Ball-Rokeach S. J. Civic Engagement from a Communication Infrastructure Perspective // Communication Theory. 2006. No. 16. P. 173–197.

15. Plantin J.-C., Punathambekar A. Digital media infrastructures: pipes, platforms, and politics // *Media, Culture & Society*. 2019. No. 41 (2). P. 163–174.
16. Praharaj S., Han J. H., Hawken S. Innovative Civic Engagement and Digital Urban Infrastructure: Lessons from 100 Smart Cities Mission in India // *Procedia Engineering*. 2017. Vol. 180. P. 1423–1432.
17. Sandvig C. The Internet as infrastructure. In: Dutton, WH (ed.). *The Oxford Handbook of Internet Studies*, 1st edn. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 86–108.
18. Wilkin H. A., Moran M. B., Ball-Rokeach S. J., Gonzalez C., Kim Y. C. Applications of communication infrastructure theory // *Health communication*. 2010. No. 25 (6). P. 611–612.

Статья поступила 31.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Домбровская Анна Юрьевна, доктор социологических наук, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Парма Роман Васильевич, кандидат политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Азаров Артур Александрович, кандидат технических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.720

Social Media Infrastructure of the Russians Civic Participation: The Analysis of Audience Intersection Graphs for Socio-Political Communities on Runet

The study was carried out with the financial support of the RFBR and the EISR within the framework of the scientific project No. 20-011-31484

Anna Y. Dombrovskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: an-doc@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-2015-2349

Roman V. Parma

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

E-mail: r.parma@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3413-4264

Artur A. Azarov

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

E-mail: artur-azarov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3240-597X

For citation: Dombrovskaya A. Y., Parma R. V., Azarov A. A. Social media infrastructure of the Russians civic participation: the analysis of audience intersection graphs for socio-political communities on Runet. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No 2. P. 158–174. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.720

Abstract. The article presents the results of the analysis of the digital infrastructure of civil and political participation of Russians, it shows the connections between the audiences of online network communities, reflecting markers of the attitude of Russian social media users to the current government and indicators of the involvement of Russian citizens in the implementation of social initiatives. To construct graphs, we used a tool for unloading information and modeling the infrastructure of social connections of graphs, created on the basis of the programming language R. Additionally, the vkR packages were used to unload information from the VKontakte social network, as well as the igraph and ggraph packages for working with graphs and arcdiagram for visualisation. To interpret the empirical data, the principles of the network approach and the methodology of smart search for digital markers of socio-political processes were applied. As a result of the study, indicators of the density of communications between digital groups of political and civil participation were revealed, and the intersection of their audiences was established. Segments of the infrastructure of connections are shown both for all socio-media communities (research cases) and for each block of communities classified on two grounds: orientation (loyal or critically oriented towards the authorities) and type of group (political or civil). The intersection of audiences of loyalist and oppositional online communities was revealed and reflected in the graphs. The disunity and distance between loyalist, conventional audiences of groups carrying out political communication from civil groups, who are also constructively disposed towards the authorities, are shown. Revealed and graphically interpreted the techniques of capturing the user audience in the activities of opposition online leaders. Risks of a low density of connections between audiences of loyal social media communities have been substantiated. A relatively high density of connections has been established between opposition political online groups aimed at forming unconventional, deconsolidating attitudes of Russian social media users. Basic measures have been formulated to overcome the danger of consolidating supporters of opposition digital groups and the risks of increasing the influence of critical online leaders among the loyalist audience.

Keywords: online civil participation, online political participation, social media, social graphs, digital infrastructure, density of connections between online network communities, intersection of digital audiences

References

1. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y., Karzubov D. N., Cherednik A. V. State and dynamics of Russian-speaking flows about interethnic and interreligious relations in Crimea and Sevastopol: cybermetry and discourse analysis of social media messages on the Runet. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2018: 8 (4): 23–35. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-4-23-35> (In Russ.)
2. Zhelnina A. A., Tykanova E. V. Formal and informal civil infrastructures: modern studies of urban local activism in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2019: 22: 162–192. (In Russ.)
3. McLuhan M. Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego [The Gutenberg Galaxy. The formation of the person printing]. Moscow, Academic project, 2020: 444. (In Russ.)
4. Nikovskaya L. I., Skalaban I. A. Civil participation: features of the discourse and trends of real development. *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 2017: 6: 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04 (In Russ.)
5. Patrushev S. V. Civil activity: an institutional approach (research prospects). *Polis. Politicheskoye issledovaniya*, 2009: 6: 24–32. (In Russ.)
6. Pyrma R. V. The impact of digital communications on political participation. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2019: 9(4): 63–69. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-63-69> (In Russ.)
7. Pyrma R. V. Protest moods of Russian youth in the digital network. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 2019: 9: 6: 100–110. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-6-100-110> (In Russ.)
8. Boulianne S., Theocharis Y. Young People, Digital Media and Engagement: A Meta-Analysis of Research. *Social Science Computer Review*, 2020: 38 (2): 111–127.
9. Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age (2nd ed.). UK, Cambridge, Polity, 2015.
10. Frame A., Brachotte G. (eds.). Citizen Participation and Political Communication in a Digital World (1st ed.), Routledge, 2015.
11. Gillespie T. Custodians of the Internet: Platforms, Content Moderation and the Hidden Decisions That Shape Social Media. New Haven, CT, Yale, Yale University Press, 2018.

12. Jasper J. M., Duyvendak J. W. (eds.). *Players and Arenas: The Interactive Dynamics of Protest*, Amsterdam, Amsterdam University Press, 2015: 322.
13. Kim Y.-C., Ball-Rokeach S. J. Civic Engagement from a Communication Infrastructure Perspective. *Communication Theory*, 2006: 16: 173–197.
14. Lim C. Social Networks and Political Participation: How Do Networks Matter? *Social Forces*, 2008: 87: 961–982.
15. Plantin J.-C., Punathambekar A. Digital media infrastructures: pipes, platforms, and politics. *Media, Culture & Society*, 2019: 41(2): 163–174.
16. Praharaj S., Han J. H., Hawken S. Innovative Civic Engagement and Digital Urban Infrastructure: Lessons from 100 Smart Cities Mission in India. *Procedia Engineering*, 2017: 180: 1423–1432.
17. Sandvig C. The Internet as infrastructure. In: Dutton, WH (ed.) *The Oxford Handbook of Internet Studies*. Oxford: Oxford University Press, 2013: 86–108.
18. Wilkin H. A., Moran M. B., Ball-Rokeach S. J., Gonzalez C., Kim, Y. C. Applications of communication infrastructure theory. *Health communication*, 2010: 25(6): 611–612.

The article was submitted on: April 31.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna Y. Dombrovskaya, Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Roman V. Parma, Candidate of Political Sciences,
Associate Professor at the Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Artur A. Azarov, Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department of Political Science,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА И ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ: ОТРАЖЕНИЕ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.721

Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона

Ссылка для цитирования: Забокрицкая Л. Д., Орешкина Т. А. Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 175–193. DOI 10.19181/vis.2021.12.2.721

For citation: Zabokritskaya L. D., Oreshkina T. A. Analysis of search query statistics as a tool for monitoring the ecological attitudes of the region's population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 175–193. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.721

**Забокрицкая
Любовь Дмитриевна¹**

¹Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

zabokritskaya@urfu.ru

AuthorID ПИНЦ: 616582

**Орешкина
Татьяна Анатольевна¹**

¹Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

t.a.oreshkina@urfu.ru

AuthorID ПИНЦ: 770624

Аннотация. В статье раскрываются основные подходы к пониманию сущности экологической культуры, а также её базисные компоненты: когнитивный, ценностный и деятельностный. Делается акцент на том, что проэкологическое поведение является ведущим показателем экологической культуры. Отмечено, что в обществе могут присутствовать достаточно высокий уровень экологических знаний и правильные ценности, но при отсутствии проэкологического поведения нельзя говорить о должном уровне экологической культуры. Акцентируется внимание на трудностях эмпирического изучения реального состояния компонентов экологической культуры. Дается определение термина «цифровой след». Показана возможность и целесообразность изучения экологических установок населения как наиболее подвижного элемента экологической культуры с помощью анализа статистики

поисковых запросов. Цель исследования состоит в выявлении экологических установок жителей Свердловской области и апробации методики анализа статистики поисковых запросов населения по экологической тематике, зафиксированных поисковой системой Яндекс. Исследование выполнено в рамках количественного подхода. Для сбора эмпирической информации проводился сплошной сбор поисковых запросов населения Свердловской области с 2010 по 2019 гг. включительно. В статье раскрывается методика сбора, обработки и анализа поисковых запросов населения. Проведённый анализ позволил выявить ряд значимых проэкологических установок населения, например, для значительной части населения Свердловской области важно знать и применять технологии по утилизации мусора, знать состояние воздуха и воды в месте проживания, а также технологии по их проверке и очистке. Было установлено, что детей и подростков в большей степени интересует информация о различного рода загрязнениях окружающей среды, а молодёжь и людей средней возрастной группы – средства и технологии по утилизации отходов и очистке природных ресурсов. В целом результаты исследования показали, что данные поисковых запросов могут служить источником актуальной информации об экологических установках населения региона. Показаны преимущества и недостатки анализа поисковых запросов как эмпирического метода исследования.

Ключевые слова: экологическая культура, деятельностный компонент, экологические установки, проэкологическое действие, цифровой след, поисковая система, Яндекс

Объективное ухудшение качества окружающей среды и закрепление в общественно-политическом дискурсе тезиса об эскалации социальной напряжённости, обусловленной экологическим кризисом, актуализируют проблему экологической культуры населения России с помощью изучения ценностно-нормативных и социально-установочных подходов. Экологическая культура, которую мы понимаем прежде всего как систему, определяющую экологические практики населения, эволюционирует медленно. В условиях социальных трансформаций актуализируется задача прогнозирования социальных изменений для определения не только нынешнего состояния экологической культуры у различных групп населения, но и экологических установок граждан. Эти данные в дальнейшем могут использоваться как учёными, так и управленцами для выработки максимально эффективных решений, направленных на развитие экологической культуры.

Теоретические рамки исследования

Прежде всего отметим, что экологическая культура как феномен рассматривается с позиции различных наук. Так, экологическая культура рассматривается в контексте экологического образования [2; 5; 10], экологической психологии и формирования экологического сознания [3], а также в более широком контексте философского осмысления проблем развития человеческой цивилизации [15; 9]. Внутри и на стыке каждого из указанных контекстов существуют различные подходы к пониманию

сути данного феномена. Опираясь на теоретический анализ различных подходов [8] к пониманию сущности феномена экологической культуры, мы остановились на системном подходе, согласно которому экологическая культура – это система, определяющая социальные практики в части взаимодействия населения с окружающей средой и проявляющаяся в экологических знаниях, ценностях, а также конкретных проэкологических практиках. Исходя из представленного определения, мы можем выделить такие компоненты экологической культуры, как когнитивный, ценностный и деятельностный. Данные компоненты вполне логичны и вытекают из самой структуры экологического сознания личности [6, с. 136]. Так, когнитивный компонент включает в себя набор имеющихся в обществе знаний (определённая осведомлённость или компетентность), связанных с практикой взаимодействия человека с окружающей средой.

Ценностный компонент экологической культуры включает в себя общепринятые нормы, значимые идеалы, а также личные моральные представления и устремления членов общества. Актуализированные ценности лежат в основе социальных коллективных действий, детерминированы культурой и являются её элементами [16, с. 9].

Ценностный компонент ещё называют мотивационным, поскольку именно через него формируются экологические установки и идеалы, к которым стремятся или должны стремиться люди [12, с. 42].

Деятельностный (или поведенческий) компонент экологической культуры отражается в повседневных проэкологических практиках, которые мы можем наблюдать и фиксировать. Ряд исследователей различают экологическое поведение и экологическую деятельность, другие считают эти понятия фактически синонимами [6]. В работах зарубежных авторов экологическая культура рассматривается именно через наблюдаемое поведение индивидов и сообществ — *ecological behavior* [25], т. е. именно через экологическое поведение. При этом различаются разные формы экологического поведения субъекта: проэкологическое и анти-экологическое [18, с. 135].

В обществе могут присутствовать достаточно высокий уровень экологических знаний и правильные ценности, но при отсутствии проэкологического поведения мы не можем говорить о должном уровне экологической культуры. Экологическое поведение – итоговый и наиболее наглядный показатель наличия определенного уровня экологической культуры у населения.

Для объяснения формирования данных форм поведения в западной литературе сформировалась концепция, объясняющая реализацию экологического поведения через экологические намерения. В свою очередь экологическое намерение может воплотиться (либо не воплотиться) в экологическом поведении [22, с. 502]. В отечественной научной литературе, системном подходе, экологическое намерение включается в ценностный компонент экологической культуры. Тем не менее на данной концепции, которая основывается на противопоставлении «сознание — действие», построено множество теорий, объясняющих причины расхождения

между экологическими установками и практиками, а также раскрывающих причины конкретных экологических практик населения [23; 30]. К числу таких теорий относятся следующие: теория активации нормы, теория запланированного поведения [29], теория самовосприятия [27], теория «ценности — убеждения — нормы» и теория «установки — поведение — контекст» [31].

Теория активации норм показывает механизмы реализации имеющих у индивида экологических норм в экологических практиках. Теория запланированного действия объясняет экологическое поведение человека через его экологические установки и намерения. Теория самовосприятия объясняет, что представление индивида об его экологической деятельности зависит от его включённости в эти практики в прошлом. Теория «установки — поведение — контекст» позволяет оценить уровень сформированности экологических практик индивидов на основе анализа таких переменных, как инфраструктурные, институциональные, социально-экономические, демографические и ситуационные [7, с. 328].

Традиционные методы сбора эмпирической информации, особенно опросные, весьма субъективны и имеют ряд ограничений. Так, исследователи отмечают, что субъекты могут не ассоциировать свои поведенческие практики с проэкологическим поведением (например, выключение за собой света, сортировка отходов и т. д.) либо, напротив, совершив однажды экологические действия, индивид будет уверен в сформированности у себя экологической культуры. Иными словами, индивиды могут быть включены в одну и ту же экологическую деятельность, однако понимание этой деятельности у них будет различным. Данный пример обнажает одну из самых сложных проблем, с которой сталкиваются социальные исследователи. Несмотря на достоверный инструментарий и надёжные измерения, истинные мотивы респондента очень сложно измерить [28, с. 430].

В исследовательских работах фиксация актуального состояния экологической культуры происходит преимущественно с помощью такого метода эмпирического исследования, как количественный анкетный опрос. Значительно реже аналитическая работа ведётся на основании решения испытуемыми задачи на ценностный выбор, методик ранжирования, парных сравнений, проективных и ассоциативных методик, решении личностных и ситуативных тестов [17, с. 274]. Ещё реже встречаются данные, основанные на таких методах эмпирических исследований, как глубинные интервью [16], экспертные интервью [4], социальный эксперимент [26; 19]. Другие методы исследования, направленные на изучение экологической культуры общества, практически не встречаются.

В то же время с развитием информационных технологий социальные активности людей всё больше осуществляются в информационном пространстве. Как следствие, представляется возможным фиксировать и изучать различные виды социальной активности с помощью анализа цифровых следов. Отметим, что термин «цифровой след» — это прямая калька с английского языка («digital footprint»). В своей работе под «цифровым следом» мы будем понимать результат поведения пользова-

телей интернета, зафиксированный в цифровом пространстве в текстовой или визуальной форме [32, с. 345]. Цифровой след даёт возможность составить достаточно чёткое представление о каждом отдельном интернет-пользователе, а при рассмотрении совокупности данных группы пользователей, объединённых какими-то параметрами, позволяет получить комплексное представление об изучаемой проблеме.

По данным цифровых следов мы можем идентифицировать различные аспекты реального социального поведения конкретных пользователей. К цифровому следу относятся поисковые запросы граждан [20, с. 143], поскольку они отражают реальные интересы, проблемы и потребности пользователей. При работе с поисковыми системами индивиды стремятся максимально точно сформулировать свои запросы, что и позволяет выявить их реальные интересы.

Наиболее активно изучают цифровой след маркетологи. Именно они доказали эффективность такого рода методов исследования [21]. На основании данных о цифровом следе пользователей, в частности, разрабатывают маркетинговые стратегии фирм, принимаются решения о возможности выдачи кредитов и т. п. Активно развиваются организации, предоставляющие услуги по мониторингу и аналитике социальных сетей, данных поисковых порталов и электронных медиа. Способность агрегировать огромное количество цифровых следов человеческого поведения через цифровые ресурсы представляет новую парадигму сбора данных [24]. М. Б. Богданов, И. Б. Смирнов в своей публикации, посвящённой обзору возможностей и ограничений использования цифрового следа, убедительно показывают, что цифровой след отражает различные аспекты реальной культуры общества. При условии правильного использования для решения релевантных исследовательских задач цифровой след позволяет преодолеть многие ограничения традиционных источников данных и открывает большие возможности для получения нового знания [1, с. 322]. На основе анализа методик изучения цифрового следа, описанных в указанных публикациях [21; 24; 1] мы полагаем, что отдельные компоненты экологической культуры, в частности — экологические установки, можно изучать посредством анализа цифрового следа. «Экологическую установку» мы понимаем как ценностное отношение к экологическим объектам, при этом она определяется двумя ключевыми факторами: потребностями субъекта и ситуацией внешней среды.

Экологические установки являются наиболее подвижным элементом экологической культуры, который зависит не только от ценностей, но и от множества самых разных факторов, включая текущие проэкологические пропагандистские кампании в СМИ и социальных сетях. Они определяют конкретные действия, в том числе и поисковые запросы пользователей интернета. По этой причине их можно изучать посредством анализа цифрового следа.

Ведущей цифровой платформой, на которой происходит фиксация поисковой активности граждан в русскоязычном интернете, является поисковая система Яндекс, которая входит в четвёрку крупнейших миро-

вых поисковых систем и остаётся крупнейшей на территории Российской Федерации. Яндекс хранит в обезличенном виде данные поисковых запросов населения с 2010 г.

По нашему мнению, анализируя статистику поисковых запросов пользователей по экологической тематике в данной поисковой системе, мы фиксируем социальные установки и направленность интересов личности в сфере экологических проблем. Пользователь находится в определённой ситуации, которая побуждает его сделать поисковый запрос, и хотя мы не можем судить о том, что стало причиной интереса к экологическим проблемам, поисковые запросы фиксируются в виде цифрового следа. Анализируя данные запросы, мы можем делать выводы о направленности интересов населения, об их ситуативных экологических установках. Эти установки могут быть реализованы в конкретных действиях индивидов в интернет-пространстве, а также свидетельствуют о возможных направлениях проэкологического поведения в социальном пространстве или о заинтересованности в таком поведении.

Таким образом, с помощью анализа цифровых следов пользователей становится возможным зафиксировать экологические установки населения. Цель данной статьи состоит в выявлении экологических установок жителей Свердловской области и апробации методики анализа статистики поисковых запросов населения по экологической тематике, зафиксированных поисковой системой Яндекс.

Методика исследования

Исследование выполнено в рамках количественного подхода и показывает динамику поисковых запросов населения Свердловской области по экологической тематике и конкретную тематику этих запросов за десять лет.

Для сбора эмпирической информации проводился сплошной сбор поисковых запросов населения Свердловской области с 2010 по 2019 гг. включительно. Сам сбор данных осуществлялся по следующей технологии: во-первых, авторами был составлен перечень ключевых слов (маркеров), прямо отражающих экологическую повестку дня. Данные ключевые слова были агрегированы по трём субтемам: отходы, загрязнение воздуха, загрязнение воды. Выбор ключевых слов был основан на результатах предыдущих исследований авторского коллектива, раскрывающих вопросы формирования экологического сознания населения и проблемы взаимодействия субъектов экологической политики в сфере обращения с отходами на территории Свердловской области [13].

Во-вторых, специалисты компании Яндекс собрали все запросы от населения в обезличенной форме по представленным маркерам. В ходе исследования отбирались только поисковые запросы от населения Свердловской области. Учитывались только те ключевые слова, которые в контексте всего запроса связаны с темой «экология». Кроме

того в автоматическом режиме определялось муниципальное образование, с территории которого был выполнен поисковый запрос. Сервис Яндекса определяет местоположение, с которого посылается запрос, по IP-адресу и с помощью технологии LBS. Возраст пользователей поисковой системы Яндекс определён с помощью технологии «Крипта». Данная технология работает на основе методов машинного обучения. Чтобы установить признаки, по которым человека можно отнести к какой-либо группе, «Крипта» исследует сетевое поведение её типичных представителей: какие слова они используют в запросах, сколько запросов задают за сессию, какие сайты посещают, в какое время суток выходят в интернет и т. д. — всего около 300 факторов. На их основе вычисляется вероятность принадлежности пользователя к данной группе. По данным представителей Яндекса, точность определения пола составляет примерно 85%, возраста — около 80%. Таким образом, собранные данные были проранжированы.

В результате получены следующие данные для анализа:

- ТОП 100 ключевых слов по экологической тематике и по каждой из экологических тематик за 2019 г., проранжированные по возрасту;
- Запросы населения Свердловской области по экологической теме и отдельным экологическим тематикам в каждой из возрастных групп, полученные в 2019 г. (данные представлены как по области в целом, так и по отдельным муниципальным образованиям);
- Запросы населения Свердловской области по экологической теме и отдельным экологическим тематикам с 2010 по 2019 гг. включительно (данные представлены как по области в целом, так и по отдельным муниципальным образованиям).

В качестве ограничения данного метода получения информации следует отметить отсутствие абсолютных цифр. Компания Яндекс не может их предоставить по пользователям, поскольку система видит не конкретных людей, отправляющих запросы, а только устройства, браузеры, приложения, с которых люди выходят в интернет, — их количество может сильно отличаться от количества людей.

Экологические установки населения Свердловской области

Общая доля всех поисковых запросов об экологии в Свердловской области в 2019 г. составила 0,02% от общего числа запросов по области (по всем тематикам). Большинство запросов посвящены темам: развлечения, личные дела и образование. В 2010 г. Яндекс обрабатывал в среднем около 60 млн. запросов в день, а в 2019 г. уже порядка 255 млн. Непосредственно с территории Свердловской области в 2019 г. было сделано около 3 млрд. запросов.

Если все запросы в 2019 г. в Свердловской области по экологическим тематикам взять за 100%, то доля запросов по теме «твёрдые коммунальные отходы» (ТКО) составила 61%, по теме «вода» – 20%, «воздух» – 3,5%, доля иных запросов по экологии составила 15,5%.

Тема ТКО является самой востребованной среди экологических запросов в 2019 г. у жителей Свердловской области. Это косвенно показывает, что информации по теме жителям не хватает, они вынуждены искать её через ряд ключевых слов. Поскольку их перечень по теме ТБО достаточно обширен, то нас интересовало, что вызвало такой интерес (см. табл. 1). Мы предполагаем, что интерес обусловлен преимущественно реформой в сфере обращения с ТКО.

Таблица 1 (Table 1)

ТОП-10 ключевых слов в поисковых запросах по теме ТКО,
% от общего числа слов по теме
TOP-10 keywords in search queries on the subject of MSW,
% of the total number of words on the topic

Ранг	Ключевое слово	% упоминания данного слова в запросах
1	пластиковый	39
2	бутылка	38
3	свалка	20
4	тбо	17
5	мусорный	14
6	реформа	9
7	сделать	7
8	поделка	6
9	отходы	5
10	твёрдый	5

Анализ ключевых слов по теме ТБО показал, что запросы, относящиеся к вопросам реформы в сфере обращения с ТБО, занимают значимую (4, 5 и 6-е места в ТОПе), но не лидирующую позицию. Большой интерес у граждан вызывает информация о возможностях утилизации мусора из пластика (1 и 2-е места в ТОПе). Население также активно интересуется нахождением свалок в своей местности (3-е место), а также различными технологиями и способами по переработке и вторичному использованию мусора. Например, жители активно интересуются тем, какие поделки можно сделать из отходов (7-е и 8-е места в ТОПе). Стремление к переработке отходов своими силами и вторичному использованию мусора свидетельствует о наличии у определённой группы населения активной проэкологической позиции.

Второй по степени значимости для граждан является экологическая тема «вода». В этой тематике подавляющее большинство населения (почти 95% по запросам) интересуется проблемами получения

и очистки воды. В теме «воздух» население преимущественно (около 90% запросов) интересуется источниками, причинами, проблемами и последствиями загрязнения воздуха.

В целом по теме экология, ТОП самых распространённых слов представлен в «облаке слов» (рис. 1).

Рис. 1. Облако слов по теме экология (за 2019 г.)

Figure 1. Ecology word cloud (2019)

Если говорить о численных значениях, то слово «среда» встречалось в 35% запросов по экологической тематике, слово «окружающий» – в 32%, «радиация» – 24%, «экосистема» – 14%, «экологический» – 10%, другие слова встречались значительно реже. С помощью подобных запросов на поисковых порталах граждане стремятся ликвидировать информационный вакуум по интересующей теме. В то же время в ТОП 100 самых распространённых слов в запросах жителей Свердловской области ни одно из слов по экологической тематике не попало.

Следует отметить, что чем выше ранг слова в ТОПе, тем большее единодушие наблюдается среди жителей области различных возрастных групп. Так, слова «среда» и «окружающий» стоят на первом и втором местах соответственно среди всех возрастных групп. Слово «радиация» и «экологический» – соответственно на третьем и четвёртом местах у жителей старше 25 лет. По другим словам наблюдается большое расхождение между возрастными группами.

Нас также интересовала поисковая активность граждан различных возрастных групп. Доля запросов по экологии за 2019 г. в Свердловской области в зависимости от возраста представлена на рисунке 2.

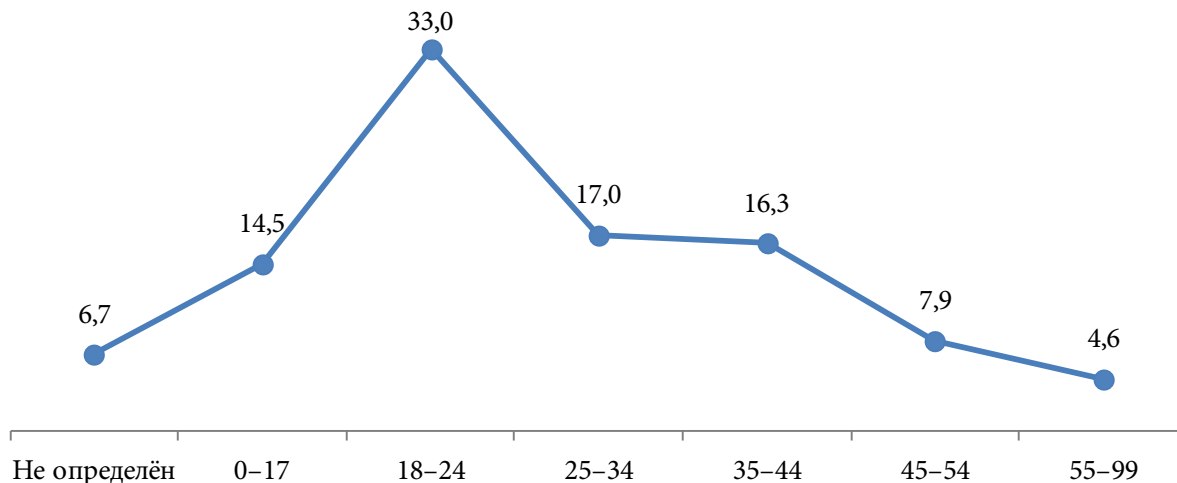

Рис. 2. Доля запросов населения по экологии в зависимости от возраста, %
Figure 2. Share of population inquiries on ecology by age, %

Повышенный интерес к экологической тематике наблюдается среди граждан от 18 до 24 лет. Данный факт может быть связан с тем, что эта возрастная группа, как правило, обучается в средне-специальных или высших учебных заведениях. Следовательно, поисковые запросы по экологической теме могут быть связаны именно с процессом обучения. Кроме того, молодёжь и люди среднего возраста являются наиболее активными как в стремлении получения новой информации, так и в плане использования интернет-сервисов. Эти выводы подтверждаются данными ранее проведённых исследований [13]. Население других возрастных групп также интересуется экологической темой.

Далее мы определили, какие экологические темы и в какой мере интересуют различные возрастные группы населения. Тема «воздух» в большей мере интересует детей и молодёжь. По теме «вода» мы видим повышенный интерес у нескольких возрастных групп: 18–24, 25–34 и 35–44 года. А по теме ТКО максимальный интерес наблюдается у групп от 25 до 44 лет (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Зависимость возраста населения и интереса к экологическим темам, %
Dependence of the population age and interest in environmental topics, %

Возраст, лет	Экологическая тема исследования			
	Экология в целом	Вода	ТКО	Воздух
Не определён	6,7	6,1	7,1	6,1
0-17	14,5	8,1	5,2	21,1
18-24	33,0	22,0	9,7	38,4
25-34	17,0	19,7	24,3	12,8
35-44	16,3	22,1	25,7	13,0
45-54	7,9	12,4	14,4	5,4
55-99	4,6	9,6	13,6	3,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Детей и подростков в большей степени интересует информация о различного рода загрязнениях окружающей среды, а молодёжь и людей средней возрастной группы – средства и технологии по утилизации отходов и очистке природных ресурсов. На основе анализа ключевых слов и статистики поисковых запросов населения за 2019 г. мы можем утверждать, что если дети и молодёжь в основном только собирают информацию по экологическим вопросам, то старшие возрастные группы уже демонстрируют подготовку к конкретным проэкологическим практикам.

В целях наглядной демонстрации уровня интереса каждой возрастной группы к каждой из выделенных нами экологических тематик было проведено распределение по экологическим темам для каждой возрастной группы (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Зависимость интереса к экологическим тематикам в зависимости от возраста, %
Dependence of interest in environmental topics and age, %

Возраст, лет	Экологическая тема исследования		
	Вода	ТБО	Воздух
0–17	29	57	13
18–24	38	51	11
25–34	20	77	2
35–44	21	76	2
45–54	22	77	2
55–99	18	80	1

Представленные данные наглядно показывают, что тема твёрдых бытовых отходов является приоритетной у всех возрастных групп. Тема «вода» является также значимой, но интересует от 18 до 38% населения, в зависимости от возраста.

Если же рассмотреть в динамике статистику поисковых запросов по экологической тематике, то с 2010 г. наблюдается тенденция к снижению количества запросов по экологии в целом. Если в 2010 г. от всей массы запросов процент экологических составил 0,026, то в 2019 г. уже 0,019%. Подробнее динамика запросов в процентах относительно 2010 г. представлена на рисунке 3.

Начиная с 2010 г. наблюдается снижение интереса у населения Свердловской области к экологической тематике, но к 2019 г. наметилась тенденция к росту количества данных запросов.

Если рассматривать количество запросов в динамике по отдельным темам, а именно: «вода», «воздух» и «ТБО», то по первым двум темам наблюдается тенденция к постепенному снижению количества запросов, начиная с 2010 г. Тема «ТБО», напротив, в целом демонстрирует рост интереса у граждан (рис. 4).

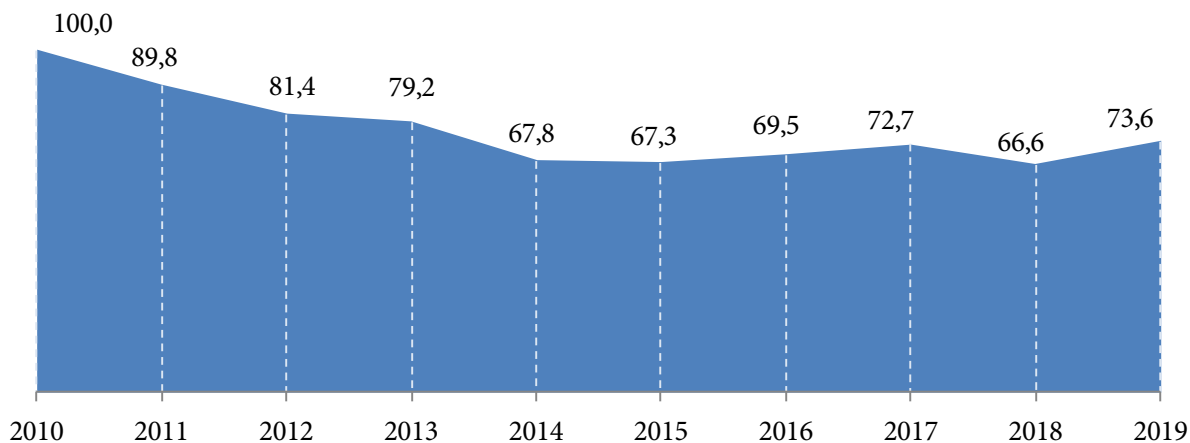

Рис. 3. Динамика запросов населения Свердловской области по экологической тематике за период 2010–19 гг., %

Figure 3. Dynamics of search queries of the population of the Sverdlovsk region on environmental issues for the period 2010–19, %

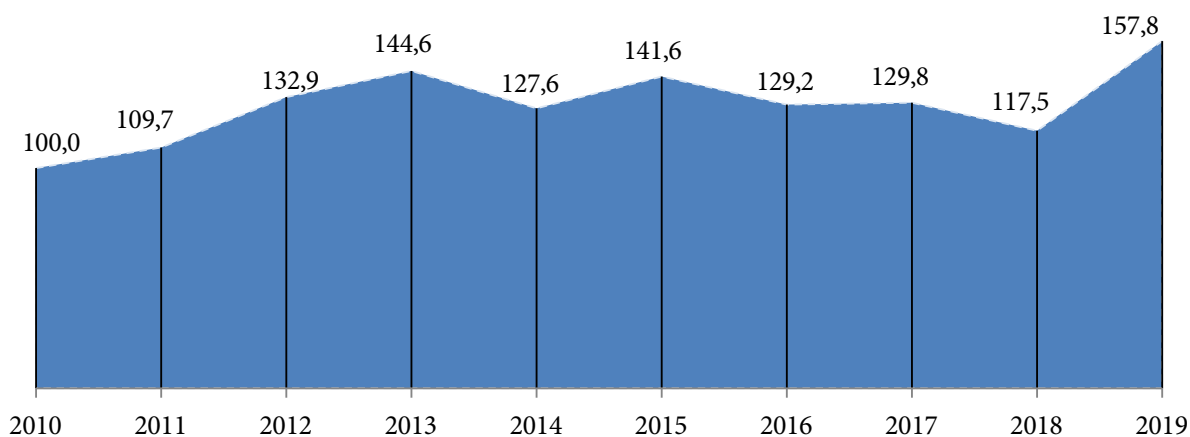

Рис. 4. Динамика запросов населения Свердловской области по тематике «ТКО» за период 2010–19 гг., %

Figure 4. Dynamics of search queries of the population of the Sverdlovsk region on the subject of MSW for the period 2010–19, %

Из представленных данных мы видим, что интерес к экологической тематике снижается. Только с возникновением актуальной для населения повестки дня такой интерес возникает вновь. Так, активное обсуждение в СМИ «мусорной реформы» привело к интересу данной темы в интернет-пространстве, что и нашло отражение в динамике поисковых запросов. В целом ценность экологической тематики в обществе остаётся невысокой.

Заключение

Использование методики анализа статистики поисковых запросов населения подтвердило стремление индивидов максимально точно сформулировать свои запросы в поисковых системах, что и позволяет выявить их экологические установки. Необходимо отметить, что мы берём для

анализа не просто набор ключевых слов (из поисковой системы), а именно те слова, которые по всему контексту запроса относятся к определённой тематике. При выполнении данного условия полученные данные могут быть весьма информативны.

Так, в данном случае они показали, что в целом заинтересованность населения Свердловской области в экологической тематике невысока. Население сравнительно редко собирает информацию экологической направленности через поисковую систему. Кроме того, в течение последних десяти лет наблюдалось сокращение интереса к экологической теме. В то же время, если в обществе и СМИ актуализируется какая-либо экологическая тематика, то возрастает и интерес к ней в интернет-пространстве. Предположительно, что в связи с мусорной реформой, в 2019 г. от жителей Свердловской области возросло количество запросов по теме твёрдых коммунальных отходов.

Анализ запросов также показал, что для значительной части населения Свердловской области важно знать и применять технологии по утилизации мусора, получать информацию о местах захоронения мусора, о состоянии воздуха и воды в месте проживания, а также о технологиях по их проверке и очистке. И если часть населения с помощью возможностей поискового портала лишь ликвидирует информационный голод, то другая часть осуществляет подготовку к конкретным действиям экологической направленности. Понять, относится ли данный запрос к простому интересу, ценности или же отражает сформированное экологически ориентированное действие, мы можем в ходе дальнейших эмпирических исследований.

Благодаря технологиям искусственного интеллекта осуществляется ранжирование граждан по возрастным группам. Например, было установлено, что детей и подростков в большей степени интересует информация о различного рода загрязнениях окружающей среды, а молодёжь и людей средней возрастной группы – средства и технологии по утилизации отходов и очистке природных ресурсов. Также было установлено, что и дети, и молодёжь, и люди среднего возраста являются наиболее активными в стремлении получить новую экологическую информацию. Темой «воздух» в большей мере интересуются младшие возрастные группы населения. По теме «вода» мы видим повышенный интерес у нескольких возрастных групп: 18–24, 25–34 и 35–44 года. А по теме отходов максимальный интерес наблюдается у групп с 25 до 34-х и с 35 до 44-х лет. На основе анализа ключевых слов и статистики поисковых запросов населения за 2019 г. мы можем утверждать, что если дети и молодёжь в основном только собирают информацию по экологическим вопросам, то старшие возрастные группы уже демонстрируют подготовку к конкретным проэкологическим практикам.

Таким образом, в ходе исследования нам удалось зафиксировать достаточно обширный срез данных относительно экологических установок населения. Отметим также, что аналитика поисковых запросов отличается от аналитики в социальных сетях прямой формулировкой вопроса и отсутствием искажения, вызванного желанием пользователя казаться

лучше. Анализ поисковых запросов не нарушает право пользователя на приватность и закон о персональных данных, так как данные анализируются в обобщённом виде. Яндексом и другими поисковыми системами накоплены обширные базы, представляющие цифровой след населения. Как следствие, возможно исследовать актуальное состояние или проводить мониторинг социальных установок по самым различным социальным аспектам.

К недостаткам данного метода мы можем отнести только отсутствие абсолютных цифр (система видит не конкретных людей, а запросы, которые поступают с различных устройств). Иные ограничения весьма активно нивелируются с развитием искусственного интеллекта, что позволяет конкретнее ранжировать пользователей и определять точные тематики поисковых запросов. В связи с чем данный метод может применяться как отдельно, так и в дополнение к традиционным эмпирическим методам исследования.

Благодарность. Выражаем благодарность компании Яндекс за плодотворное сотрудничество с Уральским федеральным университетом, а также участникам проведённого исследования: руководителю Лаборатории машинного интеллекта Александру Крайнову, руководителю Службы дата-журналистики Игорю Лоцице и аналитику Группы внешних исследований Николаю Огаю.

Библиографический список

1. Богданов М. Б., Смирнов И. Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 304–328. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760>.
2. Глазычев С. Н., Косоножкин В. И. Антропоэкосистемы и устойчивость биосферы // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2011. № 6 (120). С. 114–117.
3. Дерябо С. Д., Ясвин В. А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: ООО «Феникс», 1996. 480 с.
4. Егорова Л. Г., Ермолаева П. О., Носкова Е. П. Динамика экологического сознания горожан (на примере г. Казани) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. № 6. С. 23–33.
5. Ермаков Д. С. Экологическая компетенция и компетентность // Педагогика. 2015. № 7. С. 41–50.
6. Ермолаева П. О. Экологический образ жизни российского и американского студенчества // Вестник Института социологии. 2011. Т. 2. № 2. С. 236–253.
7. Ермолаева П. О., Ермолаева Ю. В. Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 323–346. DOI: [10.14515/monitoring.2019.4.16](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16).

8. Иванова Т. Н., Иванов М. Н. Теоретические подходы к изучению экологической культуры в современной социологии // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 129–133.

9. Колосова О. Ю. Социально-философский анализ экологической культуры // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2019. № 1. С. 123–127.

10. Мамедов Н. М. Экологическое образование: социокультурный контекст // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 6–13.

11. Мартинович Е. В. Когнитивный компонент экологической культуры будущих специалистов социально-культурной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 4 (29). С. 135–141.

12. Несговорова Н. П., Савельев В. Г. Формирование когнитивного компонента экологической культуры студентов вуза в процессе практико-ориентированной образовательной деятельности // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 1 (58). С. 39–44.

13. Орешкина Т. А. Экологическая культура молодежи Свердловской области / Т. А. Орешкина // Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / А. А. Айвазян, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский [и др.]; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 165–180.

14. Орешкина Т. А. Экологические компетенции в структуре образовательных программ высшей школы // Вестник Института социологии. 2017. № 23. С. 113–123. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.484

15. Реймерс Н. Ф. Из путевых заметок эколога // Астраханский вестник экологического образования. 2003. № 1 (5). С. 55–72.

16. Актуализированные ценности современного российского общества: монография / Под ред. И. А. Халий. М.: Институт социологии РАН, 2015. 273 с.

17. Шутова И. П. Диагностика уровня сформированности мотивационного и деятельностно-поведенческого компонентов экологической культуры личности будущего учителя: применение метода Г. Е. Залесского / И. П. Шутова, Н. В. Осинцева // Научный диалог. 2017. № 4. С. 273–287. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-273-287. С. 276

18. Яницкий О. Н. Производство социально-экологического знания. В поисках нормальной модели // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 130–141.

19. Andrieieva O., Galan Y., Hakman A., Holovach I. Application of ecological tourism in physical education of primary school age children // Journal of Physical Education and Sport (JPES). 2017. Vol. 17. Supplement issue 1. P. 7–15.

20. Boudlaie H., Nargesian A. Digital footprint in Web 3.0: Social Media Usage in Recruitment // AD-minister. 2019. Vol. 34. P. 139–156.
21. Cambria E., Wang HX., White B. Guest Editorial: Big Social Data Analysis // Knowledge-based systems. 2014. Vol. 69. P. 2–14.
22. Dunlap R. E., Jones R. E. Environmental concern: Conceptual and measurement issues // Handbook of Environmental Sociology. Westport, ST: Greenwood Press, 2002. P. 482–524.
23. Garling T., Loukopoulos P. Effectiveness, public acceptance and political Feasibility of coercive measures for reducing car traffic // T. Garling, L. Steg (eds). Threats to the quality of urban life from car traffic: Problems, causes, and solutions. Amsterdam: Elsevier, 2007. P. 313–324. DOI: [10.1108/9780080481449-017](https://doi.org/10.1108/9780080481449-017)
24. Goncalves B., Perra N., Vespignani A. Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number // Plos one. 2011. Vol. 6 (8). DOI: [10.1371/journal.pone.0022656](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0022656)
25. Kaiser F. G.; Doka G.; Hofstetter P., Ranney M. A. Ecological behavior and its Environmental consequences: A life cycle assessment of a self-report measure // Journal of Environmental Psychology. 2003. Vol. 23. No. 1. P. 11–20. DOI: [10.1016/S0272-4944\(02\)00075-0](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00075-0)
26. Predigera S., Volland B., Frilichde M. The impact of culture and ecology on cooperation in a common-pool resource experiment // Ecological Economics. 2011. Vol. 70. No. 9. P. 1599–1608.
27. Sawitria D. R, Hadiyantob H., Sudharto P., Hadic P. Pro-Environmental Behavior from a Social-Cognitive Theory Perspective // Procedia Environmental Sciences. 2015. Vol. 23. P. 27–33.
28. Schultz P. W., Nolan J., Cialdini R., Goldstein N., Griskevicius V. The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms // Psychological Science. 2007. Vol. 18. No. 5. P. 429–434. DOI: [10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x)
29. Schwartz S. H. Normative influences on altruism // Advances in Experimental Social Psychology. 1977. Vol. 10. No. 1. P. 221–279. DOI: [10.1016/s0065-2601\(08\)60358-5](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60358-5)
30. Steg L., Dreijerink L., Abrahamse W. (2005) Factors influencing the acceptability of Energy policies: testing VBN theory // Journal of Environmental Psychology. 2005. Vol. 25. No. 5. P. 415–425. DOI: [10.1016/j.jenvp.2005.08.003](https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.08.003)
31. Stern P. C. Information, incentives and pro-environmental consumer behavior // Journal of Consumer Policy. 1999. Vol. 22. No. 2. P. 461–468.
32. Zabokritskaya L., Kulminskaia A., Komotsky E. The experience of analyzing the digital track of fans to assess the holding of mass events: the example of the 2018 FIFA World Cup. 2nd International Scientific Conference on New Industrialization: Global, National, Regional Dimension (SICNI 2018). Ekaterinburg. 2018. 5–6 December. P. 344–348. DOI: [10.2991/sicni-18.2019.70](https://doi.org/10.2991/sicni-18.2019.70)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Забокрицкая Любовь Дмитриевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Орешкина Татьяна Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.721

Analysis of Search Query Statistics as a Tool for Monitoring the Ecological Attitudes of the Region's Population

Liubov D. Zabokritskaya

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: zabokritskaya@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0002-4653-4409

Tatiana A. Oreshkina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: t.a.oreshkina@urfu.ru

ORCID ID: 0000-0003-0004-7709

For citation: Zabokritskaya L. D., Oreshkina T. A. Analysis of search query statistics as a tool for monitoring the ecological attitudes of the region's population. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 175–193. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.721

Abstract. The article reveals the main approaches to understanding the essence of ecological culture, as well as its basic components: cognitive, value and activity. The article focuses on the fact that pro-ecological behavior is a leading indicator of ecological culture. It is noted that a society can have a sufficiently high level of environmental knowledge and correct values, but in the absence of pro-environmental behavior, we cannot speak about the proper level of environmental culture. Attention is focused on the difficulties of empirical study of the real state of the components of ecological culture. The definition of the term “digital footprint” is given. The possibility and expediency of studying the ecological attitudes of the population as the most mobile element of ecological culture using the analysis of statistics of search queries is shown. The purpose of the study is to identify the ecological attitudes of the inhabitants of the Sverdlovsk region and approbation of the methodology for analyzing statistics of search queries of the population on environmental topics, recorded by the Yandex search engine. The study was carried out within the framework of a quantitative approach. To collect empirical information, a continuous collection of search queries from the population of the Sverdlovsk region was carried out from 2010 to 2019 inclusive. The technique of collection, processing and analysis of search queries of the population is described. The analysis made it possible to identify a number of significant pro-ecological attitudes of the population, for example, for a significant part of the population of the Sverdlovsk region it is important to know and apply technologies for waste disposal, to know the state of air and water in the place of residence, as well as technologies for checking and cleaning them. It was found that children and adolescents are more interested in information about various kinds of environmental pollution, and young people and people of the middle age group are more interested in means and technologies for waste disposal and cleaning of natural resources. In general, the results of the study showed that search query data can serve as a source of up-to-date information on the ecological attitudes of the region's population. The advantages and disadvantages of the analysis of search queries as an empirical research method are shown.

Keywords: ecological culture, activity component, ecological attitudes, pro-ecological action, digital footprint, search engine, Yandex

References

1. Bogdanov M. B., Smirnov I. B. Opportunities and Limitations of Digital Footprints and Machine Learning Methods in Sociology. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2021: 1: 304–328. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1760> (in Russ.)
2. Glazychev S. N., Kosonozhkin V. I. Antropojekosistemy i ustojchivost' biosfery [Anthropoecosystems and biosphere sustainability]. *Ispol'zovanie i ohrana prirodnyh resursov v Rossii*, 2011: 6 (120): 114–117. (in Russ.)
3. Derjabo S. D., Jasvin V. A. Jekologicheskaja pedagogika i psihologija [Environmental pedagogy and psychology]. Izdatel'stvo: OOO «Feniks» (Rostov-na-Donu). Rostov-na-Donu, 1996: 480. (in Russ.)
4. Egorova L. G., Ermolaeva P. O., Noskova E. P. Dinamika jekologicheskogo soznaniya gorozhan (na primere g. Kazani) [The dynamics of the ecological consciousness of the townspeople (on the example of Kazan)]. *Uchenye zapiski kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 2013: 155: 6: 23–33. (in Russ.)
5. Ermakov D. S. Jekologicheskaja kompetencija i kompetentnost' [Environmental competence and competency]. *Pedagogika*, 2015: 7: 41–50. (in Russ.)
6. Ermolaeva P. O. Jekologicheskij obraz zhizni rossijskogo i amerikanskogo studenchestva [Ecological lifestyle of Russian and American students]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2011: 2: 2: 236–253. (in Russ.)
7. Ermolaeva P. O., Ermolaeva Y. V. Critical analysis of foreign theories of environmental behavior. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*, 2019: 4: 323–346. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.16> (In Russ.)
8. Ivanova T. N., Ivanov M. N. Theoretical approaches to the study of environmental culture in modern sociology. *Karel'skij nauchnyj zhurnal*, 2016: 5: 3 (16): 129–133. (in Russ.)
9. Kolosova O. Ju. Social and philosophical analysis of ecological culture. *Ekonomicheskiye i humanitarnyye issledovaniya regionov*, 2019: 1: 123–127. (in Russ.)
10. Mamedov N. M. Jekologicheskoe obrazovanie: sociokul'turnyj kontekst [Environmental education: sociocultural context]. *Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki*, 2012: 2 (20): 6–13. (in Russ.)
11. Martinovich E. V. Cognitive component of the ecological culture of future specialists in social and cultural activities. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2018: 8: 4 (29): 135–141. (in Russ.)
12. Nesgovorova N. P., Savel'ev V. G. Formation of the cognitive component of the ecological culture of university students in the process of practice-oriented educational activities. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010: 1 (58): 39–44. (in Russ.)
13. Oreshkina T. A. Ecological culture of youth of the Sverdlovsk region. Grazhdanskaja kul'tura molodezhi Sverdlovskoj oblasti: tendencii, problemy, perspektivy: monografija [Civic culture of youth of the Sverdlovsk region: trends, problems, prospects]. Ed. by Ju. R. Vishnevski. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2017: 165–180. (in Russ.)
14. Oreshkina T. A. Ecological competences in the structure of educational programs in higher institutions. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2017: 23: 113–123. DOI: 10.19181/vis.2017.23.4.484 (in Russ.)
15. Rejmers N. F. Iz putevyh zametok jekologa [From the ecologist's travel notes] *Astrahanskij vestnik jekologicheskogo obrazovanija*, 2003: 1 (5): 55–72. (in Russ.)
16. Aktualisirovannye cennosti sovremennogo rossijskogo obshchestva [The updated values of modern Russian society]. Ed. by I. A. Khaliy. Moscow, IS RAS publ., 2015: 273. Accessed 20.05.21. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4061> (in Russ.)
17. Shutova I. P., Osinceva N. V. Diagnostics of the level of formation of motivational and activity-behavioral components of the ecological culture of the personality of the future teacher: application of the method of G. E. Zalessky. *Nauchnyj dialog*, 2017: 4: 273–287. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-273-287 (in Russ.)
18. Yanitsky O. N. Proizvodstvo sotsial'no-ekologicheskogo znaniya. V poiskakh normal'noy modeli [Production of social and environmental knowledge. In search of a normal model]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, 2006: 5: 130–141. (in Russ.)

19. Andrieieva O., Galan Y., Hakman A., Holovach I. Application of ecological tourism in physical education of primary school age children. *Journal of Physical Education and Sport (JPES)*, 2017: 17: 1: 7–15.
20. Boudlaie H., Nargesian A. Digital footprint in Web 3.0: Social Media Usage in Recruitment. *AD-minister*, 2019: 34: 139–156.
21. Cambria E., Wang HX., White B. Guest Editorial: Big Social Data Analysis. *Knowledge-based systems*, 2014: 69: 2–14.
22. Dunlap R. E., Jones R. E. Environmental concern: Conceptual and measurement issues. In: *Handbook of Environmental Sociology*. Westport, ST: Greenwood Press, 2002: 482–524.
23. Garling T., Loukopoulos P. Effectiveness, public acceptance, and political Feasibility of coercive measures for reducing car traffic. In: T. Garling, L. Steg (eds). *Threats to the quality of urban life from car traffic: Problems, causes, and solutions*. Amsterdam, Elsevier, 2007: 313–324. DOI: [10.1108/9780080481449-017](https://doi.org/10.1108/9780080481449-017).
24. Goncalves B., Perra N., Vespignani A. Modeling Users' Activity on Twitter Networks: Validation of Dunbar's Number. *Plos one*, 2001: 6 (8). DOI: [10.1371/journal.pone.0022656](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0022656)
25. Kaiser F. G.; Doka G.; Hofstetter P., Ranney M. A. Ecological behavior and its Environmental consequences: A life cycle assessment of a self-report measure. *Journal of Environmental Psychology*, 2003: 23: 1: 11–20. DOI: [10.1016/S0272-4944\(02\)00075-0](https://doi.org/10.1016/S0272-4944(02)00075-0).
26. Predigera S., Volland B., Frilichde M. The impact of culture and ecology on cooperation in a common-pool resource experiment. *Ecological Economics*, 2011: 70: 9: 1599–1608.
27. Sawitria D. R, Hadiyantob H., Sudharto P., Hadic P. Pro-Environmental Behavior from a Social-Cognitive Theory Perspective. *Procedia Environmental Sciences*, 2015: 23: 27–33.
28. Schultz P. W., Nolan J., Cialdini R., Goldstein N., Griskevicius V. The constructive, destructive, and reconstructive power of social norms. *Psychological Science*, 2007: 18: 5: 429–434. DOI: [10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9280.2007.01917.x).
29. Schwartz S. H. Normative influences on altruism. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1977: 10: 1: 221–279. DOI: [10.1016/s0065-2601\(08\)60358-5](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60358-5).
30. Steg L., Dreijerink L., Abrahamse W. Factors influencing the acceptability of Energy policies: testing VBN theory. *Journal of Environmental Psychology*, 2005: 25: 5: 415–425. DOI: [10.1016/j.jenvp.2005.08.003](https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2005.08.003).
31. Stern P. C. Information, incentives and pro-environmental consumer behavior. *Journal of Consumer Policy*, 1999: 22: 2: 461–468.
32. Zabokritskaya L., Kulminskaia A., Komotsky E. The experience of analyzing the digital track of fans to assess the holding of mass events: the example of the 2018 FIFA World Cup. 2nd International Scientific Conference on New Industrialization: Global, National, Regional Dimension (SICNI 2018). Ekaterinburg, 2018: 344–348. DOI: [10.2991/sicni-18.2019.70](https://doi.org/10.2991/sicni-18.2019.70)

The article was submitted on: March 26.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Liubov D. Zabokritskaya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of sociology and technologies of public administration, School of public administration and entrepreneurship, Institute of Economics and management, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Tatiana A. Oreshkina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of sociology and technologies of public administration, School of public administration and entrepreneurship, Institute of Economics and management, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Трибуна молодого учёного

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания москвичей и таллинцев: роль воспринимаемой угрозы

Исследование проведено автором в 2021 г. в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (руководитель – директор Центра социокультурных исследований, д. психол. наук Н. М. Лебедева)

Ссылка для цитирования: Родионов Г. Я. Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания москвичей и таллинцев: роль воспринимаемой угрозы // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 2. С. 194–215. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

For citation: Rodionov G. Y. Civic identity and acculturation expectations of Muscovites and Tallinn residents: the role of perceived threat. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 194–215. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

Родионов Гермоген Ярославович¹

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

grodionov@hse.ru

AuthorID РИНЦ: 1057400

Аннотация. В настоящее время Россия занимает четвертое место по притоку мигрантов в мире (официально их количество в стране составляет 12 млн человек), значительная их часть сосредоточена в Москве. В Эстонии приток мигрантов существенно ниже, однако в статусе этнического меньшинства после распада СССР оказалось довольно много русских. На данный момент они составляют почти четверть населения Эстонии (общее число – более 300 тыс. человек). В данном исследовании изучается роль воспринимаемой угрозы как модератора¹ связи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий в двух разных этнических группах двух разных стран. Цель исследования – определить, какую роль играет воспринимаемая угроза во взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий принимающего населения? Является ли воспринимаемая угроза модератором? Каковы различия роли воспринимаемой угрозы в разных контекстах: со стороны москвичей (этнических русских) к мигрантам и со стороны таллинцев (этнических эстонцев) к русским, являющимся этническим меньшинством? Данное исследование было проведено при помощи социально-психологического опроса в онлайн-формате. Ответы участников опроса определяли уровень гражданской идентичности, воспринимаемой угрозы и аккультурационных ожиданий. Выборка состояла из 214 этнических русских, проживающих в Москве, и 288 этнических эстонцев, проживающих в Таллине. Результаты

¹ Модератор – переменная, которая статистически влияет на направление и/или силу связи независимой переменной на зависимую. Базовая схема эффекта модерации изображена на рис. 1.

исследования показали, что у москвичей модератором связи гражданской идентичности и интеграции является культурная и экономическая угроза, а физическая значима лишь на уровне тенденций. У таллинцев воспринимаемая экономическая угроза оказалась модератором связи гражданской идентичности и «плавильного котла», физическая угроза – модератором гражданской идентичности и «сегрегации», влияния культурной угрозы не выявлено. В каждой группе эффект модерации сработал по-разному. Для москвичей воспринимаемая угроза была связана с установками на интеграцию. У таллинцев она оказалась связанной с двумя стратегиями, которые предполагают полное отсутствие интеграции.

Ключевые слова: гражданская идентичность, воспринимаемая угроза, аккультурационные ожидания, миграция, аккультурация, Россия, Эстония

В России в настоящее время проживают порядка 12 млн мигрантов, что является четвёртым показателем уровня миграции в мире¹, большая часть из них проживает в Москве. В Эстонии же ситуация несколько иная. В этой стране приток мигрантов значительно ниже, однако одной из важнейших проблем становится взаимодействие принимающего эстонского населения с русскоязычным, являющимся этническим меньшинством. В период с 1918 по 1940 гг. Эстония являлась преимущественно этнически однородным государством, где 88% населения составляли эстонцы. С 1945 по 1989 гг. численность населения изменилась: количество коренных эстонцев сократилось с 1 млн до 965 тыс., а неэстонское население выросло с 23 до 602 тыс. человек [20]. Одной из главных целей миграционной политики советского государства было заселение Эстонии путём миграции русскоязычного населения. После обретения Эстонией независимости вектор направления государства сильно изменился: теперь государственная политика Эстонии стала подразумевать развитие эстонской нации, что резко изменило позиции русских, которые внезапно стали восприниматься как этническое меньшинство. Это привело к различным социокультурным и психологическим противоречиям. В 1998 г. был основан Фонд интеграции, который по сей день занимается разработкой и развитием интеграционной политики в отношении этнических меньшинств, а также адаптацией неэстонского населения. Однако до сих пор в стране существует немалое количество русскоязычных лиц без гражданства, не имеющих равных прав наравне с эстонцами [21].

Социальная идентичность определяет значимость ингруппы наряду с эмоциональным значением, которое человек придаёт членству в данной группе, согласно теории Тэшфела [19]. Гражданская идентичность является частным случаем социальной идентичности, где ингруппой, к которой человек чувствует принадлежность, выступает гражданское

¹ International Migrant Report 2019 // Economic and Social Affairs. United States, NY. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf (дата обращения: 20.04.2021).

общество. Позитивность данной идентичности может определять характер взаимодействия с другой группой, которая может казаться как дружественной, так и угрожающей [19]. Существует понятие интегральной воспринимаемой угрозы [17], которая влияет на аккультурацию.

В предлагаемой статье планируется изучить, каким образом воспринимаемая угроза со стороны мигрантов (этнических меньшинств) при различных уровнях гражданской идентичности влияет на аккультурационные ожидания принимающего населения (этнического большинства) по отношению к мигрантам (этническим меньшинствам). Меняет ли воспринимаемая угроза характер взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий в разных контекстах (москвичи и мигранты, таллинцы и этнические меньшинства)? Каковы главные различия роли воспринимаемой угрозы в двух разных контекстах? Ответить на эти вопросы должно помочь данное исследование.

Гражданская идентичность и аккультурационные ожидания

Согласно теории социальной идентичности [19], люди склонны воспринимать себя как представителей некоторой группы. При этом, в зависимости от особенностей, приписываемых представителям различных групп, люди могут определять вид социальной идентичности. Например, это может быть этническая идентичность, гражданская, религиозная и т. д. Согласно теории социального доминирования, при высоком уровне единения себя с группой, люди могут считать свою группу более сильной и развитой, чем какую-либо другую [16]. Одни исследования показывают, что гражданская и этническая идентичности непосредственно связаны с процессом аккультурации [7; 14]; другие, – что гражданская идентичность является фактором, определяющим аккультурацию [13; 15], а также выбор конкретных аккультурационных стратегий [24].

Одной из наиболее распространённых классификаций аккультурационных ожиданий является модель Джона Берри [3]. Это некоторые установки, согласно которым принимающее население ожидает определённого поведения от другой группы. Он выделяет три основных типа аккультурационных ожиданий принимающего населения по отношению к мигрантам: интеграция, «плавильный котёл» и сегрегация. «Интеграция» предполагает, что принимающее население будет готово постоянно контактировать с другой группой в едином обществе, при этом позволяя ей сохранить культуру и не требуя перенимать свою. «Плавильный котёл» предполагает, что другая группа откажется от своей культурной целостности и фактически примет культуру доминирующей группы. «Сегрегация» предполагает, что другая группа будет жить в своём параллельном обществе, не пересекаясь с принимающей группой, но сохранив свою культуру. Также существует четвёртый, особый вид аккультурационных ожиданий, называемый «исключением».

Это означает, что другая группа будет исключена из общества, отвергнув культуру и своей, и чужой группы. В этом случае аккультурации как таковой не происходит.

Связь воспринимаемой угрозы с гражданской идентичностью и процессом аккультурации

Существует теория интегральной угрозы, согласно которой угроза может быть реальной, а может быть воспринимаемой [17]. При этом воспринимаемая угроза является важным фактором, предсказывающим характер аккультурационных процессов. Стефан разделяет воспринимаемую угрозу на три компонента: культурную, экономическую и физическую. Воспринимаемая культурная угроза означает угрозу традиционным устоям, обычаям, языку. Экономическая угроза предполагает ущерб экономическому благосостоянию граждан, созданию конкуренции рабочим местам. Физическая угроза подразумевает угрозу жизни и здоровью [18].

Некоторые исследования показывают, что разные уровни выраженности гражданской идентичности могут вызывать различные аккультурационные установки по отношению к другой группе. Кроме того, различные виды идентичности (этническая, религиозная, «европейская») могут оказываться в разной степени угрожающими или безопасными в зависимости от наличия или отсутствия воспринимаемой дискриминации [8], а также в контексте полезности мигрантов в обществе [12]. Было выявлено, что в различных странах разные виды идентичности могут иметь взаимосвязи с воспринимаемой угрозой. Например, в исследовании Леонг [9] на примере пяти стран (Сингапур, Япония, Финляндия, Канада, Австралия) было выявлено, что этническая идентичность постоянно положительно коррелирует с воспринимаемой угрозой. Чем выше уровень этнической идентичности, тем выше был уровень воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов. При этом гражданская идентичность показала положительные значимые связи только в Финляндии, Канаде и Австралии. Таким образом, чем выше оказывался уровень гражданской идентичности, тем выше становился уровень воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов.

Говоря про роль воспринимаемой угрозы в процессе аккультурации, стоит отметить, что уровень межгрупповой напряжённости может формировать и видоизменять аккультурационные установки по отношению к мигрантам [5; 22]. Исследования, проведённые в Канаде, показывают, что у коренных жителей страны не прослеживалось прямой связи гражданской идентичности с негативными установками по отношению к мигрантам. Однако с ростом воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов, с ростом гражданской идентичности появлялись и негативные установки в отношении мигрантов [10]. При этом основная роль часто отводится не физической угрозе, а экономической и культурной [11].

Наше исследование посвящено поиску различий влияния воспринимаемой угрозы со стороны другой этнической группы на взаимосвязь гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий в двух разных контекстах. В первом случае мы изучаем, на выбор каких аккультурационных ожиданий москвичей влияет воспринимаемая угроза по отношению к мигрантам. Во втором случае исследуем, как воспринимаемая угроза по отношению к этническим меньшинствам, которые не являются мигрантами, влияет на выбор аккультурационных ожиданий таллинцами.

Методика исследования

Выборка, изучаемая в исследовании, была поделена на две группы. Первая группа включала 214 человек, родившихся и проживающих в Москве, граждан Российской Федерации, которые по этническому признаку являются русскими. Возраст респондентов варьировался от 18 до 35 лет, из них мужчины составляли 80 человек, а женщины – 134. Вторая группа состояла из 288 граждан Эстонии, родившихся и проживающих на территории Эстонии в городе Таллин. По этническому признаку – эстонцы. Возраст участников – от 18 до 45 лет, из которых 152 человека – мужчины, 136 – женщины. В рамках регрессионного анализа проводился контроль по полу и возрасту в обеих группах для того, чтобы исключить влияние пола и возраста в выборке.

Данное исследование проводилось методом социально-психологического опроса. Опросник включал в себя три вида шкал: 1) гражданская идентичность, 2) интегральная воспринимаемая угроза и 3) аккультурационные ожидания принимающего населения. Во всех случаях респонденты должны были оценить степень согласия с рядом утверждений по шкале от 1 до 5, где 1 означает «абсолютно не согласен», а 5 – «абсолютно согласен».

1. *Гражданская идентичность* [2]. Данная шкала включает в себя 4 вопроса, при ответе на которые участники должны были выразить степень согласия с тем, насколько они ощущают себя гражданами страны, в которой проживают: «Я считаю себя гражданином России/Эстонии», «Я чувствую себя частью культуры России/Эстонии», «Я горд быть гражданином России/Эстонии», «Я счастлив быть гражданином России/Эстонии». Москвичи отвечали на вопросы о российской гражданской идентичности, таллинцы – об эстонской гражданской идентичности.

2. *Воспринимаемая угроза*. Здесь использовалась перекодированная шкала интегральной воспринимаемой безопасности Джона Берри [4], адаптированная на русскоязычной выборке [1]. Участникам предлагалось оценить степень согласия с 13-ю утверждениями, 5 из которых оценивают уровень воспринимаемой культурной угрозы со стороны мигрантов/этнических меньшинств, 4 утверждения – уровень воспринимаемой экономической угрозы, и ещё 4 утверждения – уровень воспринимаемой физической угрозы.

3. *Аккультурационные ожидания.* Для оценки данной шкалы использовалась методика измерения аккультурационных ожиданий Джона Берри [4], адаптированная на русскоязычной выборке [1]. Респондентам предлагалось оценить степень согласия с 12-ю утверждениями, где каждый из трёх видов аккультурационных ожиданий принимающего населения (интеграция, плавильный котёл, сегрегация) оценивался 4-мя утверждениями.

Результаты исследования и их интерпретация. Сравнение средних значений по шкалам

Для более детального понимания результатов исследования, которые прописаны далее, сначала хотелось бы остановиться на средних значениях по всем шкалам (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Сравнение средних значений переменных у москвичей и таллинцев
Comparison of the mean values of variables among Muscovites and Tallinn residents

Переменная	Москвичи (214 чел.)		Таллинцы (288 чел.)	
	Средние	Стандартное отклонение	Средние	Стандартное отклонение
Гражданская идентичность	3,17	1,05	4,56	0,59
Культурная угроза	3,03	0,67	2,10	0,96
Физическая угроза	3,02	0,86	1,70	0,79
Экономическая угроза	2,67	0,78	3,15	0,79
Мультикультурализм	3,77	0,87	4,52	0,58
Плавильный котёл	2,39	0,54	2,15	0,76
Сегрегация	2,52	0,72	2,09	0,59

В первую очередь хотелось бы отметить тот факт, что таллинцы довольно позитивно ощущают себя гражданами Эстонии. У москвичей позитивность гражданской идентичности ниже. Сравнивая различные виды угрозы, стоит отметить, что в целом москвичи больше ощущают угрозу со стороны мигрантов, нежели таллинцы со стороны русских как этнического меньшинства. Уровень культурной и физической угрозы у москвичей находится на среднем уровне, в то время как у таллинцев данные показатели ниже, а воспринимаемая физическая угроза почти полностью отсутствует. Можно сделать вывод о том, что эстонцы в меньшей степени, чем русские, считают, что мигранты могут представлять угрозу ценностям, традициям, а также здоровью и жизни населения, разумеется, учитывая различия в социокультурном контексте Эстонии и России. Однако по уровню экономической угрозы таллинцы находятся выше, т. е. они видят угрозу со стороны других групп именно в контексте экономики страны и занятости населения. Наконец,

сравнивая три вида аккультурационных ожиданий, следует отметить, что уровень интеграции находится на высоком уровне у обеих групп, т. е. обе этнические группы готовы принимать представителей других групп. При этом предпочтение интеграции у таллинцев немного выше, чем у москвичей. Обратная ситуация возникает в случае двух других аккультурационных ожиданий: ассимиляции и сегрегации. Предпочтение данных стратегий в большей степени выражено у москвичей, нежели у таллинцев, т. е. москвичи в большей степени готовы как принимать новых членов в своё общество, так и жить в параллельных сообществах, не соприкасаясь друг с другом.

Первичная проверка эффекта модерации воспринимаемой угрозы

Анализ эффекта модерации проводился при помощи регрессионного анализа, чтобы можно было оценить, каким образом гражданская идентичность напрямую влияет на аккультурационные ожидания, а также каким образом на эти связи влияет воспринимаемая угроза. Для проведения указанного типа анализа использовался внешний модуль Process ver. 3.5, встроенный в программу IBM SPSS, позволяющий статистически оценить, как сторонний показатель (воспринимаемая угроза) влияет на существующую взаимосвязь. Были построены различные модели влияния каждого вида воспринимаемой угрозы на взаимосвязь гражданской идентичности и трёх видов аккультурационных ожиданий. Базовая схема модерации изображена на рисунке 1. Эффект модерации в данной модели означает, что существует некое прямое влияние гражданской идентичности на аккультурационные ожидания, которое может коренным образом поменяться (усилиться или снизиться; поменять направление с «плюса» на «минус» и т. д.), если на неё влияет третий компонент (модератор) – воспринимаемая угроза.

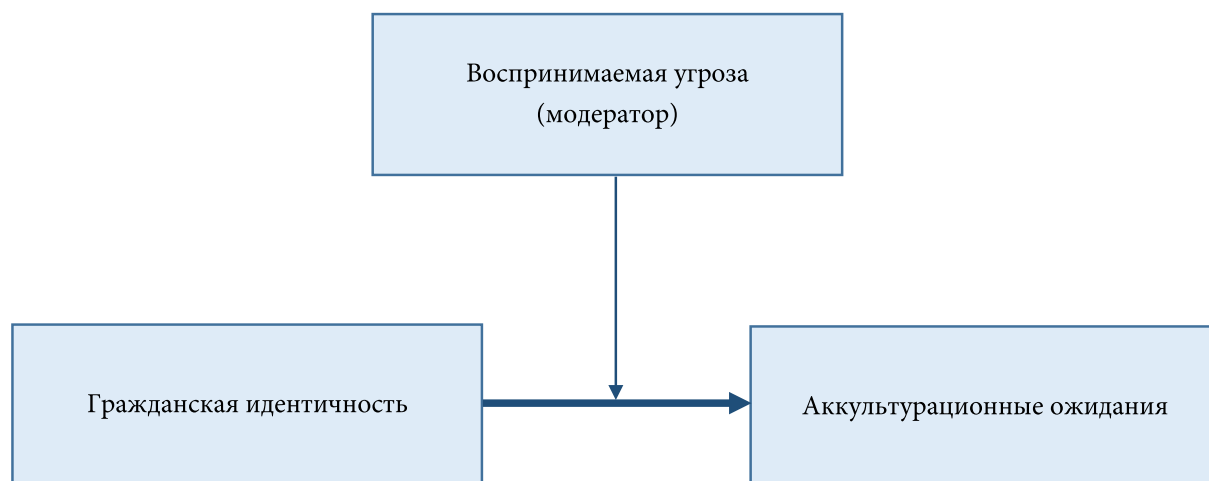

Рис. 1. Воспринимаемая угроза как модератор связи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий
Figure 1. Perceived threat as a moderator of the interrelation between civic identity and acculturation expectations

В таблицах 2 и 3 представлены основные результаты, где проверялась статистическая значимость каждой модели и влияния воспринимаемой угрозы.

Таблица 2 (Table 2)

Оценка статистической значимости эффекта модерации воспринимаемой угрозы во взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий у москвичей

Assessment of the statistical significance of the effect of moderation of perceived threat in the interrelation between civic identity and acculturation expectations among Muscovites

Тип воспринимаемой угрозы	Тип аккультурационного ожидания (москвичи)				
	Интеграция				
	β гражданской идентичности	p1	β модерации воспринимаемой угрозы	p2	p модели
Культурная угроза (модель 1.1)	0,630**	0,003	-0,180**	0,009	0,020
Экономическая угроза (модель 1.2)	0,570***	0,000	-0,170*	0,052	0,008
Физическая угроза (модель 1.3)	0,370†	0,060	-0,100	0,110	0,041
Плавильный котёл					
Культурная угроза (модель 2.1)	0,020	0,860	-0,010	0,790	0,980
Экономическая угроза (модель 2.2)	0,070	0,570	-0,030	0,510	0,900
Физическая угроза (модель 2.3)	0,010	0,850	0,010	0,870	0,880
Сегрегация					
Культурная угроза (модель 3.1)	0,030	0,530	-0,030	0,560	0,740
Экономическая угроза (модель 3.2)	-0,040	0,930	-0,001	0,940	0,880
Физическая угроза (модель 3.3)	-0,090	0,800	0,030	0,870	0,130

Где β – стандартизированный коэффициент регрессии, p – уровень значимости.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$, † – $p < 0,1$ (уровень значимости на уровне тенденций).

Таблица 3 (Table 3)

Оценка статистической значимости эффекта модерации воспринимаемой угрозы во взаимосвязи гражданской идентичности и аккультурационных ожиданий у таллинцев

Assessment of the statistical significance of the perceived threat moderation effect in the interrelation between civic identity and acculturation expectations among Tallinn residents

Тип воспринимаемой угрозы	Тип аккультурационного ожидания (таллинцы)				
	Интеграция				
	β гражданской идентичности	p1	β модерации воспринимаемой угрозы	p2	p модели
Культурная угроза (модель 1.4)	-0,130	0,570	0,060	0,410	0,100
Экономическая угроза (модель 1.5)	0,070	0,720	-0,010	0,870	0,920
Физическая угроза (модель 1.6)	0,100	0,490	-0,060	0,420	0,210
Плавильный котёл					
Культурная угроза (модель 2.4)	0,480	0,100	-0,150	0,130	0,230
Экономическая угроза (модель 2.5)	-0,660*	0,011	0,220**	0,004	0,028
Физическая угроза (модель 2.6)	0,270	0,140	-0,100	0,270	0,420
Сегрегация					
Культурная угроза (модель 3.4)	0,080	0,740	-0,020	0,780	0,970
Экономическая угроза (модель 3.5)	-0,050	0,810	0,020	0,710	0,044
Физическая угроза (модель 3.6)	-0,360*	0,014	0,210**	0,003	0,017

Где β – стандартизированный коэффициент регрессии, p – уровень значимости.

* p<0,05; ** p<0,01; *** p<0,001.

Интеграция

В первую очередь стоит отметить, что влияние воспринимаемой угрозы в выборке москвичей проявилось только в моделях, где аккультурационным ожиданием была интеграция. В моделях 1.1–1.2 видно, что чем более позитивно москвичи себя воспринимают гражданами страны, тем более положительно они относятся к интеграции мигрантов в общество. В модели 1.3 данная связь также прослеживается, но лишь на уровне тенденций. Также мы видим, что если москвичи чувствуют угрозу со стороны мигрантов, то они чаще отказываются от их интеграции в общество. В выборке таллинцев (модели 1.4–1.6) воспринимаемая угроза не проявилась совсем. В целом это можно объяснить уровнем гражданской

идентичности, который у таллинцев выше (4,56; std. откл. ,59), чем у русских (3,17; std. откл. 1,05). Более того, уровень стандартного отклонения по данному компоненту у таллинцев показывает, что разброс по уровню гражданской идентичности очень маленький. Иными словами, преобладающее большинство таллинцев позитивно воспринимают себя гражданами Эстонии. На русскоязычной выборке данный разброс гораздо выше.

Плави́льный котёл

В моделях 2.1–2.3 можно увидеть, что у москвичей нет связи между позитивностью гражданской идентичности и желанием ассимилировать мигрантов в своё общество. Рассматривая эстонскую выборку, мы видим, что здесь влияние оказывает только воспринимаемая экономическая угроза (модель 2.5). При этом довольно интересно, что чем более позитивно таллинцы ощущают себя гражданами страны, тем в меньшей степени они готовы принять русских в своё общество. Однако уровень воспринимаемой угрозы экономике страны резко меняет эту связь, повышая готовность ассимилировать русских в своё общество.

Сегрегация

В данном случае у русских (модели 3.1–3.3) снова не прослеживается никакого влияния воспринимаемой угрозы. Однако же у эстонцев срабатывает модель 3.6. Здесь можно увидеть, что чем более позитивно таллинцы чувствуют себя гражданами страны, тем меньше они хотят, чтобы русскоязычное меньшинство существовало отдельно. Влияние воспринимаемой физической угрозы всё меняет и ведёт к тому, что контакты таллинцев с русскими становятся более редкими и менее предпочтительными. Таким образом, жизнь таллинских эстонцев и русских может в этом случае проходить в параллельных обществах, изолированных друг от друга.

В итоге можно сказать, что у москвичей воспринимаемая угроза оказала негативное влияние только на предпочтение стратегии «интеграции» со стороны мигрантов. Согласно теории социальной идентичности [19], это может быть связано с тем, что при более высоком уровне ассоциирования себя частью российского гражданского общества в меньшей степени проявляется и воспринимаемая угроза со стороны мигрантов. Интеграция подразумевает жизнь в одном обществе, где не происходит как такового деления на своих и чужих. В случае же таллинцев уровень гражданской идентичности оказывается примерно на одном довольно высоком уровне (4,56; см. табл. 1), а потому влияние воспринимаемой угрозы в контексте интеграции оказывается несущественным. Таким образом, воспринимаемая угроза оказалась модератором у москвичей, однако не проявилась у таллинцев.

У москвичей влияние гражданской идентичности на «плави́льный котёл» и «сегрегацию» не проявляется. В выборке таллинцев, однако, можно наблюдать, что высокий уровень воспринимаемой экономической угрозы ведёт к «плави́льному котлу», а высокий уровень физической угрозы – к «сегрегации». Такие различия в результатах могут быть из-за

того, что у таллинцев мы измеряем, по сути, различия между высоким уровнем гражданской идентичности и очень высоким, тогда как гражданская идентичность у москвичей гораздо более размыта. В случае экономической угрозы таллинцы стремятся снизить её через ассимиляцию («плавильный котёл») русских в своё общество, при этом другая группа полностью перенимает культуру доминирующей группы. В случае же физической угрозы можно увидеть взаимосвязь с «сегрегацией», в случае которой ожидается, что русскоязычное меньшинство будет существовать отдельно. Таким образом, можно сказать, что эффект модерации проявился только в выборке таллинцев, у москвичей данный эффект не был найден.

Из данных таблиц можно увидеть, что значимые связи показали лишь 5 моделей, на которых мы более подробно остановимся.

Анализ статистически значимых моделей с присутствующим эффектом модерации воспринимаемой угрозы

В таблице 4 расписано, каким образом происходит изменение влияния гражданской идентичности на три вида аккультурационных ожиданий в зависимости от уровня воспринимаемой угрозы. Данная таблица является основной при рассмотрении эффекта модерации, однако для более понятного анализа каждая из пяти моделей будет рассмотрена отдельно с добавлением визуализации данных.

Таблица 4 (Table 4)

Воспринимаемая угроза как модератор связи гражданской идентичности и трёх видов аккультурационных ожиданий принимающего населения
Perceived threat as a moderator of the connection between civic identity and the three types of acculturation expectations of the host population

Тип воспринимаемой угрозы	Москвичи			
	Интеграция			
	β	SE	p	p модерации
Культурная угроза (модель 1.1)				
2,35	0,21***	0,08	0,007	0,009
3,00	0,09	0,06	0,110	
3,75	-0,04	0,08	0,600	
Экономическая угроза (модель 1.2)				
2,00	0,21***	0,07	0,003	0,005
2,50	0,10*	0,06	0,021	
3,50	-0,07	0,07	0,599	
Физическая угроза (модель 1.3)				
2,00	0,18*	0,09	0,047	0,109
3,00	0,08	0,06	0,154	
4,00	-0,01	0,08	0,851	

Продолжение таблицы 4

Тип воспринимаемой угрозы	Таллинцы			
	Плавильный котёл			
	β	SE	p	p модерации
Экономическая угроза (модель 2.5)				
2,50	-0,09	0,09	0,293	0,004
3,00	0,02	0,07	0,827	
4,00	0,24*	1,00	0,012	
Сегрегация				
Физическая угроза (модель 3.6)				
1,00	-0,15	0,09	0,094	0,003
2,00	0,06	0,06	0,306	

Где β – стандартизированный коэффициент регрессии, SE – стандартное отклонение, p – уровень значимости.

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Модель 1.1

На рисунке 2 показано, что уровень воспринимаемой культурной угрозы вполне определённым образом меняет взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции».

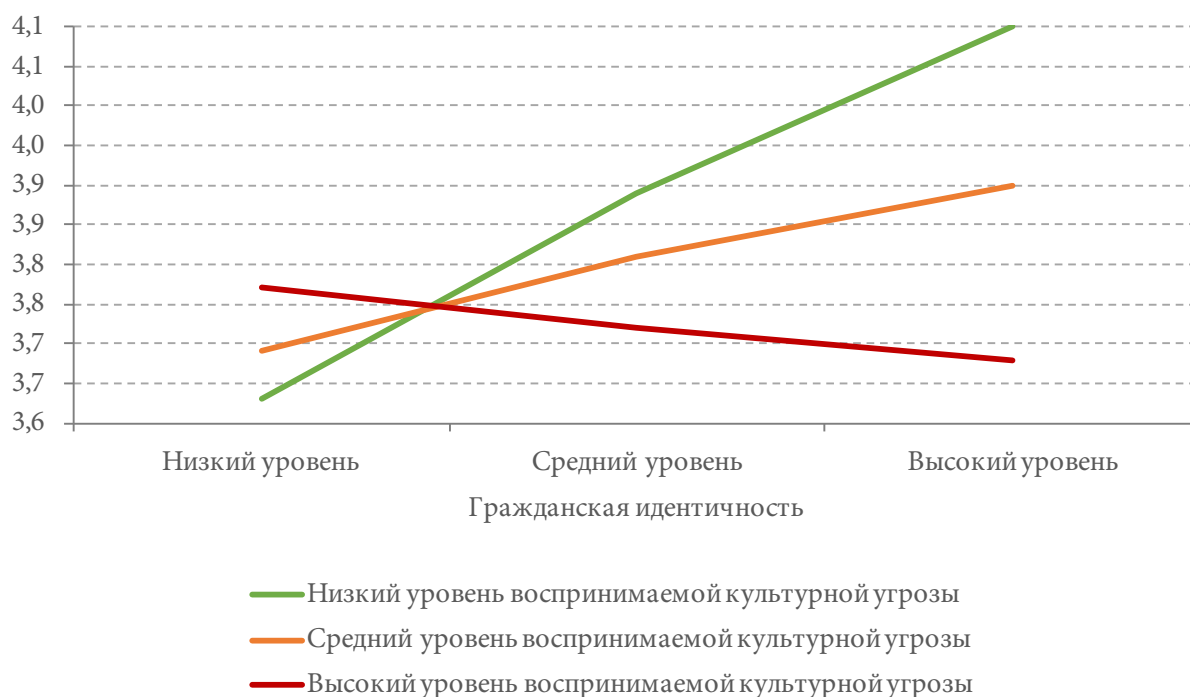

Рис. 2. Взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции» у москвичей с различным уровнем воспринимаемой культурной угрозы

Figure 2. The interrelation between civic identity and “integration” among Muscovites with different levels of perceived cultural threat

При низком уровне воспринимаемой культурной угрозы гражданская идентичность в большей степени предсказывает предпочтение «интеграции» мигрантов в своё общество, чем в случае среднего уровня

угрозы. При высоком уровне угрозы возникает, пусть и небольшая, но отрицательная взаимосвязь между гражданской идентичностью и «интеграцией». Примечательно, что при низком уровне гражданской идентичности воспринимаемая угроза почти никак не влияет на предпочтение «интеграции». При среднем и высоком уровнях гражданской идентичности эффект модерации воспринимаемой культурной угрозы становится выраженным.

Таким образом, можно сказать, что чем меньше москвичи ощущают угрозу своей культуре и чем более позитивно их гражданское самощущение, тем в большей степени они готовы жить в одном обществе с другой группой. Если же уровень культурной угрозы возрастает до среднего уровня, готовность интегрировать мигрантов становится немного ниже. Наконец, в случае высокого уровня воспринимаемой угрозы для культуры своей группы, предпочтение «интеграции» полностью исчезает.

Модель 1.2

На рисунке 3 можно наблюдать, что воспринимаемая экономическая угроза имеет примерно схожий механизм влияния, как и культурная угроза. При низком уровне угрозы с ростом уровня гражданской идентичности растёт и предпочтение «интеграции». В случае же низкого уровня угрозы предпочтение интеграционной стратегии становится ниже с изменением уровня гражданской идентичности. При высоком уровне воспринимаемой угрозы в обоих случаях взаимосвязь становится отрицательной.

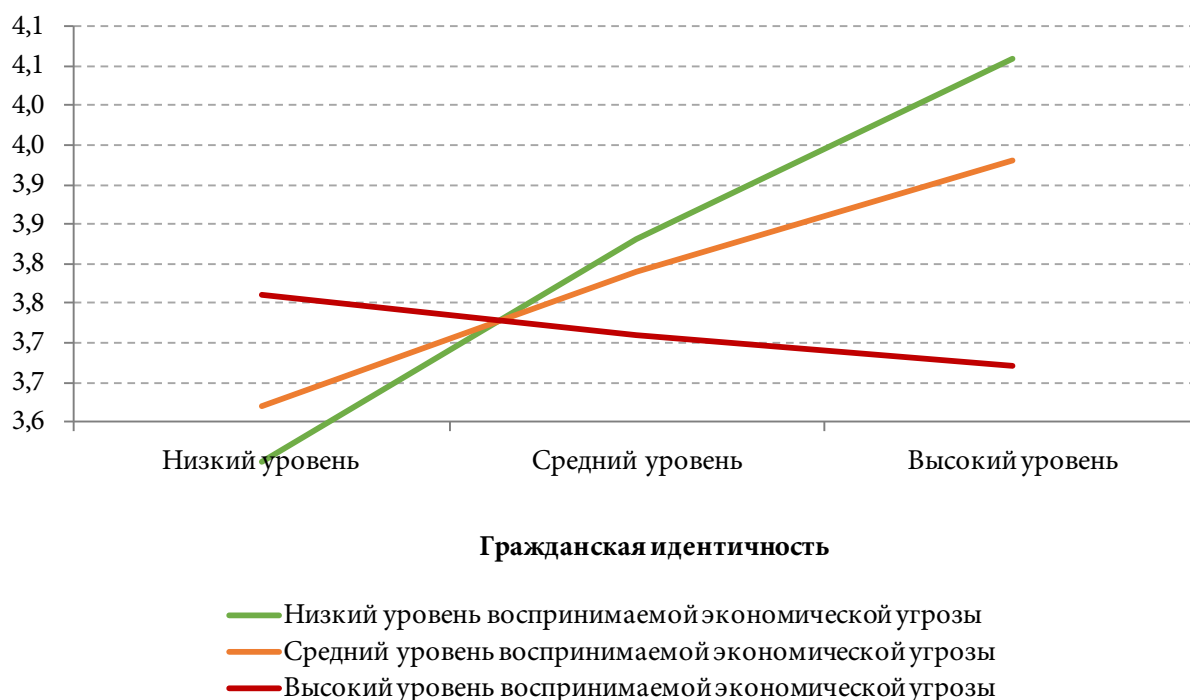

Рис. 3. Взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции» у москвичей с различным уровнем воспринимаемой экономической угрозы

Figure 3. The interrelation of civic identity and “integration” among Muscovites with different levels of perceived economic threat

Таким образом, чем меньше угроза экономическому статусу русских, а также чем в большей степени русские позитивно ощущают свою принадлежность государству, тем вероятнее они будут готовы интегрировать мигрантов в своё общество. Если же экономическая угроза оказывается на высоком уровне, то предпочтение «интеграции» исчезает так же, как и в случае с высоким уровнем культурной угрозы.

Модель 1.3

На рисунке 4 также изображена модель, где медиатором оказалась воспринимаемая физическая угроза. В этой модели связи прослеживаются лишь на уровне тенденций, однако для полноты картины данная модель тоже будет рассмотрена.

Как видим, данный вид воспринимаемой угрозы работает примерно сходным образом с экономической и культурной угрозами. При низком уровне угрозы с ростом гражданской идентичности растёт и предпочтение «интеграции», но при снижении данного вида угрозы предпочтение «интеграции» падает.

Следовательно, можно сказать, что чем ниже ощущается угроза жизни и здоровью русских, тем в большей степени при росте гражданской идентичности люди готовы жить в мультикультурной среде с другой группой. В случае физической угрозы изменения в выборе стратегии «интеграции» менее явные, чем в случае других двух угроз. Можно предположить, что в контексте интеграции русские больше обращают внимание на угрозу экономике и культуре, нежели физической безопасности.

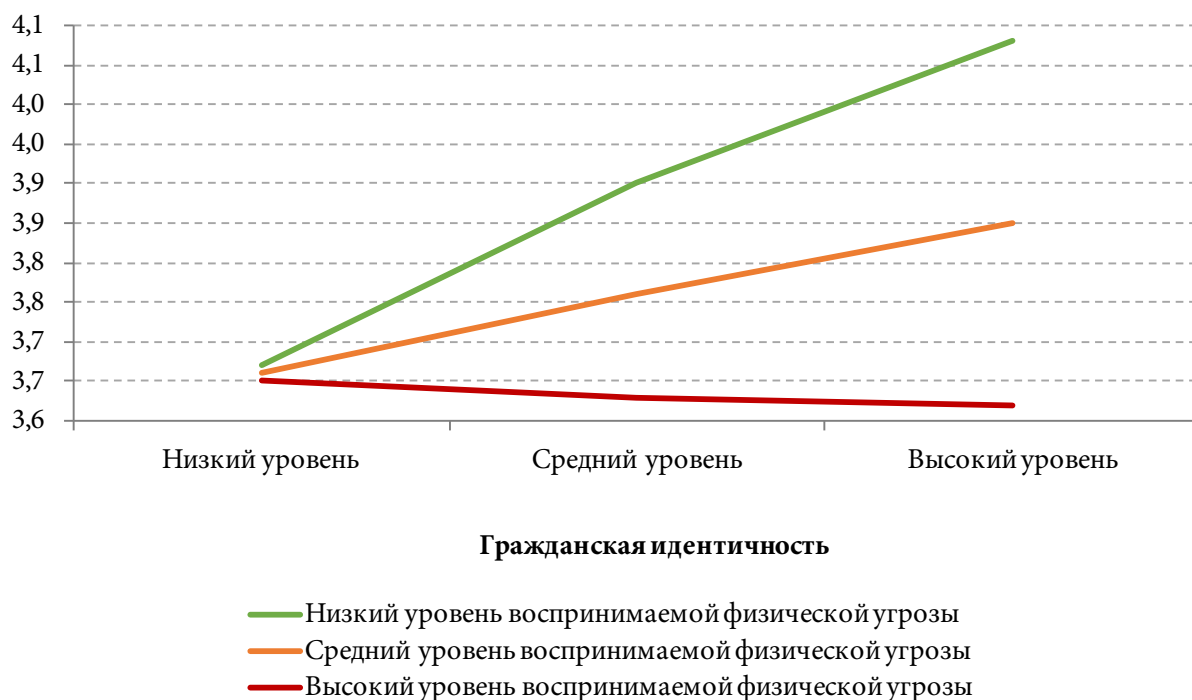

Рис. 4. Взаимосвязь гражданской идентичности и «интеграции» у москвичей с различным уровнем воспринимаемой физической угрозы

Figure 4. The interrelation of civic identity and “integration” among Muscovites with different levels of perceived physical threat

Модель 2.5

Теперь рассмотрим первую модель, показавшую статистическую значимость у эстонцев. На рисунке 5 можно увидеть, что высокий уровень воспринимаемой экономической угрозы с ростом гражданской идентичности ведёт к выраженному предпочтению «плавильного котла». Низкий уровень меняет данную взаимосвязь с точностью до наоборот. При среднем уровне экономической угрозы в целом гражданская идентичность почти никак не влияет на выбор «плавильного котла».

Итак, можно сказать, что если эстонцы видят угрозу экономическому благополучию граждан, то с ростом позитивного отношения к принадлежности гражданскому обществу эстонцы в большей степени ждут ассимиляции и принятия своей культуры от русского этнического меньшинства.

Довольно интересным моментом является градация уровня гражданской идентичности на рисунках 4 и 5. В русскоязычной выборке (рис. 4) уровень гражданской идентичности варьирует в анализе от 2 до 4,5, охватывая и низкий, и средний, и высокий уровни выраженности. В случае эстонцев (рис. 5) мы видим, что гражданская идентичность меняется от значения 4 до значения 5, т. е. от высокого уровня к очень высокому. Это дополнительно иллюстрирует факт того, что уровень позитивности гражданской идентичности у эстонцев в среднем значительно выше, чем у русских.

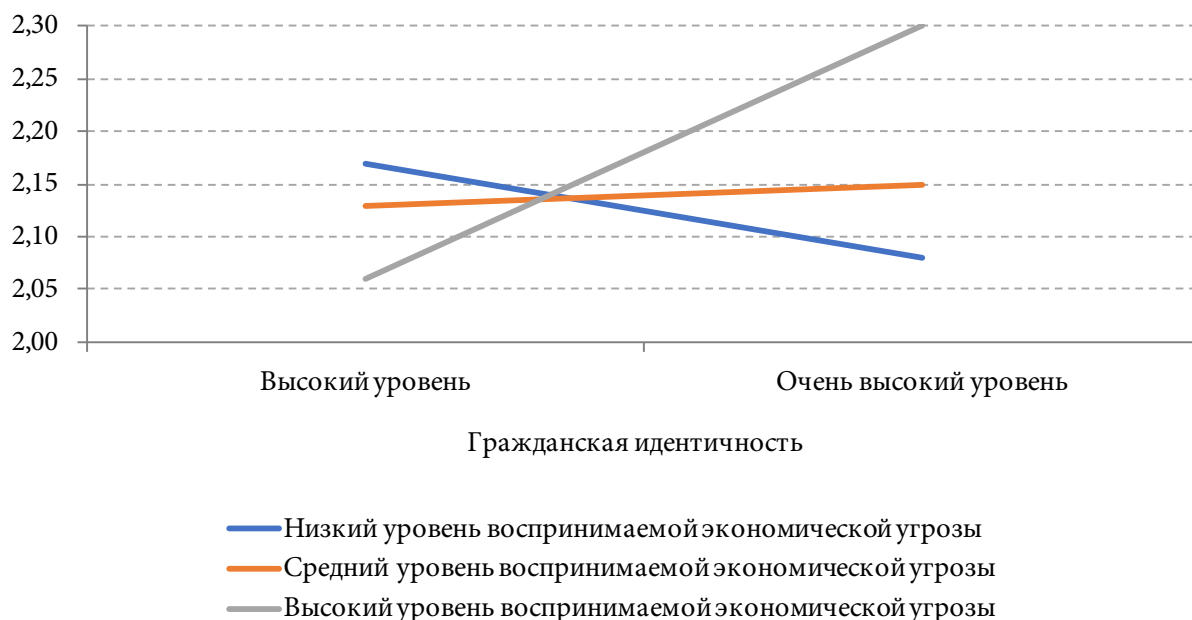

Рис. 5. Взаимосвязь гражданской идентичности и «плавильного котла» у таллинцев с различным уровнем воспринимаемой экономической угрозы

Figure 5. The interrelation between civic identity and the “melting pot” among Tallinn residents with different levels of perceived economic threat

Модель 3.6

Наконец, рассмотрим модель, где модератором оказывается физическая угроза. На рисунке 6 видим, что уровень физической угрозы оказывается в целом довольно низким и варьируется от единицы до двух. Иными словами, от полного отсутствия физической угрозы до низкого уровня её присутствия.

В данной ситуации при отсутствии воспринимаемой угрозы предпочтение сегрегации становится ниже с ростом гражданской идентичности. Если же физическая угроза начинает слегка проявляться на низком уровне, то появляется некоторая тенденция к предпочтению «сегрегации».

Следовательно, можно сказать, что у эстонцев в случае опасности жизни и здоровью проявляется стремление не контактировать с другим обществом и не принимать членов другой группы в свои ряды, что напрямую связано с ростом позитивного ощущения принадлежности к гражданскому обществу.

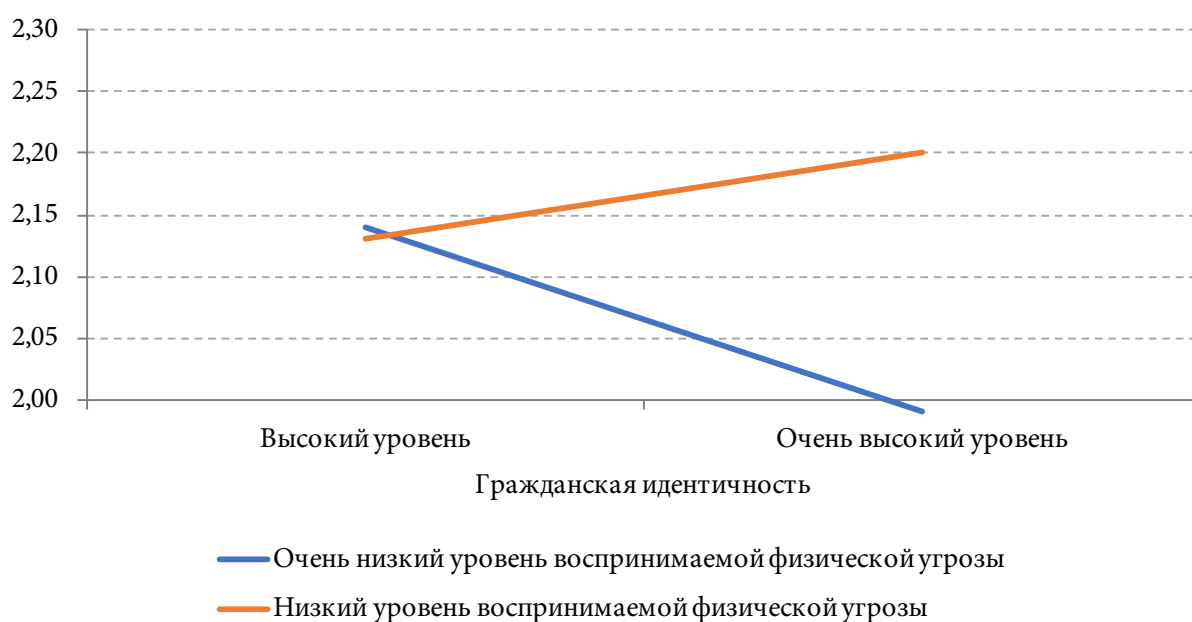

Рис. 6. Взаимосвязь гражданской идентичности и «сегрегации» у таллинцев с различным уровнем воспринимаемой физической угрозы

Figure 6. Interrelation of civic identity and “segregation” among Tallinn residents with different levels of perceived physical threat

Заключение

Таким образом, мы можем сказать, что модерационная роль воспринимаемой угрозы действительно оказалась различной в разных контекстах: у москвичей по отношению к мигрантам и у таллинцев по отношению к русским как этническому меньшинству. Воспринимаемая угроза частично выступила модератором в связи гражданской идентичности

с «интеграцией» на примере русскоязычной выборки, на эстонскоязычной же выборке воспринимаемая угроза не оказала никакого влияния. Согласно теории социальной идентичности [19], можно предположить, что в случае высокого уровня позитивности гражданской идентичности воспринимаемая угроза не должна иметь никакой роли во взаимосвязи гражданской идентичности и интеграции, т. к. в этом случае общество является одним целым. Следовательно, оказывается логичным тот факт, что воспринимаемая угроза оказалась модератором только на выборке москвичей, т. к. у них уровень гражданской идентичности ранжируется от низкого до высокого. У таллинцев же уровень исключительно высокий.

При этом эффект модерации воспринимаемой угрозы, где аккультурационными ожиданиями выступили «плавильный котёл» и «сегрегация», частично подтвердился только на выборке таллинцев. Данные два аккультурационных ожидания отличаются от интеграции тем, что в их случае принимающее население не хочет воспринимать культуру другой группы. В случае же «плавильного котла» другая группа отказывается от своей культуры, перенимая новую, а в случае «сегрегации» другая группа должна жить в параллельном обществе, не соприкасаясь с принимающим населением.

Практическая значимость данного исследования может быть в развитии миграционной или интеграционной политики. Понимание того, что экономическая угроза является фактором, который может влиять на отчуждение русскоязычного населения в Таллине, может способствовать созданию и развитию направлений в контексте занятости населения как эстонцев, так и русских. Кроме того, на примере Таллина мы можем увидеть, что экономическая угроза никак не связана с возможной интеграцией населения. В случае же ситуации, происходящей в Москве, результаты показывают, что различные виды воспринимаемой угрозы связаны с вопросами интеграции мигрантов в общество, но никак не влияют на полное принятие мигрантов в своё общество или на их отчуждение.

Итак, для будущих исследований важно, какую роль выполняет угроза в зависимости от контекста. В первом случае воспринимаемая угроза со стороны мигрантов может оказывать влияние на ожидания «интеграции» принимающего населения со стороны мигрантов. Случай же, когда воспринимаемая угроза оказывается со стороны этнических меньшинств, которые не воспринимаются мигрантами, а проживают на одной территории не одно поколение, несколько иной. В этой ситуации воспринимаемая угроза может влиять не на «интеграционные» ожидания, а на ожидания, когда этническое меньшинство либо живёт отдельно («сегрегация»), либо становится частью принимающего сообщества («плавильный котёл»). Однако для проверки данных предположений следует существенно увеличить выборку, где будут не только представители одного региона страны, как, например, москвичи или таллинцы, но и представители других регионов со схожей ситуацией взаимодействия с другими этническими группами.

На мой взгляд, можно значительно увеличить русскоязычную и эстонскую выборки, разделив их условно на три части: с высоким, средним и низким уровнем идентичности. В случае российского общества эта задача видится реальной, однако в случае эстонского общества, учитывая довольно высокий уровень его гражданской идентичности, данная задача кажется трудновыполнимой, но интересной.

В будущем планируется сравнение результатов других предикторов аккультурационных ожиданий между различными группами в иных странах с дальнейшим анализом роли воспринимаемой угрозы.

Библиографический список

1. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей / Под ред. Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 336–375.

2. Татарко. А. Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2014. 384 с.

3. Berry J. W. Contexts of Acculturation // Immigrant Youth in Cultural Transition / Berry J. W., Phinney L. S., Sam D. L., Vedder P. (eds.). N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.

4. Berry J. W. Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS) // URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips> (дата обращения: 20.04.2021).

5. Cao C., Meng Q. Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 72. P. 58–68. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002

6. Caricati I. Perceived threat mediates the relationship between national identification and support for immigrant exclusion: A Cross-National Test of Ingroup Threat Theory // International Journal of Intercultural Relations. 2018. Vol. 66. P. 41–51. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.06.005

7. Dimitrova R., Bender M., Chasiotis A., van der Vijver F. Ethnic identity and acculturation of Turkish-Bulgarian adolescents // International Journal of Intercultural Relations. 2013. Vol. 37. № 4. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2012.04.005

8. Jubran H., Horenczyk G., Benet-Martinez V. Profiles of Multicultural Identity and Integration in a Conflictual Context // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 77. P. 1–12. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.001.

9. Leong C., Komisarof A., Dandy j., Jasinskaja-Lahti I., Safdar S., Hanke K., Teng E. What does it take to become “one of us”? Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood // International Journal of Intercultural Relations. 2020. Vol. 78. P. 10–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.04.006

10. Louis V., Esses V., Lalonde R. National identification, perceived threat, and dehumanization as antecedents of negative attitudes toward immigrants in Australia and Canada // *Journal of Applied Social Psychology*. 2013. Vol. 43. P. 156–165.
11. Mangum M. Revisiting economic threat and cultural concerns: Public opinion toward immigration and non-citizens by race // *Social Science Research*. 2019. Vol. 83. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2019.05.002
12. Montreuil A., Bourhis R. Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants // *International Journal of Intercultural Relations*. 2004. Vol. 28. P. 507–532. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.01.002
13. Nimmerfeldt G. Identificational integration of second-generation Russians in Estonia // *Studies of Transition States and Societies*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 25–35.
14. Saenz-Hernandez I., Lapresta-Rey C., Ianos M., Petrenas C. Identity and linguistic acculturation expectations. The attitudes of Western Catalan high-school students towards Morrocans and Romanians // *International Journal of Intercultural Relations*. 2020. Vol. 75. P. 10–22. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2019.12.001
15. Schwartz S. J., Vignoles V. L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism: Situating acculturation in context // V. Benet-Martinez, Y.-Y. Hong (Eds.). *Oxford library of psychology. The Oxford handbook of multicultural identity*, New York: Oxford University Press. 2014. P. 57–93.
16. Steffens M. C., Reese G., Ehrke F., Jonas K. J. When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective // *PLoS ONE*. 2017. Vol. 12. № 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0178738
17. Stephan W. G., Stephan C. W. *An Integrated Threat Theory of Prejudice* // S. Oskamp (Eds.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000. P. 225–246.
18. Stephan W. G., Boniecki K., Ybarra O., Bettencourt A., Ervin K., Jackson L., McNatt P., Renfro C. The role of threats in the Racial Attitudes of Blacks and Whites // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. № 9. P. 1242–1254.
19. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.). *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986. P. 276–293.
20. Vetik R. Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30. No 4. P. 271–280.
21. Vetik R. & Helemäe J. *The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia*. Amsterdam University Press, 2011. 250 p.
22. Yakobov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. Expectations and acculturation: Further unpacking of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal // *International Journal of Intercultural Relations*. 2019. Vol. 68. P. 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001

23. Yoo C. Acculturation strategies of multi-cultural family adolescents in South Korea: Marginalization, separation, assimilation and integration // *International Journal of Intercultural Relations*. 2021. Vol. 81. P. 9–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.12.011

Статья поступила 25.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Родионов Гермоген Ярославович, аспирант, Центр социокультурных исследований, департамент психологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.722

Civic Identity and Acculturation Expectations of Muscovites and Tallinn Residents: The Role of Perceived Threat

This article is an output of a research project implemented as part of Basic Research Program at National Research University Higher School of Economics (HSE University)

Germogen Y. Rodionov

National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia

E-mail: grodionov@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-1113-1810

For citation: Rodionov G. Y. Civic identity and acculturation expectations of Muscovites and Tallinn residents: the role of perceived threat. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 194–215. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.721

Abstract. Currently, Russia ranks fourth in terms of the influx of migrants (officially, their number in the country is 12 million), with most of them concentrated in Moscow. In Estonia, the influx of migrants is significantly lower, however, after the collapse of the USSR, quite a lot of Russians ended up in the status of an ethnic minority. At the moment they make up almost a quarter of the population of Estonia (the total number is more than 300 thousand people). This study examines the role of perceived threat as a moderator of the link between civic identity and acculturation expectations in two different ethnic groups in two different countries. The aim of the study is to provide the answers to the questions: What role does perceived threat play in the relationship between civic identity and the acculturation expectations of the host population? Is the perceived threat a moderator? What are the differences in the role of the perceived threat in different contexts: from Muscovites (ethnic Russians) to migrants and from Tallinn residents (ethnic Estonians) to Russians who are an ethnic minority? This study was conducted using an online socio-psychological survey. The responses of the survey participants determined the level of civic identity, perceived threat and acculturation expectations. The sample consisted of 214 ethnic Russians living in Moscow and 288 ethnic Estonians living in Tallinn. The results of the study showed that the perceived threat is a moderator of the connection between civic identity and integration among Muscovites. It is significant that here the cultural and economic threat became the moderator, and the physical threat turned out to be significant only at the level of tendencies. For Tallinn residents, the perceived economic threat turned out to be a moderator of the link between civic identity and the “melting pot”, and the physical threat – a moderator of civic identity and “segregation.” Thus, the cultural threat did not show any influence among Tallinn residents. It should be noted that the moderation effect worked differently in each group. For Muscovites, the perceived threat was associated with integration attitudes. In Tallinn, it has shown links with two strategies that imply a complete lack of integration.

Keywords: civic identity, perceived threat, acculturation, acculturation expectations, migration, Russia, Estonia

References

1. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. Sravnitel'nyy analiz strategiy vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii v Moskve i Stavropol'skom krae. [Comparative analysis of the strategies between migrants and the population of Russia in Moscow and The Stavropol]. Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya migrantov i naseleniya Rossii. Ed. by N. M. Lebedeva, A. N. Tatarko. Moscow: RUDN publ., 2009: 336–375. (in Russ.)
2. Tatarko A. Socialno-psixologicheskij kapital lichnosti v polikulturnom obshchestve [Socio-psychological capital of the individual in a multicultural society]. Moscow, Institut Psikhologii RAN, 2014: 384. (in Russ.)
3. Berry J. W. Contexts of Acculturation. Immigrant Youth in Cultural Transition. Berry J. W., Phinney L. S., Sam D. L., Vedder P. (eds.). New York, Lawrence Erlbaum Associates, 2006: 27–42.
4. Berry J. W. Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS). URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips>
5. Cao C., Meng Q. Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 72: 58–68. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002
6. Caricati I. Perceived threat mediates the relationship between national identification and support for immigrant exclusion: A Cross-National Test of Ingroup Threat Theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 2018: 66: 41–51. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.06.005
7. Dimitrova R., Bender M., Chasiotis A., van der Vijver F. Ethnic identity and acculturation of Turkish-Bulgarian adolescents. *International Journal of Intercultural Relations*, 2013: 37: 4: 1–10. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2012.04.005.
8. Jubran H., Horenczyk G., Benet-Martinez V. Profiles of Multi-cultural Identity and Integration in a Conflictual Context. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 77: 1–12. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.001.
9. Leong C., Komisarof A., Dandy J., Jasinskaja-Lahti I., Safdar S., Hanke K., Teng E. What does it take to become “one of us”? Redefining ethnic-civic citizenship using markers of everyday nationhood. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 78: 10–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.04.006.
10. Louis V., Esses V., Lalonde R. National identification, perceived threat, and dehumanization as antecedents of negative attitudes toward immigrants in Australia and Canada. *Journal of Applied Social Psychology*, 2013: 43: 156–165.
11. Mangum M. Revisiting economic threat and cultural concerns: Public opinion toward immigration and non-citizens by race. *Social Science Research*, 2019: 83. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2019.05.002.
12. Montreuil A., Bourhis R. Acculturation orientations of competing host communities toward valued and devalued immigrants. *International Journal of Intercultural Relations*, 2004: 28: 507–532. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2005.01.002.
13. Nimmerfeldt G. Identificational integration of second-generation Russians in Estonia. *Studies of Transition States and Societies*, 2009: 1: 1: 25–35.
14. Saenz-Hernandez I., Lapresta-Rey C., Ianos M., Petrenas C. Identity and linguistic acculturation expectations. The attitudes of Western Catalan high-school students towards Moroccans and Romanians. *International Journal of Intercultural Relations*, 2020: 75: 10–22. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2019.12.001.
15. Schwartz S. J., Vignoles V. L., Brown R., Zagefka H. The identity dynamics of acculturation and multiculturalism: Situating acculturation in context. V. Benet-Martinez, Y.-Y. Hong (Eds.) Oxford library of psychology. The Oxford handbook of multicultural identity, New York: Oxford University Press, 2014: 57–93.
16. Steffens M. C., Reese G., Ehrke F., Jonas K. J. When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective. *PLoS ONE*, 2017: 12: 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0178738.
17. Stephan W. G., Stephan C. W. An Integrated Threat Theory of Prejudice. S. Oscamp (Eds.). Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum, 2000: 225–246.

18. Stephan W. G., Boniecki K., Ybarra O., Bettencourt A., Ervin K., Jackson L., McNatt P., Renfro C. The role of threats in the Racial Attitudes of Blacks and Whites. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002: 28: 9: 1242–1254.
19. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel, & W. G. Austin (Eds.). *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986: 276–293.
20. Vetik R. Ethnic Conflict and Accommodation in Post-Communist Estonia. *Journal of Peace Research*, 1993: 30: 4: 271–280.
21. Vetik R., Helemäe J. The Russian Second Generation in Tallinn and Kohtla-Järve: The TIES Study in Estonia. Amsterdam University Press, 2011: 250.
22. Yakobov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. Expectations and acculturation: Further unpacking of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal. *International Journal of Intercultural Relations*, 2019: 68: 67–76. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001
23. Yoo C. Acculturation strategies of multi-cultural family adolescents in South Korea: Marginalization, separation, assimilation and integration. *International Journal of Intercultural Relations*, 2021: 81: 9–19. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2020.12.011.

The article was submitted on April 25.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Germogen Y. Rodionov, postgraduate student at the Center for Sociocultural Research and Department of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>

